

СОБРАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ

АЛЕКСАНДРА КОНСТАНТИНОВИЧА

ГЕЙНСА.

ТОМЪ II-й.

МОТИВИРОВАННАЯ ВРЕМЕННАЯ ИНСТРУК-
ЦІЯ УѢЗДНЫМЪ НАЧАЛЬНИКАМЪ ТУРГАЙ-
СКОЙ ОБЛАСТИ.

1878 ГОДЪ.

Мотивы къ временной инструкціи уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области и соображенія по управленію киргизами.

Во время ревизіи ввѣренной мнѣ области, въ дѣятельности уѣздной администраціи можно было замѣтить двѣ характеристическія черты, при которыхъ каждая какъ бы исключаетъ другъ друга. Рядъ несомнѣнныхъ доказательствъ выставляетъ въ отличномъ свѣтѣ добросовѣстность и усердіе уѣздныхъ начальниковъ; другіе же факты также ясно обнаруживаютъ неудовлетворительное положеніе дѣлъ во ввѣренныхъ имъ уѣздахъ. Сопоставленіе такихъ противорѣчивыхъ обстоятельствъ указало и на причины этого раскола между намѣреніями и дѣйствіями служащихъ: *администрація Тургайской области не руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ одною общею, твердо опредѣленною и ясно сознаною точкою зрѣнія.*

Несмотря на уваженіе, вынесенное мною изъ ревизіи къ личнымъ качествамъ уѣздныхъ начальниковъ, я не могу умолчать, что неустойчивость и шаткость дѣйствій уѣздной администраціи зависитъ, во первыхъ, отъ неполнаго знакомства съ жизнью и нуждами киргизовъ; во вторыхъ, отъ незнанія цѣли, къ которой нужно

стремиться русской администраціи въ степи, и, въ третьихъ,—и это бываетъ чаще всего,—отъ того и другого вмѣстѣ.

Вслѣдствіе отсутствія основательныхъ знаній о киргизской жизни и неимѣнія руководящей точки зрѣнія, каждый уѣздный начальникъ принужденъ дѣйствовать по своему крайнему разумѣнію и безъ согласованія съ дѣйствіями другихъ уѣздныхъ начальниковъ. При этомъ программа, которая должна бы быть обязательно для всѣхъ, замѣнилась личнымъ взглядомъ каждаго. Личная же точка зрѣнія, если она не ограничена надлежащею отвѣтственностью, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, можетъ незамѣтно переходить въ произволь.

Это особенно возможно въ степи, жители которой, мало развитые и добрые киргизы, представляютъ крайне соблазнительный матеріалъ для опытныхъ приложений къ ихъ неустановившейся жизни всякаго рода личныхъ воззрѣній, всего, что только можетъ казаться полезнѣйшимъ и наилучшимъ для кочевниковъ. И чѣмъ полнѣе незнаніе кочевой жизни, и чѣмъ сильнѣе желаніе уѣзднаго начальника быть дѣятельнымъ и полезнымъ, тѣмъ болѣе представляется опасности, что онъ увлечется своими личными убѣжденіями, въ ущербъ дѣйствительныхъ нуждъ подчиненныхъ ему киргизовъ.

Отсутствіе однообразнаго административнаго приѣма по управленію киргизами можетъ имѣть основаніе и въ прошломъ оренбургской администраціи.

Во времена бывшаго Оренбургскаго военнаго губернатора, графа Сухтелена, установилась странная точка зрѣнія, будто интересы Россіи требуютъ удержанія киргизовъ во что бы то ни стало въ ихъ кочевомъ состояніи. Генералъ Перовскій держался того же мнѣнія. Его преемникъ, генералъ Обручевъ, пришелъ къ другому крайнему убѣжденію, а именно, будто полезно и возможно сдѣлать киргизовъ осѣдлыми, хотя бы и фор-

сированными мѣрами. Вновь занявшій мѣсто Обручева графъ Перовскій сдѣлалъ рядъ прямо противоположныхъ распоряженій и свою мысль о необходимости для киргизовъ оставаться кочевыми довелъ до такого предѣла, что запретилъ имъ строить прочныя землянки. Генералъ Катенинъ склонился опять къ идеямъ Обручева. Всѣ эти эксперименты, построенные на незнаніи степи и на апіористическихъ, а потому невѣрныхъ воззрѣніяхъ, оканчиваются назначеніемъ генерала Безака, съ котораго въ Оренбургѣ устанавливается покойная государственная точка зрѣнія на киргизскія степи.

Эти переходы отъ одной крайности къ другой создавали въ мѣстной администраціи жаркихъ поборниковъ каждой изъ обѣихъ одинаково невѣрныхъ точекъ зрѣнія. Несмотря на принципы, которыми руководствуется настоящій генералъ-губернаторъ, представители мнѣній, оставленныхъ въ странѣ Сухтеленемъ и Обручевымъ, стараются вести дѣло не такъ, какъ требуется «Временнымъ Положеніемъ» или нуждами киргизовъ, а такъ, какъ, по ихъ мнѣнію, это кажется наилучшимъ.

Обо всемъ вышеизложенномъ я имѣлъ честь докладывать г. главному начальнику края, и его высокопревосходительство поручилъ мнѣ, на основаніи данныхъ имъ указаній, возстановить необходимое единство административныхъ точекъ зрѣнія.

Съ этою цѣлью, въ концѣ прошлаго года, въ Оренбургъ были вызваны всѣ уѣздные начальники Тургайской области. Подъ моимъ предсѣдательствомъ была составлена особая коммисія изъ членовъ областного правленія и уѣздныхъ начальниковъ, которая установила нѣкоторое единство воззрѣній относительно главнѣйшихъ вопросовъ по управленію киргизами Тургайской области. При этомъ стало очевидно, что отсутствіе инструкции у уѣздныхъ начальниковъ повело не только къ разрозненности дѣйствій, но и содѣйствовало обра-

зованію діаметрально-протівоположнихъ точекъ зрѣнія на управленіе киргизами.

Восполняя этотъ недостатокъ, я составилъ инструкцію, представляющую, почти безъ измѣненія, результатъ трудовъ коммисіи, о которой было говорено выше. Но мнѣ казалось недостаточнымъ ограничиться рядомъ сухихъ указаній, потому что исполнителямъ предлагаемой инструкции останутся тогда непонятными вызвавшіе ее мотивы. На этомъ основаніи, я счелъ полезнымъ предпослать инструкции нѣсколько общихъ замѣчаній и мнѣній о важнѣйшихъ сторонахъ киргизской жизни, которыя могутъ помочь чинамъ Тургайской области вникнуть серьезнѣе въ нужды и потребности подчиненныхъ имъ кочевниковъ.

Прошу имѣть въ виду, что я не считаю предлагаемые мотивы и соображенія окончательными или безошибочными. Я полагаю, что изложить ихъ было необходимо, чтобы вызвать поясненія, дополненія, а можетъ быть и опроверженія, чтобы заставить вдуматься въ особыя условія киргизской жизни и тѣмъ положить начало къ ея тщательному и всестороннему изученію.

Для повѣрки всего мною изложеннаго въ настоящей запискѣ и для дальнѣйшей выработки вѣрной точки зрѣнія на киргизовъ, необходимъ обмѣнъ знаній и взаимная повѣрка построенныхъ на нихъ выводовъ. Потому казалось бы полезнымъ, чтобы уѣздные начальники ежегодно собирались въ Оренбургъ, гдѣ, по примѣру прошлаго года, представляли бы объясненія по произведенной ревизіи, докладывали бы, въ присутствіи своихъ товарищей, обо всемъ, требующемъ обсужденія, и тѣмъ содѣйствовали бы установленію вѣрной и однообразной точки зрѣнія. Засѣданія могли бы происходить позднею осенью или раннею зимою, т. е. во время, когда присутствіе уѣздныхъ начальниковъ среди киргизовъ наименѣе необходимо.

Зная уѣздныхъ начальниковъ, я не допускаю мысли, чтобы они во время этихъ засѣданій оскорбили наше общее дѣло, или себя, или меня, угодливостью мнѣнію, высказанному въ настоящей запискѣ. Дѣло не въ мнѣніи, кѣмъ бы оно не было высказано; дѣло въ уясненіи истины, что достигается добросовѣстнымъ обмѣномъ знаній, основанныхъ на фактахъ. При этомъ необходима одна гарантія: нужно правдивое и теплое отношеніе къ своему долгу.

Временную инструкцію уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области, равно и мотивы къ ней, утвержденные его высокопревосходительствомъ г. главнымъ начальникомъ края, предлагаю, кому слѣдуетъ, принять къ руководству и исполненію.

Я буду входить съ ходатайствомъ объ ея измѣненіи и дополненіи каждый разъ, когда несомнѣнные доказательства или соображенія, основанныя на дѣйствительныхъ нуждахъ киргизовъ, подтвердятъ необходимость такихъ измѣненій и дополненій.

Военный Губернаторъ Тургайской Области,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Маіоръ *Гейнсъ*.

13 января 1878 года.
Гор. Оренбургъ.

Временное Положеніе объ управленіи въ степныхъ областяхъ.—«Временное Положеніе» объ управленіи въ областяхъ: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской можетъ быть раздѣлено на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части. Къ первой, касающейся дѣйствій областныхъ и уѣздныхъ управленій примѣнены общіе законы Имперіи съ дополненіями, вытекающими изъ особенностей «Временнаго Положенія». Во второй части законы, опредѣляющіе права и обязанности киргизовъ, основаны главнымъ образомъ на обычномъ правѣ и на особыхъ условіяхъ кочевой жизни.

Все касающееся туземной администраціи, народнаго суда, взиманія податей, отбыванія повинностей и т. д. опредѣлено «Временнымъ Положеніемъ» въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ что послѣднее скорѣе представляетъ *сводъ основаній по управленію киргизами, чѣмъ рядъ постановленій, во всей подробности охватывающихъ киргизскую жизнь.*

Изученіе «Временнаго Положенія» приводитъ къ убѣжденію, что оно только намѣтило главные основанія степного управленія изъ опасенія регламентировать несложныя и неустановившіяся условія кочевой жизни. Отбросивъ всѣ детали, это «Положеніе» предпочло оставить исполнителямъ нѣкоторый просторъ дѣйствій, чѣмъ давать указанія по всѣмъ тѣмъ проявленіямъ кочевой жизни, которыя трудно укладываются въ рамки законовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ «Временное Положеніе» поручило составить «подробное указаніе порядка дѣйствій уѣзднымъ начальникамъ» (примѣч. къ § 45 «Положенія»), а генераль-губернаторамъ Оренбургскому и Западно-

Сибирскому предоставлено право дѣлать въ «Положеніи» тѣ измѣненія и дополненія, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, окажутся необходимыми.

Слѣдовательно, «Временное Положеніе» поставило русскую администрацію во главѣ киргизовъ, предоставивъ первой довольно широкую свободу дѣйствій и обезпечивъ послѣднимъ самоуправленіе по всѣмъ тѣмъ сторонамъ ихъ жизни, которыя не имѣютъ политическаго или общегосударственнаго значенія. При такомъ условіи управленіе киргизами представляется дѣломъ, требующимъ большой осторожности и яснаго пониманія что нужно и чего не нужно дѣлать.

Затрудненія, встрѣчаемая степною администраціею. Предѣлы обязанностей и правъ властей, дѣйствующихъ внутри Имперіи, твердо обозначены не только законами, но рутинною и давностью установившихся отношеній къ подчиненнымъ. Внутренняя связь съ подчиненными поддерживается тамъ единствомъ происхожденія, сходствомъ понятій и, въ главныхъ чертахъ, общностью мыслей и убѣжденій. Для того, чтобы быть хорошимъ чиновникомъ внутри Имперіи, нужны добросовѣстность и общая подготовка. Для органа степной администраціи, кромѣ добросовѣстности, необходимо знаніе киргизовъ и, въ особенности, отреченіе отъ рутины, выработанной въ другихъ мѣстахъ чиновничьею практикою.

Русскій человѣкъ, а тѣмъ болѣе русскій чиновникъ и киргизъ не могутъ имѣть между собой никакой внутренней связи, потому что ихъ жизнь сложилась и окрѣпла подъ вліяніемъ другой природы, другой исторіи, другихъ жизненныхъ условій, понятій и преданій. Органъ степной администраціи, помимо своей воли, и даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ этого не предполагаетъ, представитель въ степи европеизма; киргизъ, неимѣющий ничего общаго съ бесполезною для него цивилизаціею,

принуждёнъ съуживать свою точку зрѣнія предѣлами своего маленькаго міра, тѣсно ограниченнаго радостями и нуждами кочевой жизни. Между тѣмъ законъ поставилъ въ главѣ киргизовъ русскую администрацію, т. е. по необходимости соединилъ въ одно политическое цѣлое людей, которыхъ стремленія и нужды не только не похожи между собой, но иногда прямо противорѣчивы.

Потому всякому органу степной администраціи прежде всего нужно съ начала до конца изучить жизнь людей, судьба которыхъ, въ большей или меньшей степени, поручена его заботамъ. При этомъ онъ естественнымъ образомъ наталкивается на такую массу совершенно оригинальныхъ бытовыхъ условій, что, можно сказать безъ преувеличенія, вступаетъ въ новый, до того неизвѣстный ему міръ. При ближайшемъ знакомствѣ съ киргизами нѣкоторыя стороны ихъ жизни могутъ даже понравиться, другія возбуждаютъ недоумѣніе, третія, наконецъ, покажутся лишенными всякаго смысла.

Двѣ точки зрѣнія на кочевую жизнь. Постановленный лицомъ къ лицу съ понятіями и порядками, противорѣчащими многому, казавшемуся до того безспорно вѣрнымъ, органъ степной администраціи, *пользуясь просторомъ дѣйствій, предоставленнымъ ему «Временнымъ Положеніемъ»*, можетъ либо стремиться къ передѣлкѣ кочевой жизни на европейскій ладъ, либо ограничить свою дѣятельность охраненіемъ правъ кочевниковъ и водвореніемъ въ степи порядка, требуемаго общегосударственными нуждами.

Которая метода вѣрнѣе? Вотъ вопросъ и вопросъ весьма важный, потому что онъ предполагаетъ цѣлую правительственную программу.

Естественно, что первое чувство лица, поставленнаго во главѣ безпомощныхъ и неумѣлыхъ людей, будетъ

заключаться въ желаніи указать имъ истинный путь въ жизни и научить тѣмъ вѣками испытаннымъ приемамъ и средствамъ, которые надежнѣе скотоводства могутъ обезпечить благосостояніе киргизовъ. Желаніе это натурально и честно, но исполненіе самаго желанія, если и возможно, то едвали приведетъ къ сколько-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что лицо, берущееся за тяжелое дѣло ускореннаго цивилизованія, должно вооружиться наибольшимъ спокойствіемъ и терпимостью и наименьшимъ неуваженіемъ къ цивилизуемымъ. Это лицо должно знать самымъ основательнымъ образомъ не только сумму всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ складывается жизнь полудикаго кочевника, но и понимать причины, сложившія такъ, а не иначе эту жизнь. Поэтому не объяснять себѣ низшаго порядка глупостью, неразвитіемъ и т. д. долженъ тотъ человекъ, который берется ее исправить, не презирать эту жизнь, а помнить, что въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ киргизскія понятія и кочевой ихъ образъ жизни совершенно нормальны и другими едва ли могутъ быть. Чтобы убѣдиться въ томъ, стоитъ только вспомнить о самомъ себѣ, стоитъ подумать, есть ли основаніе считать ненормальнымъ наше собственное міросозерцаніе потому только, что мы не родились на берегахъ Рейна, Сены и Темзы, и что наша жизнь сложилась не по условнымъ образцамъ, выработаннымъ западною культурою?

Приведенное здѣсь мнѣніе о необходимости относиться къ кочевой жизни не свысока должно, какъ кажется, служить основаніемъ всякой точкѣ зрѣнія въ степи, потому что иначе у русскихъ властей явится несправедливое презрѣніе къ киргизамъ, равнодушіе къ ихъ судьбѣ и дешевое самомнѣніе относительно абсолютной вѣрности нашихъ личныхъ убѣжденій. Убѣж-

деніе въ личной безошибочности поведетъ, въ свою очередь, къ желанію не изучать своеобразную жизнь киргизовъ, а находить всѣ непонятныя намъ стороны этой жизни безосновательными и нестоющими вниманія. Отсюда же только одинъ шагъ до стремленія къ ломкѣ и передѣлкѣ всего, кажущагося легко поправимымъ по тѣмъ убѣжденіямъ, которыя не представляютъ, однако, никакихъ гарантій за ихъ глубину, истинность и безошибочность.

На практикѣ замѣчено, что чиновники, стоявшіе близко къ киргизамъ и относящіеся къ нимъ съ участіемъ, враги всякой ломки ихъ жизни. Можно думать, что лица, мало знакомыя со степью и потому начинающія съ непремѣннаго желанія передѣлать кочевую жизнь согласно привезеннымъ съ собою идеаламъ, сдѣлаютъ, во всякомъ случаѣ, осторожнѣе, если прежде всего откинуть предубѣжденіе противъ кочевниковъ.

Отвергая вредное для нашего дѣла презрѣніе къ кочевой жизни и кочевникамъ, мы должны, однако, согласиться, что крайне естественно стараться сдѣлать возможное для скорѣйшаго ихъ обращенія въ осѣдлыхъ жителей. Относительно этой коренной мысли, какъ кажется, согласны всѣ мнѣнія безъ исключенія; остаются спорными *разныя средства*, предлагаемыя для ея осуществленія.

Извѣстно, что существуетъ мнѣніе, будто возможно обратить киргизовъ въ осѣдлыхъ рядомъ форсированныхъ, чтобы не сказать крутыхъ мѣръ. Лица, держащіеся этого мнѣнія, не вполнѣ сочувствуютъ «Положенію», которое, не касаясь вовсе внутренней жизни киргизовъ, ограничивается охраненіемъ въ степи личнаго и общественнаго права. Существуетъ и другое мнѣніе предполагающее, что если въ киргизскихъ степяхъ и разовьется когда-нибудь культурная жизнь, то администрація можетъ только содѣйствовать естественному ходу вещей.

Главнымъ средствомъ предполагается, въ этомъ случаѣ, возможное улучшеніе и обезпеченіе *настоящаго кочевого быта* киргизовъ.

Кажется, оба мнѣнія должны не забывать, что на свѣтѣ нѣтъ явленія безъ причины; что бессмысленные порядки и убѣжденія, разъ они существуютъ, совершенно разумны въ глазахъ тѣхъ людей, которые ихъ держатся, и что то и другое логически вытекаетъ изъ природы, ими обитаемой, образа жизни, образованія и изъ направленія, даннаго народной жизни исторіей. Тѣ лица, которыя думаютъ, что киргизы, при настоящемъ состояніи ихъ бесплодныхъ степей и современномъ развитіи, могутъ сознать не только полезность, но даже возможность перехода въ осѣдлое состояніе, должны предположить также, что они могутъ разомъ перескочить долгія столѣтія, употребленныя исторією для перетворенія кочевыхъ племенъ, когда-то населявшихъ Европу, въ людей, сознавшихъ выгоды осѣдлости. Между тѣмъ извѣстно каждому, что матеріальное благосостояніе Европы и ширина европейскаго взгляда сложились не вдругъ, а формировались постепенно, начиная съ невидѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ, въ которыя одѣвались древніе германцы, и съ понятій еще и теперь существующихъ у первобытныхъ народовъ. Пастухи - кельты, гонявшіе когда-то свои стада на холмахъ Валлиса и Шотландіи, имѣли, вѣроятно, эпоху, когда смотрѣли на весь свѣтъ тѣми же глазами, какими на него смотрятъ теперь наши киргизы, но, конечно, нельзя себѣ представить той силы, которая могла бы заставить кельтовъ думать такъ, какъ думаютъ нынѣшніе ихъ потомки.

Измѣненіе понятій людей зависитъ отъ измѣненія всей ихъ жизни, обусловленной воздѣланной или дикой природой, бытомъ, образованіемъ, исторією, и не во власти ихъ измѣнить эти понятія, если не измѣнились условія, ихъ поролившія. И обратно—пониманія людей

неотразимо измѣнятся, если измѣнятся основанія, изъ которыхъ складывается ихъ жизнь.

Сегодняшній день захватилъ насъ на одной степени развитія, киргизовъ — на другой, низшей, такой, которая уже пройдена нашими дѣдами. Человѣку зрѣлыхъ лѣтъ нельзя вернуться къ дѣтскимъ убѣжденіямъ и прошедшей жизни, но и ребенку невозможно разомъ развиться, хотя бы онъ сознавалъ, что старшіе умнѣе его. Именно потому ни самому отсталому изъ насъ невозможно окиргизиться настолько, чтобы смотрѣть на весь міръ глазами кочевника, ни самому передовому киргизу нельзя принять наши убѣжденія.

Убѣдить киргизовъ въ превосходствѣ осѣдлой жизни можно только тогда, когда они *смогутъ понять и почувствовать это*, т. е. когда размноженіе кочевыхъ населенія и увеличеніе числа скота достигнутъ той предѣльной степени емкости, послѣ которой кочеваніе въ степи станетъ невыгодно и затруднительно. Эта минута можетъ быть ускорена обезпеченіемъ кочевой жизни, развитіемъ благосостоянія киргизовъ, открытіемъ средствъ для выгоднаго сбыта продуктовъ нарождающагося киргизскаго земледѣлія и укрѣпленіемъ у кочевниковъ сознанія, что они безповоротно слиты съ Россією. Внѣ этого, кажется, нѣтъ средствъ измѣнить ихъ міросозерцаніе. До того же киргизы не будутъ въ состояніи повѣрить никакимъ совѣтамъ и убѣжденіямъ, что выгодно быть осѣдлымъ, чѣмъ кочевымъ. Они искренно и чистосердечно должны находить, что подобныя совѣты невѣрны, не отвѣчаютъ ихъ нуждамъ и пониманіямъ, почерпнуты изъ какой-то особенной жизни и, во всякомъ случаѣ, не изъ ихъ быта, быта кочевника. И во всемъ этомъ они будутъ вполнѣ правы.

Но, можетъ быть, по важности дѣла, должно не обращать вниманія на то поймутъ ли они наши намѣренія или нѣтъ, повѣрятъ или не повѣрятъ? Можетъ

быть, для пользы самихъ киргизовъ нужно просто заставлять ихъ исполнять тѣ требованія, результатомъ которыхъ предполагается улучшеніе ихъ нравственного и матеріальнаго быта?

Кажется, что приведенные вопросы поставлены слишкомъ отвлеченно, чтобы на нихъ можно было дать практически полезный отвѣтъ. Вѣрнѣе будетъ спросить: *если киргизская жизнь будетъ управляться на тѣхъ основаніяхъ, которыя выработаны изъ опыта безусловно чуждой кочевникамъ европейской жизни, то, вмѣсто желаемой пользы, не приведетъ ли это къ полному обнищанію, если не исчезновенію киргизовъ?* Напримѣръ: если, съ цѣлью сдѣлать ихъ осѣдлыми, затруднять кочеваніе, то не повлечетъ ли это за собой гибель стадъ и вымирание киргизовъ? Введеніе въ степи общаго суда и общихъ законовъ не будетъ ли имѣть послѣдствіемъ нарушеніе всякихъ существующихъ тамъ понятій о правѣ и правдѣ? Не приведетъ ли къ уничтоженію всякаго суда, внѣзаконному самосуду и т. д.?

Отвѣты на эти вопросы можно найти въ подлежащихъ рубрикахъ предлагаемой записки.

Изъ всего вышеизложеннаго можно, однако, вывести заключеніе, что разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ не легко, а чрезвычайно трудно, что задаваться ими рискованно безъ детальнаго знанія дѣла и что, во всякомъ случаѣ, и прежде всего, нужно самое близкое знакомство съ киргизскою жизнью.

Основной характеръ степного управленія. Въ Европѣ дѣятельность администраціи сосредоточена исключительно на регулированіи внѣшнихъ проявленій народной жизни. Въ степяхъ же дѣятельность власти въ этомъ отношеніи должна ограничиться только поддержаніемъ безопасности и порядка, а наибольшую часть вниманія при-

ходится посвящать изученію внутреннихъ условій киргизской жизни.

Сближеніе съ киргизами необходимо также для выполненія требованія законовъ. Какъ уже упомянуто, «Временное Положеніе» опредѣляетъ двоякимъ образомъ обязанности русской власти въ степи. Во-первыхъ, «Положеніе» охраняетъ интересы государственные и обезпечиваетъ нѣкоторыми русскими законами общественный порядокъ; во-вторыхъ, оно ограждаетъ личныя права каждаго киргиза помощію самоуправленія, основаннаго на мѣстныхъ условіяхъ и обычномъ правѣ. Въ первомъ случаѣ администрація дѣйствуетъ какъ агентъ государственной власти, обезпечивая же самоуправленіе, основанное на неточномъ законѣ и на неопредѣленномъ правѣ, администрація бываетъ принуждена дѣйствовать по своему усмотрѣнію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые обойдены закономъ или недостаточно выяснены обычаями. При этомъ власть администраціи по необходимости получаетъ характеръ патріархальный, такъ какъ правами главы семейства или рода можно только мотивировать дѣйствія, не указанные закономъ. Такой характеръ управленія совершенно удовлетворяетъ киргизовъ, жизнь которыхъ и до сихъ поръ обусловливается родовымъ началомъ. Вѣроятно этимъ обстоятельствомъ нужно объяснить огромное и благотворное вліяніе въ степи тѣхъ чиновъ администраціи, которые, отбросивъ рутинныя пріемы и обособленность власти, стали къ киргизамъ въ самыя близкія отношенія и дѣйствуютъ такъ, какъ-бы дѣйствовалъ хорошій родоначальникъ. Можетъ быть вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, чиновники, относящіеся къ киргизамъ только въ качествѣ органовъ государственной власти, заставляютъ ихъ чуждаться себя, не имѣютъ съ ними ничего общаго, почему могутъ дѣйствовать только чисто формальнымъ, а, слѣдовательно, довольно бесполезнымъ образомъ.

Такимъ образомъ органы русской власти въ степи, согласно «Положенія» и дѣйствительныхъ потребностей, обязаны выполнять двоякое назначеніе, т. е. поддерживать внѣшній порядокъ и управлять киргизами на основаніи понятныхъ имъ правъ патріархальной власти. Чтобы дѣйствія послѣдняго рода не переходили, впрочемъ, въ произволъ и были единообразны, по крайней мѣрѣ относительно главныхъ сторонъ киргизской жизни, необходимо, чтобы уѣздныя управленія руководились одною общею программой.

Такимъ образомъ степная администрація принесетъ надлежащую пользу, если она:

1) Ознакомится во всѣхъ подробностяхъ съ жизнью кочевниковъ.

2) На основаніи точныхъ знаній и вѣрной оцѣнки фактовъ, выработаетъ сознательную точку зрѣнія на управленіе киргизами и затѣмъ будетъ неуклонно ею руководствоваться.

3) Станетъ возможно ближе къ киргизамъ съ тѣмъ, чтобы управлять ими, главнымъ образомъ, на понятномъ имъ патріархальномъ правѣ и

4) Охранить государственные и политическіе интересы, а равно силу дѣйствующихъ въ степи законовъ энергическимъ и настойчивымъ образомъ.

Невыгодныя условія областныхъ управленій. Исключительныя условія, въ которыхъ находятся по отношенію къ киргизамъ почти всѣ областныя управленія, затрудняютъ имъ достиженіе трехъ первыхъ цѣлей. Одни изъ этихъ управленій помѣщаются въ городахъ, гдѣ киргизы бываютъ только наѣздомъ; другія, какъ Тургайское областное управленіе, имѣютъ свое мѣстопробываніе даже внѣ предѣловъ подчиненныхъ имъ областей. Постоянное отсутствіе изъ района своей дѣятельности лишаетъ губернатора и чиновъ областного правленія

всѣхъ тѣхъ впечатлѣній мѣстнаго характера, изъ которыхъ складывается живое знаніе и формируется вѣрная точка зрѣнія на управленіе киргизами. За неимѣніемъ другихъ средствъ, приходится, для узнанія киргизовъ, опираться на бумажную сторону дѣла, на донесенія, почему высшіе чины областного управленія могутъ почерпнуть необходимыя имъ свѣдѣнія только отъ уѣздной администраціи.

Уѣздные начальники. Отсюда видно все серьезное значеніе уѣздныхъ начальниковъ, которые въ дѣйствительности и составляютъ основу русскаго управленія въ степи.

Кромѣ дѣлъ по управленію и уѣздной полиціи, на уѣзднаго начальника возлагается исполненіе разныхъ обязанностей, касающихся Министерствъ: Финансовъ, Юстиціи, Государственныхъ Имуществъ. Изъ четырехъ уѣздныхъ начальниковъ Тургайской области, тремъ подчинены и войска, расположенныя въ подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ.

Помимо официальныхъ должностей, на уѣздномъ начальникѣ лежитъ масса весьма сложныхъ, мелочныхъ и щекотливыхъ обязанностей, которыя, однако, составляютъ весьма значительную часть его заботъ. По сущности дѣла уѣздный начальникъ не только административный органъ, но и политическій агентъ, отвѣтственный за успѣшное водвореніе въ степи уваженія къ русскоѣ власти и за установленіе среди киргизовъ довѣрія къ правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Выше было упомянуто, что если русская власть желаетъ на самомъ дѣлѣ управлять киргизами, то обязана стать къ нимъ въ возможно близкія отношенія и дѣйствовать въ духѣ патріархальной власти. Понятно, что единственнымъ для того органомъ можетъ быть уѣздный начальникъ, поставленный въ непосредственно

близкія отношенія къ киргизамъ. Если же вспомнить, что «Положеніе» очерчиваетъ порядокъ степного управленія только въ самыхъ общихъ чертахъ, то станетъ также понятно, что пополненіе пробѣловъ, оставленныхъ законами, лежитъ исключительно на уѣздномъ начальникѣ. При такомъ просторѣ дѣйствій, точка зрѣнія, руководящая уѣзднымъ начальникомъ, пріобрѣтаетъ самое рѣшительное значеніе, такъ какъ областное управленіе, какъ менѣе компетентное въ знаніи киргизовъ, должно будетъ слѣдовать за ней.

На практикѣ такъ оно и есть. Уѣздные начальники Тургайской области пользуются среди подчиненнаго имъ населенія огромною властью, такъ что одно ихъ слово или намекъ производитъ на киргизовъ большее впечатлѣніе, чѣмъ ворохи исписанной бумаги.

Нельзя, однако, не замѣтить, что не одинъ видъ власти не способенъ переходить въ произволъ такъ скоро, незамѣтно и на основаніи такихъ чистыхъ намѣреній, какъ патріархальный. Въ данномъ случаѣ власть уѣзднаго начальника можетъ стать неудобною прежде всего отъ того, что онъ не вполне подробно изучилъ жизнь киргизовъ, что онъ недостаточно сознательно уяснилъ себѣ цѣль, къ которой долженъ стремиться и недостаточно горячо принимаетъ къ сердцу киргизскія нужды. Особенно вредно послѣднее, потому что если лицо, облеченное патріархальными полномочіями, не будетъ живо интересоваться своими подчиненными, оно узурпируетъ права родовой власти.

Кажется, что власть уѣздныхъ начальниковъ Тургайской области нигдѣ не перешла еще за грань, у которой кончаются выгоды патріархальныхъ отношеній, а начинается произволъ. Наоборотъ, въ общемъ я могу только благодарить уѣздныхъ начальниковъ за ихъ отношенія къ киргизамъ. Тѣмъ не менѣе я могъ замѣтить во время ревизіи, что въ уѣздной администраціи кроются

уже элементы, изъ которыхъ, при дурной волѣ, можетъ незамѣтно вырасти произволъ.

Недостатки уѣздныхъ управленій Тургайской области. Это зависитъ отъ того, что: 1) не всѣ чины уѣздной администраціи достаточно ознакомились съ условіями киргизской жизни; 2) уѣздные начальники не руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ одною обязательною для всѣхъ программой и 3) въ уѣздныхъ управленіяхъ придаютъ слишкомъ большое значеніе распоряженіямъ, сдѣланнымъ на бумагѣ.

1. Мнѣ непріятно замѣтить, что не всѣ чины уѣздныхъ управленій знакомы надлежащимъ образомъ съ кочевою жизнью, выдающимися лицами и особенностями своего уѣзда. Я могъ бы сказать отъ чего это происходитъ, но не считаю удобнымъ такое компрометирующее объясненіе. Тѣмъ не менѣе обращаю серьезное вниманіе тѣхъ лицъ, до которыхъ это относится, что неполное знаніе условій, составляющихъ основаніе степного управленія, характеризуетъ съ дурной стороны приносимую ими пользу.

2. Уѣзднымъ начальникамъ до сихъ поръ не была дана инструкція, которою они могли бы руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ, между тѣмъ «Положеніе» оставляетъ множество вопросовъ открытыми. Оттого уѣздные начальники были предоставлены сами себѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ не находили законоправной поддержки и опоры. Вопросы, возникавшіе въ разныхъ уѣздахъ, разрѣшались по крайнему пониманію каждаго начальника уѣзда, безъ всякой связи съ мнѣніями своихъ сосѣдей. Потому болѣе или менѣе близкое знакомство съ киргизами, вѣрное или невѣрное пониманіе вещей, личный характеръ каждаго уѣзднаго начальника — все это до такой степени разнообразило приемы управленія въ каждомъ уѣздѣ, что въ общемъ могло

подрывать довѣріе киргизовъ къ устойчивости правительственныхъ намѣреній и отнимать у начальствующихъ лицъ возможность ориентироваться въ массѣ исключочающихъ другъ друга точекъ зрѣнія.

Во всемъ этомъ начальники уѣздовъ вовсе не виноваты, хотя большинство замѣченныхъ мною недостатковъ по управленію киргизами я приписываю именно неимѣнію ими инструкцій.

3. Въ уѣздныхъ правленіяхъ ведется слишкомъ сложная переписка съ волостными управителями, людьми большею частью ничего непонимающими въ дѣлахъ этого рода. Извѣстно, что волостной управитель въ состояніи приложить тамгу къ своему смертному приговору, лишь бы послѣдній былъ поданъ къ подписи его письмоводителемъ; тѣмъ не менѣе, бумажныя сношенія уѣздныхъ начальниковъ съ волостными управителями приняли широкіе размѣры.

Дѣло, конечно, заключается не въ форменныхъ запросахъ, повторяемыхъ много разъ, напримѣръ, о томъ, что такой-то волостной не приводитъ въ исполненіе приговоръ народнаго суда, а въ томъ, чтобы онъ не могъ себѣ позволить останавливать или замедлять этотъ приговоръ. Для того же необходима настойчивая энергія, которая породила бы сознаніе у волостного управителя, что ему не пройдетъ безнаказанною его бездѣтельность. Если же волостной управитель можетъ по мѣсяцамъ не отвѣчать на строжайшія предписанія, то это доказываетъ, во-первыхъ, что на подобныя предписанія уѣздныхъ правленій не обращается вниманіе, во-вторыхъ, что они вовсе не строги и пишутся только для очистки настольнаго реестра бумагамъ и, въ третьихъ, что выполненіе дѣла, о которомъ требуется бумагою, на самомъ дѣлѣ вовсе не занимаетъ уѣздную администрацію.

Рекомендую уѣзднымъ начальникамъ принять какъ

за общее правило поменьше писать волостнымъ управителямъ и почаще ихъ видѣть. Вообще я просилъ бы внести въ дѣло управленія киргизами возможно больше жизни, а формальности всякаго рода сократить, насколько это возможно.

Для достиженія сказанной цѣли, не будетъ ли полезно приказать волостнымъ управителямъ пріѣзжать къ уѣздному начальнику въ опредѣленные дни, но никакъ не менѣе раза въ мѣсяцъ? При этомъ волостные управители могли бы давать отчетъ во всемъ происшедшемъ и сдѣланномъ за мѣсяцъ, получать содержаніе чинамъ мѣстнаго управленія и представлять объясненія по приносимымъ на нихъ киргизами жалобамъ.

Настоятельная необходимость хотя во временной инструкціи. Неимѣніе уѣздными начальниками общей руководящей точки зрѣнія, помимо происшедшей отсюда ошибочности и разрозненности дѣйствій, задержало образованіе устойчиваго и однообразнаго взгляда на киргизскія дѣла и въ областномъ управленіи. Последнее обстоятельство, въ свою очередь, затруднило скорѣйшее проектированіе инструкціи, которую давно уже слѣдовало бы представить г. генераль-губернатору для надлежащаго соглашенія съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Для подобной работы не существуетъ еще ни надлежащаго количества матеріаловъ, ни точекъ отправленія.

При такомъ положеніи вещей нѣтъ возможности составить теперь же полную инструкцію уѣзднымъ начальникамъ, между тѣмъ дальнѣйшее ся неимѣніе можетъ повести къ неудобнымъ послѣдствіямъ.

Если, по недостатку матеріаловъ и вслѣдствіе неустановившейся точки зрѣнія, въ настоящее время нельзя написать постоянную и полную инструкцію, то необходимо сдѣлать опытъ составленія хоть временной ин-

струкціи, которая, исправляясь и дополняясь ежегодно по указаніямъ опыта, могла бы послужить основой для инструкціи, требуемой закономъ.

На этомъ основаніи, по порученію г. генераль-губернатора, мною составлены прилагаемая при семъ временная инструкція и объясняющіе ея мотивы ¹⁾. Послѣдніе необходимы какъ для уясненія временной инструкціи, такъ и особенно потому, что представляютъ матеріаль для составленія болѣе полной инструкціи.

Чтобы достигнуть предположенной цѣли, пришлось разобрать хотя и поверхностнымъ образомъ нѣкоторыя стороны киргизской жизни, а именно: 1) хозяйственно-бытовую, 2) политико-административную, 3) юридическую и 4) финансовую. Всѣ эти стороны степной жизни разобраны только по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые либо возбуждаютъ недоумѣніе, либо вызываютъ разнообразіе въ сужденіяхъ и мнѣніяхъ, либо направлены несогласно съ духомъ «Положенія», либо, наконецъ, не обратили на себя должнаго вниманія администраціи.

¹⁾ Помѣщая «Мотивы къ инструкціи» въ текстъ этого тома, самую «Временную инструкцію» мы относимъ въ «Приложеніе» къ нему.—*Ред.*

I.

Хозяйственно-бытовая сторона киргизской жизни.

Мнѣніе о томъ, что кочеваніе необходимо запретить. Жизнь киргизовъ до такой степени оригинальна и не подходитъ ни подъ одну форму нашей жизни, что приводитъ европейцевъ къ самымъ разнообразнымъ заключеніямъ, которыя тѣмъ рѣзче и смѣлѣе, чѣмъ поверхностнѣе знакомство со степью и кочеваніемъ.

Можетъ быть потому, что кочевая жизнь кажется не сложною, что она представляется нестоющею вниманія, она рѣдко изучалась съ надлежащею основательностью даже тѣми лицами, которыя живутъ въ самой степи или на ея окраинахъ. Объ этомъ повальномъ незнаніи киргизской жизни можно судить по тому, что здѣсь, въ Оренбургѣ, можетъ существовать мнѣніе, согласно которому кочеваніе представляется дѣломъ произвольнымъ, безцѣльнымъ бродяжничествомъ, чѣмъ то въ родѣ дурной привычки и легко устранимаго каприза. Согласно этого мнѣнія, кажется возможнымъ, даже полезнымъ воспретить киргизамъ безтолковое шатаніе по степи и прикрѣпить ихъ къ землѣ. Тогда киргизы привыкнутъ къ осѣдлой жизни, разбогатѣютъ и станутъ способными къ воспріятію современныхъ культурныхъ формъ.

На самомъ дѣлѣ подобное мнѣніе, какъ всякое, по-

строеное не на дѣйствительномъ знаніи, а на предположеніяхъ, не имѣетъ никакого основанія.

Понятіе киргизовъ о богатствѣ, среднемъ состояніи и бѣдности. Условія кочевой жизни. Киргизъ живетъ для скота—единственного источника своего существованія. Всѣ его мечты, желанія и интересы группируются около стадъ, какъ около исключительной причины его матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія.

Если у киргиза много скота—всѣ его нужды удовлетворены, онъ большой, важный, уважаемый человѣкъ. Безопасность и неприкосновенность его стадъ есть вопросъ, касающійся всѣхъ родовичей, которые смотрятъ на его богатство, какъ на предметъ общественнаго интереса и гордости ¹⁾. Помимо матеріальной обезпеченности, многочисленныя стада доставляютъ киргизу душевный покой и, если можно такъ выразиться, высокое нравственное наслажденіе.

По установившемуся въ степяхъ мнѣнію, киргизъ не можетъ себѣ представить уважаемаго человѣка не богатымъ, и это въ такой степени вѣрно, что понятіе «хорошій» и «богатый» почти тождественны на ихъ языкѣ. Потому киргизу непонятенъ тотъ расколъ между матеріальною и нравственною сторонами жизни, который созданъ цивилизаціей, и если онъ владѣетъ большими стадами, то его жизнь восполнена всесторонне.

Условія киргизской жизни и потребностей, впрочемъ, очень просты. Незначительный капиталъ въ скотѣ, на примѣръ двѣсти или двѣсти пятьдесятъ барановъ, съ

¹⁾ Киргизы смотрятъ на состояніе богача-родственника какъ на общественное достояніе. Воспомоществованіе бѣднымъ родственникамъ до четырнадцатаго колѣна включительно (джилу) есть обязанность богатаго человѣка, требуемая отъ него народными обычаями, особенно въ несчастные года. Отъ богатаго родственника бѣдные киргизы пользуются скотомъ не только для собиранія скоповъ, но для ѣзды и перевозки тяжестей во время кочеваній. Такое пользованіе лошадьми для ѣзды по киргизски носитъ названіе «атъ майнъ мину».

пропорціональнымъ количествомъ другихъ родовъ скота, дѣлаетъ жизнь киргиза почти совершенно обеспеченною. При подобномъ состояніи неособенно прихотливый киргизъ можетъ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ.

Состояніе ниже посредственнаго есть переходное положеніе къ неотразимому нищенству. Это зависитъ отъ того, что, по невозможности удовлетворить всѣ нужды кочевой жизни процентами съ капитала, т. е. приплодомъ отъ скота, киргизъ принужденъ расходовать свой основной капиталъ, т. е. самыя стада. На слѣдующій годъ приплодъ станетъ еще меньше, нужда еще жгучѣе и обѣднѣніе киргиза идетъ въ геометрической прогрессіи до тѣхъ поръ, покуда за истребленіемъ своихъ стадъ киргизъ не потеряетъ способность и необходимость кочевать. Положеніе тѣхъ киргизовъ, которые, за неимѣніемъ стадъ и за ненадобностью кочевать, по необходимости дѣлаются осѣдлыми, поистинѣ ужасно. Кибитка или даже землянка не домъ. То и другое непрактичны для продолжительной жизни на мѣстѣ. Отъ того грязь, холодъ, повсемѣстныя лохмотья, голодъ и болѣзни—вотъ обыкновенные атрибуты некочующихъ киргизовъ или джетаковъ.

Потребности бѣдныхъ и богатыхъ киргизовъ почти однѣ и тѣ же, только удовлетворяются онѣ, смотря по состоянію, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, съ большею или меньшею прихотливостью.

Такимъ образомъ если состояніе киргиза значительно, онъ станетъ ѣздить на иноходцѣ вмѣсто простой лошади, станетъ пить много кумысу и ѣсть много конины или баранины, а не оставаться цѣлый день впроголодь, станетъ покупать ташкентскія, хивинскія или китайскія сѣдла, вмѣсто киргизскихъ, уберетъ внутренность кибитки тикеметами, бухарскими и туркменскими коврами, вмѣсто простыхъ кошемъ. Однимъ словомъ,

количество его потребностей останется то же, но съ увеличеніемъ своего состоянія киргизъ станетъ потреблять болѣе тѣхъ же предметовъ, которые необходимы каждому кочевнику безъ исключенія и станетъ улучшать ихъ качества.

Такъ какъ киргизскія потребности суть крайнія, такія, безъ которыхъ нельзя обойтись, то, если бѣдный киргизъ лишенъ возможности удовлетворять даже и ихъ, онъ теряетъ, такъ сказать, право жить сколько-нибудь человѣкообразно. Потому когда киргизъ лишается окончательно своего скота, въ его кибитку заглядываютъ самая отвратительная нужда, самая горькая несправедливость со стороны всѣхъ безъ исключенія. Угодья близъ зимовки у джетакъ стараются отобрать, его гоняютъ на общественныя работы, заставляютъ платить подати и повинности наравнѣ съ богатыми, т. е. отдавать четверть, даже половину его годового заработка. Джетакъ безропотно дѣлаетъ и исполняетъ все, что ему не прикажутъ, потому что онъ приниженъ въ своихъ глазахъ почти такъ же, какъ въ глазахъ другихъ. По разсказамъ джетаковъ, они страдаютъ столько же отъ нужды, сколько отъ остраго сознанія, что имъ совершенно невозможно выбиться изъ своего положенія. Джетакъ можетъ еще кое-какъ прокормить свою семью, если она его не бросила, въ тѣхъ частяхъ степи, гдѣ возможно земледѣліе. Тамъ онъ превращается въ ичинчи, пахаря, и обрабатываетъ землю съ усердіемъ и тщаніемъ, достойными всякой похвалы; въ южной же части Тургайской области джетакъ закабаляетъ свою жизнь какому-нибудь киргизу и, ради кое-какихъ подачекъ, до своей смерти бродитъ съ чужими стадами въ качествѣ сторожа и пастуха.

Понятно послѣ того, что для киргиза охрана скота представляетъ главную, если не единственную цѣль въ жизни. Какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ тому при-

вѣтствіе, съ которымъ, по степному этикету, киргизы должны обмѣниваться при встрѣчѣ: «малъ жанъ балашганъ аманба?»—какъ благополучны: скотъ, душа и семья? при чемъ благополучіе скота ставится выше благополучія души и семьи.

Понятно также, что киргизъ живетъ для своего скота, примѣняетъ свою жизнь къ жизни стада, подчиняетъ нужды семьи и свои привычки соображеніямъ объ удобствахъ пастбы.

Степная жизнь, съ ея особенностями и странно-стями, получаетъ осмысленность въ глазахъ европейца, если онъ не станетъ забывать, что общій ея характеръ и детали сложились изъ необходимости тяжкимъ трудомъ охранять и кормить стада въ малопроизводительной степи.

Отъ чего зависитъ кочеваніе. *Извѣстно, что чѣмъ пустыннѣе и непроизводительнѣе страна и чѣмъ больше скота пасется въ одномъ стадѣ, тѣмъ скорѣе истребляется на опредѣленномъ мѣстѣ кормъ и тѣмъ требуется большая площадь земли для его пропитанія.*

Именно отъ этихъ двухъ условій и зависитъ необходимость кочеванія киргизскихъ стадъ по степи. Киргизская степь, вообще говоря, весьма мало производительна; количество же скота у киргизовъ непропорціонально велико, что и заставляетъ ихъ передвигаться со своими стадами на большія разстоянія или кочевать.

Причины, понуждающія киргиза перегонять свои стада съ мѣста на мѣсто, суть тѣ же самыя, по которымъ наши пастухи отыскиваютъ для стадъ свѣжія не потравленные мѣста. До тѣхъ поръ, покуда скотъ, неподобравъ кормовъ въ окрестности, киргизъ никогда не станетъ кочевать, когда же его стада, вытравивши кормъ и побуждаемые голодомъ, станутъ уходить все далѣе и далѣе отъ аула, киргизъ поднимается со сво-

имъ семействомъ и слѣдуетъ за стадами, только направляя ихъ по принадлежащимъ ему кочевымъ путямъ. По-тому кочеваніе происходитъ *медленно и на небольшія разстоянія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ сравнительно богатые кормы*, но оно по необходимости производится почти безостановочно и на далекія разстоянія въ бѣдныхъ частяхъ степи.

Кочеваніе зависитъ еще отъ особенныхъ условій зимняго киргизскаго хозяйства. Зимовки, или мѣста, на которыхъ кормится скотъ зимою, выбираются самымъ тщательнымъ образомъ и повсемѣстно занимаютъ самыя лучшія части степи. По невозможности для киргизовъ накашивать сѣно для прокормленія скота въ теченіе всей зимы, послѣдній тебенюетъ, т. е. достаетъ на зимовкахъ самъ себѣ кормъ изъ подъ снѣга. Слѣдовательно, кормить лѣтомъ скотъ на зимовкахъ не только нельзя, но, сберегая траву на зиму, нужно его отгонять оттуда на лѣтовки, пустыя, никѣмъ не занятыя, и наименѣе производительныя части степи. Такимъ образомъ понятно, что лѣтомъ стадамъ приходится дѣлать большіе концы для своего прокормленія уже потому, что лѣтовки занимаютъ наименѣе плодородныя части даже киргизской степи.

Всѣ эти весьма извѣстные факты обусловливаютъ, однако, *необходимость кочеваній*, которыя иногда бываютъ очень далекими.

Чтобы еще яснѣе подтвердить вѣрность этой мысли, считаю не бесполезнымъ сдѣлать нѣкоторыя цифровыя сравненія.

Въ Тургайской области, по недавно собраннымъ свѣдѣніямъ, было скота ¹⁾:

¹⁾ Нижеприведенныя цифры неточны. Есть, однако, основаніе предполагать, что онѣ не преувеличены и скорѣе представляютъ minimum скота у киргизовъ.

Уѣзды.	Верблюды.	Рогатый скоть.	Лошади.	Бараны.	Козы.	Итого.
Илецкій . . .	22.631	106.420	147.832	342.870	19.654	639.407
Николаевскій .	17.595	110.829	360.073	466.793	43 218	998.508
Тургайскій . .	46 097	38.584	95.355	388.416	18.860	587.312
Иргизскій . . .	43.719	11.780	70.747	328.810	10.878	465.934
Итого . . .	130.042	267.613	674.007	1.526.889	92 610	2.651.161

Кибитокъ въ области считается:

въ Илецкомъ уѣздѣ	14.690
« Николаевскомъ уѣздѣ . . .	18.311
« Тургайскомъ уѣздѣ	12.379
« Иргизскомъ уѣздѣ	14.197
Итого	59.577

Среднимъ числомъ въ кибиткѣ нужно считать приблизительно около четырехъ душъ населенія; слѣдовательно на каждого человѣка придется:

Уѣзды.	Вер- блюды.	Рогатый скоть.	Лошади.	Бараны.	Козы.	Итого.
Илецкій	0,39	1,81	2,51	5,84	0,33	10,88
Николаевскій . .	0,24	1,51	4,92	6,37	0,59	13,63
Тургайскій . . .	0,93	0,78	1,93	7,84	0,38	11,86
Иргизскій	0,77	0,21	1,25	5,79	0,19	8,11
Общее средн. . .	0,55	1,12	2,83	6,41	0,39	11,30

Изъ данныхъ, приводимыхъ профессоромъ Янсономъ въ его сравнительной статистикѣ Россіи и западной Европы (изданіе 1877 года), оказывается, что за 1871 годъ въ Европѣ было слѣдующее количество скота:

Государства.	Рогатаго скота.	Лошадей.	Овецъ.	Свиней.	Итого.
Россія	21.604.000	15.542.000	44.841.000	9 404.000	91.391.000
Германія . . .	15.140.000	3 445.000	29.841.000	9.043.000	57.469.000
Авс.-Венг . . .	12.700.000	3.570.000	20.700.000	7.000.000	43.970.000
Франція . . .	12.335.000	3.163 000	30.116.000	5.650.000	51.264.000
Англія	9.718.000	2.665.000	32.247.000	7.178.000	51.808.000
Итого	71.497.000	28.385.000	157.745.000	38.275 000	295.902.000

На каждого человѣка населенія приходится:

Государства.	Рогатаго скота.	Лошадей.	Овецъ.	Свиней.	Итого.
Россія.	0,34	0,24	0,70	0,14	1,42
Германія.	0,37	0,23	0,72	0,20	1,52
Австро-Венгрія	0,35	0,10	0,56	0,19	1,20
Франція	0,32	0,08	0,79	0,15	1,34
Англія	0,35	0,08	1,01	0,13	1,57
Общее среднее.	0,35	0,15	0,16	0,16	1,41

Слѣдовательно на каждого киргиза приблизительно приходится скота въ восемь разъ болѣе, чѣмъ на каждого европейца. Иначе говоря, ему во столько же разъ труднѣе заготовлять сѣно для своего скота. Если къ тому предположить, что киргизская степь едва ли не въ десять разъ менѣе производительна, чѣмъ Европа, то можно предположить также, что киргизу, по сравненію съ европейцемъ, нужно употребить въ восемьдесятъ разъ болѣе труда для заготовленія скоту сѣна. Иначе говоря, *заготовлять сѣно для своего скота онъ не можетъ.*

Тотъ же выводъ можно получить и при другомъ расчетѣ.

Въ Николаевскомъ и Илецкомъ уѣздахъ, гдѣ, вслѣдствіе богатства луговыхъ мѣстъ, можно было бы изготавлять сѣно на очень большое количество скота, считается послѣдняго 1.637,915 головъ. Полагая въ сложности по полъ пуда сѣна въ сутки на голову, для прокормленія этого количества скота въ теченіе пяти зимнихъ мѣсяцевъ потребуется всего 122.843,625 пудовъ или, говоря иначе, 1.228,436 стоговъ по ста пудовъ каждый. Одинъ рабочій съ лошадыю, въ періодъ сѣнокоса (одинъ мѣсяць), можетъ скосить, собрать и сложить восемь стоговъ сѣна, при хорошемъ урожаѣ и благопріятной во все время погодѣ. Слѣдовательно, для 1.228,436 стоговъ потребуется 153.554 человѣка рабо-

чихъ, между тѣмъ въ этихъ двухъ уѣздахъ находится всего 33.000 кибитокъ, или максимумъ 99.000 работниковъ (дѣлая почти невозможное предположеніе, что въ каждой кибиткѣ имѣется три работника), т. е. на 54.554 человѣка менѣе потребнаго числа. Эта цифра получилась при предположеніи, что травы въ киргизской степи такъ же густы, какъ внутри Имперіи, на самомъ же дѣлѣ богатые луга другихъ мѣстъ много выше самыхъ лучшихъ степныхъ луговъ. Слѣдовательно, приведенная выше цифра рабочихъ, потребныхъ на заготовленіе скоту Илецкаго и Николаевского уѣздовъ сѣна для зимы, должна быть увеличена въ обратной пропорціи съ большею производительностію земли внутри Имперіи по сравненію со степями.

Изъ сказаннаго становится яснымъ, почему киргизы должны оставлять свой скотъ на подножномъ корму круглый годъ. Сохраняя же на зимовкахъ подножный кормъ, имъ необходимо переходить лѣтомъ на менѣе богатая травою части степи или кочевать на такъ называемыхъ лѣтовкахъ.

Лѣтнее кочеваніе. Территорія Тургайской области параллельно 50⁰ сѣверной широты дѣлится приблизительно на двѣ рѣзко отличающіяся другъ отъ друга части. Сѣвернѣе этого градуса лежитъ страна, орошенная значительнымъ количествомъ проточной и стоячей воды, потому имѣющая много хорошихъ луговъ. Почва — черноземъ и производительный суглинокъ — большею частью способна къ воздѣлыванію и, при достаточномъ количествѣ влаги, родитъ пшеницу высокаго сорта. Мѣстами разбросаны въ этой сторонѣ лѣса, весьма недавно бывшіе значительными. Понятно, что подобная страна не только обезпечиваетъ существованіе многочисленныхъ стадъ, но въ состояніи прокормить довольно густое земледѣльческое населеніе. Плодородная часть

Тургайской области охватываетъ Илецкій и Николаевскій уѣзды. Киргизы этихъ уѣздовъ, вслѣдствіе производительности страны, *не откочевываютъ въ теченіе всего лѣта далѣе пятидесяти верстъ отъ своихъ зимовокъ.*

Къ югу отъ 50° простирается мѣстность едва-ли когда-нибудь возможная для развитія культурной жизни. Пустынная пространства солонцеватой глины или незначительныхъ, едва скрѣпленныхъ растительностью, холмовъ песку тянутся далеко на югъ, а на востокъ захватываютъ все пространство отъ рѣки Урала до предгорій Тянь-Шаня и его отроговъ. Рѣки и озера, здѣсь находящіеся, имѣютъ большею частью воду горьковато-соленого вкуса. Растительность повсемѣстно бѣдная, чахлая, произрастающая преимущественно во впадинахъ и прогалинахъ. Въ тѣ времена года, когда идутъ дожди и температура невысока, кочевникъ можетъ еще прокормить здѣсь свои стада; лѣтомъ же при температурѣ, достигающей до 40° по Реомюру, вся трава на равнинѣ выгораетъ; вершины песчаныхъ холмовъ, до того скрѣпленные влагою, начинаютъ сноситься вѣтромъ; глинистая почва трескается и обращается въ пыль; вода прежде солонцеватая, становится едва возможною къ употребленію, даже въ глубокихъ колодцахъ. Среди знойнаго лѣта въ этой безотрадной и спаленной пустынѣ не только невозможно жить человѣку со стадами, но даже и одиночному всаднику не всегда безопасно проѣхать ее въ нѣкоторыхъ направленіяхъ.

Понятно, что киргизы, обитающіе въ этой части степи, передъ наступленіемъ жаровъ должны укочевывать въ страны, гдѣ ихъ стада могутъ отыскивать себѣ кормъ. Такія страны лежатъ сѣвернѣе 50 градуса и сюда именно прикочевываютъ всѣ киргизы, зимующіе южнѣе этой черты до самаго Каспійскаго моря и Сырдарьи. *Средніе размѣры ежегодныхъ перекочеваній южныхъ киргизовъ составляютъ отъ 600 до 800 верстъ.*

Разницу въ плодородіи почвы обѣихъ частей Тургайской области обусловливаются, слѣдовательно, размѣры киргизскихъ кочеваній. Какъ сказано, киргизы Илецкаго и Николаевского уѣздовъ откочевываютъ рѣдко далѣе пятидесяти верстѣ. Киргизы Тургайскаго уѣзда описываютъ въ своихъ кочеваніяхъ большія кривыя, а иргизскіе—еще большія, такъ что нѣкоторые изъ нихъ ежегодно откочевываютъ за тысячу и болѣе верстѣ.

Изъ этого можно вывести заключеніе, что киргизы, которымъ приходится ежегодно дѣлать длинныя перекочеванія, станутъ охотнѣе разводить вьючный скотъ, и въ особенности верблюда; если же киргизамъ во время лѣтнихъ кочеваній нѣтъ надобности проходить со своимъ имуществомъ большія разстоянія, то имъ расчетливѣе держать легче плодящійся и болѣе доходный рогатый скотъ ¹⁾. Цифровыя данныя вполне подтверждаютъ это мнѣніе.

Въ Тургайской области на каждую кибитку приходится:

Уѣзды.	Верблюдовъ. Рогатаго скота.		Итого.
Илецкій	1,5	7,2	8,7
Николаевскій . .	1,0	6,0	7,0
Тургайскій . . .	3,7	3,1	6,8
Иргизскій	3,1	0,8	3,9
Общее среднее.	2,3	4,3	6,6

Если взять отношеніе числа верблюдовъ къ рога-

¹⁾ Количество содержимыхъ верблюдовъ и рогатаго скота зависитъ также отъ кормовъ. Въ сравнительно плодородныхъ сѣверныхъ уѣздахъ разводится лучше рогатый скотъ, потому что ему нужна луговая трава. Верблюжій кормъ, такъ называемая черная трава (караотъ) растетъ на солонцеватой глинѣ. Тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что киргизы сѣверныхъ уѣздовъ не заботятся о разведеніи верблюдовъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, промѣниваютъ ихъ у южныхъ киргизовъ на другой скотъ. Прже, когда размѣры кочеваній въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ были больше, киргизы этихъ уѣздовъ содержали болѣе и верблюдовъ. Теперь же въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ волостяхъ (напр. въ Мендыгаринской, Николаевского уѣзда) нѣтъ ни одного верблюда.

тому скоту въ каждомъ уѣздѣ, то получатся еще болѣе рельефныя цифры. Верблюдовъ, по сравненію съ рогатымъ скотомъ, находится:

въ Илецкомъ уѣздѣ	0,2
» Николаевскомъ уѣздѣ	0,2
» Тургайскомъ уѣздѣ	1,2
» Иргизскомъ уѣздѣ	3,9

Такимъ образомъ, чѣмъ настоятельнѣе нужда въ отдаленныхъ кочеваніяхъ, тѣмъ большее число держится въючныхъ животныхъ для перевозки тяжестей, причемъ у тургайскихъ киргизовъ верблюдовъ въ шесть разъ, а у иргизскихъ—въ двадцать разъ болѣе, чѣмъ у николаевскихъ и илецкихъ. Если при этомъ вспомнить, что иргизскіе киргизы при ежегодномъ кочеваніи дѣлаютъ среднимъ числомъ около восьмисотъ верстъ, а что въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ средніе размѣры кочеваній не превосходятъ сорока верстъ, то приведенныя выше цифры соотношеній между рогатою скотиною и верблюдами будутъ совершенно тождественны съ разницами кочеваній.

Такимъ образомъ самое кочеваніе и размѣры проходимаго лѣтомъ пространства суть явленія не случайныя, а зависящія отъ большаго или меньшаго плодородія почвы.

Время начала кочеваній обусловливается тоже природою. Южные киргизы начинаютъ трогаться со своихъ зимовыхъ стойбищъ къ сѣверу въ февралѣ и мартѣ, что бы пройти пустыню ранѣе наступленія всеизсушающихъ жаровъ, иначе ихъ стада погибнуть въ лишенной растительности и воды степи. Сѣверные же киргизы отгоняютъ свои стада отъ зимовокъ, когда нужно начать пахать землю.

Пути кочеваній опредѣляются правомъ, основаннымъ на давности пользованія этими путями киргизскими ро-

дами. Въ полость лѣтовокъ, издревле принадлежащихъ извѣстному роду, можетъ кочевать каждый аулъ и киргизъ, принадлежащій этому роду. Во избѣжаніе споровъ между аулами однородцевъ, кочующихъ въ одномъ направленіи и въ предѣлахъ одной и той же полосы, обычное право опредѣляетъ точнымъ образомъ правила дѣйствій «кушбаши», вожака кочующаго аула. Выбравши мѣсто для кочеванія, кушбаши обязанъ поставить на немъ условный знакъ, а если этого нельзя, то начертить на землѣ родовую тамгу.

Отклоняться въ значительной степени отъ родовыхъ путей нельзя, потому что иначе будетъ потравленъ кормъ на кочевьяхъ, принадлежащихъ другому роду. Тогда аулы, принадлежащіе къ этому послѣднему роду, не будучи въ состояніи прокормить свои стада на потравленныхъ мѣстахъ, въ свою очередь принуждены будутъ перегнать стада на чужія лѣтовки, т. е. вытравить ихъ и вытѣснить оттуда третій родъ, и т. д. Потому даже небольшое отклоненіе отъ своихъ кочевыхъ путей приводитъ къ дракамъ, кровопролитію и гибели скота въ огромныхъ размѣрахъ. Именно оттого почти ежегодно происходятъ кровавыя столкновенія въ тѣхъ мѣстахъ Уральской области, гдѣ обширныя грязи, въ которыя разливается нижняя Эмба, заставляютъ чеклинцевъ, адаевцевъ и китинцевъ, обходя эти грязи, взаимно стѣснять свои кочевья.

Какъ сказано выше, каждый киргизъ въ теченіе лѣта проходитъ со стадами такое пространство, какое необходимо для ихъ прокормленія. Понятно потому, что аулы и отдѣльныя личности, не обладающіе значительными стадами, постепенно отстаютъ въ пути отъ тѣхъ богатыхъ своихъ товарищей, стада которыхъ требуютъ большаго количества кормовъ. Это правило измѣняется, впрочемъ, подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, южные киргизы должны непре-

мѣнно проходить взадъ и впередъ пустынное пространство, о которомъ было говорено, не въ пору жаровъ, а во-вторыхъ, киргизъ, у котораго дурная зимовка, долженъ кочевать возможно дальше. Последнее зависитъ отъ того, что скотъ тѣмъ легче переносить трудную для него зиму, чѣмъ онъ болѣе «нагулялся» лѣтомъ, т. е. чѣмъ онъ жирнѣе; откормить же скотъ въ малопродуктивной степи, значитъ, дать ему возможно большій просторъ. Поэтому киргизы, которые, вслѣдствіе плохихъ зимовочныхъ мѣстъ, опасаются, что скотъ не выдержитъ зиму, дѣлаютъ сравнительно большіе концы при лѣтнихъ кочеваніяхъ.

Возвращаются южные киргизы на зимовки съ такимъ расчетомъ, чтобы прогнать стада черезъ бесплодную степь во время дождей и пониженія температуры, т. е. когда на ней вновь появится трава.

Всѣ киргизы вообще, приближаясь къ зимовкамъ, не пускаютъ свой скотъ на тѣ мѣста, которыя предназначаются для его прокормленія зимою. До снѣга они держатъ стада на такъ называемомъ «кзеу» или «кюздикъ», осеннемъ стойбищѣ; когда же наступаетъ полная зима и снѣгъ станетъ довольно глубокъ, все киргизское хозяйство передвигается на зимнее стойбище.

Зимовка или зимнее стойбище. Хорошая зимовка не только должна быть возможно обильна кормовъ, но и расположена относительно странъ свѣта такъ, чтобы господствующіе зимою вѣтры (NO и SW) сдували бы съ земли снѣгъ. Для этого выбирается подходящая прогалина, или покатошь, идущая съ сѣверо-востока на юго-западъ, или мѣсто по возможности закрытое отъ вьюгъ песчаными барханами и камышами. Качество и количество травъ, растущихъ близъ зимовки, должно соответствовать числу и родамъ скота: тамъ, гдѣ ба-

ранъ и верблюды будутъ сыты, падеть отъ голода рогатая скотина или лошадь. Киргизы различаютъ три сорта кормовъ: бѣлая трава, луговая трава и верблюжий кормъ. Бѣлая трава растетъ на производительной, чаще всего способной къ обработкѣ, степи; луговая трава— во впадинахъ и потныхъ мѣстахъ, а верблюжья или черная трава—на почти безплодныхъ глинистыхъ солонцахъ. Потому киргизскія стада на зимовкахъ не могутъ держаться въ одной кучѣ, а находятся близъ своихъ пастбищъ. Чаще всего въ отгонныхъ табунахъ держатся лошади, а близъ зимовокъ—рогатый скотъ, бараны и верблюды.

Зимованіе. Зимой киргизскія стада принуждены бороться съ гололедицею, глубокими снѣгами, снѣжными буранами, безкормицею и холодомъ.

Если позднею осенью идутъ дожди или случится оттепель, а послѣ грянуть морозы, то поверхность снѣга оковывается корой такой толщины и крѣпости, что скотъ не бываетъ въ состояніи разбивать ея копытомъ, для добыванія себѣ корма. Тогда на помощь стадамъ является хозяинъ со своими родными и семействомъ. Вооруженные лопатами, мотыгами, топорами и всякими колющими, рѣзущими и ломающими орудіями, киргизы отправляются на тебеневочныя мѣста и работаютъ безъ устали день и ночь разламываніемъ льда, чтобы дать скоту возможность достать себѣ кормъ. Гололедица— величайшій бичъ киргизскихъ стадъ и иногда опустошаетъ ихъ невѣроятнымъ образомъ. Какъ на примѣръ, можно указать на страшную для киргизовъ зиму съ 1875 на 1876 годъ, когда въ одномъ Иргизскомъ уѣздѣ отъ гололедицы пало:

Лошадей . . .	50.720 или 72 ⁰ / ₀	всего числа	скота въ уѣздѣ.
Верблюдовъ . .	16.774 » 38 ⁰ / ₀	»	» » » »

Барановъ }	165.285 или 49% всего числа скота въ уѣздѣ.
Козъ }	
Итого	232.779 ¹⁾ » 53% всего числа скота въ уѣздѣ.

Иначе говоря, отъ гололедицы въ одну зиму Иргизскіе киргизы потеряли болѣе половины всего своего имущества. При слишкомъ глубокихъ снѣгахъ, какъ и при гололедицѣ, люди должны помогать скоту и именно отгребать снѣгъ. Во время бурановъ, мятелей, сильной стужи (точно также, какъ во время холодныхъ осеннихъ ливней и песчаныхъ или пыльных урагановъ) скотъ разбѣгается по направленію вѣтра. За нимъ слѣдуетъ хозяинъ, иногда погибающій вмѣстѣ со своими стадами либо въ глубокихъ, никогда не замерзающихъ сорахъ (солонцеватыхъ болотахъ), либо отъ изнеможенія и холода. Если же послѣ величайшихъ усилій киргизу удастся остановить и собрать стада, ему предстоитъ тяжелый трудъ провести скотъ обратно на зимовку, по пустыннымъ, неимѣющимъ кормовъ, мѣстамъ.

Иногда приходитъ несчастье и безъ бурановъ, гололедицы и великихъ холодовъ. Случается, что скотъ просто ослабѣваетъ отъ безкормицы настолько, что ложится на снѣгъ и не можетъ подняться на ноги. Тогда, чтобы скотъ не замерзъ, его приходится поднимать руками, и такъ какъ онъ самъ, по слабости, не въ состояніи копытить кормъ, то, въ подобныхъ случаяхъ, снѣгъ съ травы тоже отгребается людьми. Эта операція, извѣстная у киргизовъ подъ именемъ «кутеремъ-кутерю», требуетъ величайшаго терпѣнія и неутомимости, потому что съ каждымъ животнымъ, которое

¹⁾ При этомъ я не привожу еще павшій рогатый скотъ, такъ какъ цифры, представленныя уѣзднымъ управленіемъ, были очевидно невѣрны. Мнѣ, впрочемъ, извѣстно довольно точно, что въ зиму 1875 — 76 года Иргизскіе киргизы потеряли почти весь свой рогатый скотъ.

отъ слабости опять ложится, приходится повторять ее по нѣсколько разъ.

У южныхъ киргизовъ нѣтъ постоянныхъ загоновъ для скота, какъ почти нѣтъ и камышевыхъ зарослей, которыя такъ хорошо защищаютъ стада отъ бурановъ и стужи, потому они держатъ на зимовкахъ колья и кошмы и, развѣсивая ихъ со стороны вѣтра, устраиваютъ искусственные заслоны для скота отъ зимнихъ бурь и заносовъ.

Цѣлость киргизскаго скота въ теченіе зимы обезпчивается незначительными запасами сѣна, котораго не хватаетъ даже въ сѣверныхъ уѣздахъ настолько, чтобы прокормить скотъ въ теченіе всей зимы. Потому сѣно, гдѣ оно есть, дается скоту только въ минуту послѣдней необходимости и дается столько, сколько нужно для подкрѣпленія силъ на борьбу съ зимою и голодомъ.

Суровыя условія зимняго степного хозяйства отражаются въ такой же степени на жизни самого киргиза, какъ и на его стадахъ. Вѣчно прозябшій и всегда голодный, объѣзжаетъ онъ свои стада и отгонные табуны, осмотрѣть которые ему непременно нужно хоть разъ въ день. И чѣмъ сильнѣе буранъ и леденящій холодъ, тѣмъ настойчивѣе нужно киргизу быть при стадахъ, чтобы помогать имъ въ случаѣ какого-нибудь несчастія. Высшей степени мучительныхъ безпокойствъ и невѣроятныхъ трудовъ достигаютъ заботы киргиза къ началу весны, когда почти весь скотъ ослабѣваетъ до послѣдней степени и когда его хозяинъ, по колѣно въ грязи и холодной водѣ, поднимаетъ скотъ на ноги и помогаетъ ему кормиться.

Но вотъ, къ величайшему счастью людей и животныхъ, начало пригрѣвать солнце. Кое-гдѣ показалась трава и скотъ, благодаря массѣ соли, заключающейся въ кормахъ, поправляется и полнѣетъ съ невѣроятною

быстротою. Верблюжіе горбы и бараньи курдюки, данные степною природою этимъ животнымъ будто въ запасъ, для большаго укрѣпленія жизненной силы во время борьбы съ зимнею безкормицею, начинаютъ наливаться жиромъ. Аулы приготовляются къ кочеванію. Тамъ, гдѣ зимовки расположены между песчаными барханами, колодцы засыпаются до верху пескомъ (кромѣ лежащихъ на кочевыхъ и торговыхъ путяхъ); гдѣ глубокіе колодцы вырыты въ плотной глинѣ, они закрываются кошмами, поверхъ которыхъ насыпается земля. Если этого не сдѣлать, вода, отъ сильнаго испаренія, начнетъ въ колодцахъ портиться и пріобрѣтетъ горько-солонцоватый вкусъ. И когда аулы тронулись кочевать, только плотный слой бараньяго помета на такъ называемыхъ «конахъ», мѣстахъ зимней скученной стоянки барановъ, обнаруживаетъ въ пустынѣ мѣста зимовокъ. Проѣзжая близъ подобныхъ мѣстъ лѣтомъ, когда кругомъ все выжжено и кажется лишено всякой органической жизни, едва можно вѣрить, что эта потрескавшаяся соленая глина, эти сыпучіе пески могутъ прокормить сотни тысячъ головъ скота.

Общія заключенія о кочеваніи. Все здѣсь сказанное относится главнымъ образомъ къ двумъ южнымъ уѣздамъ, а не къ сѣвернымъ, въ которыхъ характеръ чистаго кочеванія начинаетъ утрачиваться, замѣняясь чѣмъ то среднимъ между земледѣльческою жизнью и кочевою.

Я сдѣлалъ поверхностный очеркъ киргизскихъ кочеваній, чтобы имѣть право вывести отсюда слѣдующія заключенія: 1) кочеваніе есть непремѣнное условіе пастушеской жизни киргизовъ; 2) величина размаховъ кочеваній зависитъ отъ плодородія почвы и количества пасущагося скота; 3) направленіе кочеваній установилось въ степи на довольно правильныхъ основаніяхъ; 4) киргизы, зимующіе къ югу отъ 50°, не имѣютъ около

зимовыхъ стойбищъ мѣсть для лѣтняго кочеванія, а потому должны непременно прикочевывать въ сѣверные уѣзды; 5) кочеваніе не есть прогулка по степи, а трудъ, лѣтомъ, при хорошихъ кормахъ, довольно незначительный, но при безкормицѣ и зимней стужѣ чрезвычайно тяжкій; 6) если бы прекратить прикочеваніе южныхъ киргизовъ Тургайской и другихъ областей, то всѣ они лишились бы своихъ стадъ, т. е. потеряли бы всякія средства для дальнѣйшаго существованія; 7) если бы по административному произволу измѣнить пути кочеваній, освященные временемъ и правомъ, то это водворило бы въ степи насилие, безпорядки и повело бы ко всеобщимъ тратамъ; 8) уѣзды Илецкій и Николаевскій, съ теченіемъ времени, могутъ сдѣлаться осѣдлыми, уѣзды же Тургайскій и Иргизскій—первый частью, а послѣдній на всемъ своемъ пространствѣ едва ли способны къ культурной жизни. Потому въ этихъ двухъ уѣздахъ могутъ жить только кочевники и скотоводы, по крайней мѣрѣ въ теченіе еще очень долгаго времени.

Эти выводы отвѣчаютъ сами собою на поверхностныя мнѣнія тѣхъ людей, которые, будто бы во имя киргизскаго и государственнаго блага, желаютъ прекратить кочеваніе административными мѣрами. Послѣ всего сказаннаго будетъ понятно, что такое мнѣніе предполагаетъ смертный приговоръ, произнесенный надъ 50.000 кибитками или 200.000 душами, ежегодно прикочевывающими въ сѣверные уѣзды изъ тѣхъ частей степи, которыя лѣтомъ неспособны прокармливать стада. Въ такой же степени странно мнѣніе, которое не разъ высказывалось относительно полезности ограничить кочеваніе условными границами уѣздовъ. Всякому, пробѣжавшему изложенный выше очеркъ кочеваній, станетъ это понятно безъ комментарій.

Несмотря какъ на это, такъ и на то, что нынѣ

дѣйствующее «Положеніе» признаетъ за киргизами право вѣчнаго пользованія только зимовками, а лѣтовки оставлены въ общемъ пользованіи всѣхъ киргизовъ безъ исключенія, люди, желающіе во что бы то ни стало ихъ облагодѣтельствовать, отъ времени до времени поднимаютъ вопросъ о регламентаціи кочеваній, либо даже объ ихъ ограниченіи. Эти попытки я считаю не только не серьезными, но даже безусловно вредными. Разговоры, вызываемые мыслями, основанными на незнаніи дѣла и непониманіи правительственныхъ взглядовъ, получаютъ огласку, доходятъ до киргизовъ и производятъ въ аулахъ понятный переполохъ.

Рекомендую уѣзднымъ начальникамъ положить конецъ всѣмъ разсужденіямъ о вредѣ кочеваній, пользѣ прикрѣпленія къ землѣ и т. д., насколько это касается подчиненныхъ имъ чиновниковъ. Весьма часто люди, интересующіеся грандіозными планами, не исполняютъ какъ слѣдуетъ своихъ прямыхъ обязанностей и не замѣчаютъ, что этимъ именно они и приносятъ большой вредъ тому дѣлу, о которомъ заботятся такъ много и въ такихъ широкихъ размѣрахъ.

Начало осѣдлости въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ.
Изъ всего вышеизложеннаго не слѣдуетъ, чтобы съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ частяхъ степи не водворялась бы осѣдлая жизнь и чтобы ея развитіе не было въ высокой степени желательно. Переходная къ тому эпоха наступила уже для Илецкаго и Николаевского уѣздовъ.

Благодаря осторожности высшей власти въ краѣ, это дѣлалось и дѣлается безъ всякихъ внѣшнихъ вліяній и насилій, путемъ естественнаго хода вещей и свободного развитія киргизовъ въ матеріальномъ отношеніи.

Первоначально, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія и установленія въ степи безопасности, часть лѣто-

вокъ по необходимости была занята подъ зимовки. Отсюда почувствовалось стѣсненіе въ кочеваніи, которое увеличилось еще болѣе отъ того, что южные киргизы, лѣтъ 20—30 тому назадъ не приближавшіеся къ линіи изъ страха передъ русскими, теперь прикочевываютъ на сѣверъ большими массами. Еще весьма недавно киргизы Илецкаго и Николаевского уѣздовъ могли откочевывать отъ зимовокъ верстъ на сто и полтора, а теперь не въ состояніи отходить далѣе сорока или пятидесяти верстъ. Стѣсненіе въ лѣтовкахъ повлекло за собой усиленіе косьбы сѣна, какъ средства гарантирующаго скотъ отъ безкормицы. Богатство травъ въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ представляло къ тому полную возможность. Стоги накошеннаго сѣна требовали охраны отъ расхищенія со стороны прикочевывающихъ съ юга киргизовъ, и зимовка постепенно пріобрѣтала коренное значеніе въ хозяйствѣ, лѣтнее же кочеваніе становилось только подспорьемъ къ ней. Потомъ появились пашни, которыя, благодаря богатой почвѣ и сосѣдству русскихъ городовъ и поселеній, стали приносить своимъ владѣльцамъ отличный доходъ. Проведеніе же парового пути въ Оренбургъ дало такой толчекъ развитію земледѣлія въ Илецкомъ уѣздѣ, что мѣстныя цѣны стали колебаться въ зависимости отъ киргизскихъ предложеній. Когда скотоводство перестало быть исключительнымъ средствомъ существованія части Илецкихъ и Николаевскихъ киргизовъ, ихъ зимовки должны были потерять характеръ ставки кочевника и превратиться въ жилища полуосѣдлаго человѣка. Поэтому вмѣсто кибитокъ на зимовкахъ стали появляться землянки, которыя, постепенно улущаясь, были замѣнены въ нѣсколькихъ пунктахъ домами съ печками. Наконецъ были два или три удачныхъ опыта, сдѣланные илецкими киргизами относительно разведенія рощицъ. Понятно, что при подобномъ положеніи вещей коче-

ваніе въ предѣлахъ Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ стало производиться такъ близко отъ зимовокъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скорѣе напоминаетъ порядокъ пастьбы скота въ новороссійскихъ степяхъ.

Къ счастью, все это дѣлалось и дѣлается въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ само собой, безъ вреднаго вмѣшательства администраціи. Опираясь на прекращеніе въ степи безпорядковъ и на увеличеніе матеріальныхъ средствъ, киргизы незамѣтно для себя, путемъ логической постепенности и безъ болѣзненныхъ потрясеній кочевого быта, приготовились выдержать начавшійся кризисъ перехода къ осѣдлости въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ. Позволю себѣ сказать, что еслибы мѣстная администрація хотѣла достигнуть того же форсированными средствами, она превратила бы киргизовъ Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ не въ хлѣбопашцевъ, а въ лишившихся скота джетаковъ, которымъ не оставалось ничего, кромѣ вымиранія.

Можно думать, что переходная эпоха, въ которой теперь живетъ часть илецкихъ и николаевскихъ киргизовъ, кончилась бы скорымъ и рѣшительнымъ торжествомъ осѣдлости и земледѣлія, еслибы всѣ промежутки между ихъ зимовками не наполнялись лѣтомъ прикочевывающими съ юга киргизами. Кочуя со своими стадами около зимовокъ илецкихъ и николаевскихъ киргизовъ, пришлецы съ юга травятъ луга и пашни, истребляютъ накошенное сѣно и лѣсныя заросли. Охранить имущество сѣверныхъ киргизовъ и тѣмъ дать имъ возможность дальнѣйшаго улучшенія своей жизни, вотъ наша прямая обязанность. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ достаточнаго количества фактовъ для изученія этого вопроса и я не знаю еще какимъ образомъ можно устранить упомянутые безпорядки *безъ вреда для прикочевывающихъ киргизовъ*. Думаю, однако, что поддержаніе административнаго порядка у прикочевывающихъ кир-

гизовъ и правильная организація смѣшанныхъ сѣздовъ суда бѣвъ для скораго разрѣшенія споровъ между киргизами разныхъ уѣздовъ и областей по потравамъ будетъ служить большимъ подспорьемъ къ огражденію интересовъ сѣверныхъ киргизовъ.

Во всякомъ случаѣ полагаю полезнымъ, чтобы уѣздные начальники собрали объ этомъ вопросѣ самыя подробныя свѣдѣнія и тщательно разспросили бы знающихъ киргизовъ о томъ, какими мѣрами можно охранить зимовки илецкихъ и николаевскихъ киргизовъ отъ опустошеній, производимыхъ прикочевывающими стадами, иногда намѣренно направляемыми на пашни, покосы и луга?

Осенью настоящаго 1878 года этотъ вопросъ будетъ мной поднятъ въ засѣданіи комитета, который, по примѣру прошлаго года, соберется въ Оренбургѣ для дальнѣйшаго установленія вѣрности и единства точекъ зрѣнія на управленіе киргизами области. Прошу уѣздныхъ начальниковъ изготovitъ къ этому времени всѣ необходимыя матеріалы для возможно полнаго разрѣшенія вопроса, о которомъ идетъ рѣчь. Считаю бесполезнымъ предупреждать, что киргизы Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ будутъ предлагать слишкомъ рѣшительныя мѣры къ огражденію ихъ интересовъ, а киргизы Тургайскаго и Иргизскаго уѣздовъ найдутъ каждую мѣру стѣснительною для себя.

Необходимость образованія осѣдло-земледѣльческихъ пунктовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области. Если я считаю несерьезною болтовню о вредѣ кочеваній, которая только попусту пугаетъ киргизовъ, то будетъ невѣрно вывести отсюда заключеніе, что не нужно содѣйствовать развитію осѣдлыхъ поселеній вездѣ, гдѣ это возможно безъ рѣзкаго стѣсненія не только зимовокъ, но даже и лѣтнихъ. Мѣры, которыя могутъ быть приняты для дости-

женія этой цѣли, никоимъ образомъ не должны имѣть характера насильственныхъ дѣйствій, а быть только содѣйствіемъ естественному ходу вещей, помощью для матеріальнаго улучшенія области.

Извѣстно, что какъ только среди кочевьевъ номада появляется земледѣлецъ, они начинаютъ помогать другъ другу и дополнять невыгоды своихъ специальныхъ занятій. Теперь киргизъ не земледѣлецъ получаетъ хлѣбъ черезъ торговца, который беретъ у него за это скоть, по цѣнѣ, превосходящей вдвое и втрое стоимость полученныхъ продуктовъ. И чѣмъ далѣе кочуетъ киргизъ отъ осѣдлыхъ поселеній, тѣмъ дороже и труднѣе достать ему зерно и муку; если же онъ будетъ имѣть своимъ сосѣдомъ земледѣльца, то его положеніе должно рѣзко измѣниться къ лучшему. Тогда онъ не только достанетъ всѣ земледѣльческіе продукты по сравнительно дешевой цѣнѣ, но и станетъ постепенно приучаться къ сѣнокошенію, даже къ посѣвамъ, гдѣ это возможно.

На этомъ основаніи обращаю вниманіе уѣздныхъ начальниковъ на слѣдующее обстоятельство: къ укрѣпленіямъ Акъ-Тюбинскому, Иргизскому и Тургайскому прирѣзаны значительныя пространства хорошей земли, большая часть которыхъ лежитъ пока втуне. Вся эта земля уже отчуждена отъ киргизовъ, почему мнѣ казалось бы крайне полезнымъ утилизировать ее и привлечь къ укрѣпленіямъ поселенцевъ изъ числа тѣхъ крестьянъ, которые ѣздятъ по южной Сибири и Оренбургскому краю, отыскивая новыя земли, или изъ числа отпущенныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ. Необходимо сдѣлать извѣстнымъ, что по закону земли подъ поселенія въ мѣстахъ пребыванія уѣзднаго управленія должны быть отводимы поселенцамъ даромъ. Имъ можно также обѣщать разрѣшеніе срубить необходимое для построекъ число бревенъ въ ближайшихъ лѣсахъ (§ 228 «Времен-

наго Положенія»). Я не считаю труднымъ привлечь въ степныя укрѣпленія необходимое число поселенцевъ; поэтому предлагаю уѣзднымъ начальникамъ озаботиться окончаніемъ всѣхъ предварительныхъ работъ по поселенію въ Акъ-Тюбѣ и Тургаѣ (а если можно, то и въ Иргизѣ) отъ пятидесяти до ста дворовъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы поселенцы могли начать обрабатывать землю весною 1879 года.

Вліяніе лѣсовъ на производительность земли, особенно въ степяхъ. Затрудненія, которыя встрѣчаетъ развитіе земледѣлія въ степи, а слѣдовательно и трудность перехода киргизовъ изъ кочевого состоянія въ осѣдлое зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сухости воздуха и недостаточнаго количества атмосферныхъ водъ. Безъ измѣненія этого неблагопріятнаго условія большая часть Тургайской области останется всегда странною, гдѣ возможна только пастушеская кочевая жизнь.

Всѣмъ извѣстно, что влажность воздуха, имѣющая рѣшительное вліяніе на развитіе растительности, увеличивается или уменьшается въ прямой пропорціи отъ лѣсовъ. Стоитъ только истребить лѣса какой-нибудь страны и средняя влажность воздуха этой страны непременно уменьшится. Слѣдовательно, на лѣса, гдѣ они есть въ степи, нельзя смотрѣть только какъ на строевой матеріалъ или топливо: спасая страну отъ засухъ, они обезпечиваютъ въ ней успѣхи прогресса и цивилизаціи. Исторія народовъ, обитающихъ въ Средней Азіи, есть исторія людей, переходъ которыхъ въ осѣдлое состояніе либо затрудненъ, либо совершенно невозможенъ, вслѣдствіе крайней сухости воздуха и происходящей отсюда неспособности обитаемой ими земли къ культурѣ. Эта сухость, въ свою очередь, зависитъ частію отъ недостатка лѣсовъ, съ разведеніемъ которыхъ, вѣроятно, измѣнился бы и самый видъ степи. По крайней

мѣрѣ существуютъ доказательства, совершенно очевидно подтверждающія, что истребленіе степныхъ лѣсовъ влекло за собой оскудѣніе и истощеніе окрестной природы.

Миссіонеръ Гюкъ, описывая свое путешествіе по Татаріи, упоминаетъ о странѣ, обитаемой монгольскимъ племенемъ Уніотъ. Эта страна, по его словамъ, была богата до XVII столѣтія, когда въ нее проникли китайцы. Получивъ за небольшую плату право рубить деревья, они истребили всѣ лѣса, росшіе въ изобиліи по горнымъ покатосямъ, и тѣмъ измѣнили видъ страны. Послѣ уничтоженія лѣсовъ, здѣсь начали свирѣпствовать сильныя вѣтры, изсушающіе почву. Страшныя засухи начали смѣняться ливнями, которые покрывали плодородную землю слоемъ грязи и голышами. Гюкъ совершенно справедливо приписываетъ лѣтній зной и зимнюю стужу, замѣченные имъ въ Уніотѣ, равно какъ истощеніе природы—опустошенію, произведенному китайцами. Теперь близъ развалинъ когда-то процвѣтавшихъ городовъ живетъ тамъ бѣдное населеніе, судьба котораго обусловлена недружелюбными силами искаженной природы.

Точно также на берегахъ Средиземнаго моря разность между температурою временъ года стала болѣе значительною послѣ того, какъ на прибрежныхъ горахъ была вырублена большая часть покрывавшихъ ихъ недавно лѣсовъ. Совершенно тѣ же явленія, вмѣстѣ съ увеличеніемъ безплодія земли, замѣчаются въ Европейской Россіи, послѣ уничтоженія большихъ лѣсовъ, густо покрывавшихъ среднюю ея полосу.

Если истребленіе лѣсовъ вліяетъ вреднымъ образомъ на страны, въ которыхъ влажность воздуха значительна, то на Тургайскую область, гдѣ воздухъ очень сухъ, то же обстоятельство можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія.

Понятіе о сухости воздуха въ киргизской степи можно себѣ составить, если вспомнить, что среднее количество дождя, ежегодно выпадающее на всей землѣ, по вычисленію извѣстнаго Дове, составляетъ слой воды приблизительно въ 60 парижскихъ дюймовъ толщины ¹⁾. Судя по картѣ распредѣленія дождей фонъ-Клейдена, въ сѣверной части Тургайской области (т. е. въ самой производительной) атмосферной воды падаетъ ежегодно около 20 сантиметровъ или 7, 8 дюймовъ. Иначе говоря, среднее количество дождя, падающаго въ Илецкомъ, Николаевскомъ и части Тургайскомъ уѣздахъ почти въ десять разъ менѣе средняго его количества для всей земли. Южная же часть области получаетъ ежегодно съ атмосферы воды менѣе 20 сантиметровъ и это количество все болѣе и болѣе уменьшается по направлению къ югу.

Это явленіе не случайное и зависитъ отъ близости иссушающаго вліянія огромной полосы земли, совершенно лишенной дождей, которая, начинаясь на западномъ берегу Африки, у океана, захватываетъ всю Сахару, Верхній Египетъ, Аравію и Иранскую возвышенность. Горы, расходящіяся въ центральной Азіи отъ Гинду-Куша, прерываютъ эту великую безводную полосу. Восточнѣе Тянь-Шаньскаго хребта и его продолженій полоса бездождія появляется вновь и, отклоняясь на сѣверо-востокъ, идетъ по Монголіи, гдѣ въ большей части своего протяженія носитъ названіе Гоби.

Бороться съ вліяніемъ иссушающихъ вѣтровъ, дующихъ съ юга и юга-востока, мы не можемъ иначе, какъ помощью растительности. Такъ въ Египтѣ, захватываемомъ полосой бездождія, дожди начали появляться

¹⁾ Между тропиками количество дождя равняется 96 дюймамъ, въ сѣверномъ полушаріи — 37 дюймамъ, а въ южномъ — 32; среднимъ числомъ — 35 дюймовъ. Средняя цифра для всего земного шара будетъ около 60 дюймовъ.

съ тѣхъ поръ, какъ тамъ стали разводить въ большемъ количествѣ финиковую пальму.

Тамъ, гдѣ въ киргизской степи существуетъ значительная растительность, послѣдняя такъ сильно притягиваетъ влагу, что по вечерамъ, когда падаетъ температура, надъ лѣсами, даже надъ камышами, появляется мгла водяныхъ паровъ, замѣтная издалека въ прозрачномъ и сухомъ степномъ воздухѣ. Въ свѣтлыя ночи это въ такой степени замѣтно, что киргизы ориентируются по бѣловатому туману для опредѣленія урочищъ, покрытыхъ лѣсомъ и камышами.

О лѣсахъ, рощахъ и таловыхъ заросляхъ. Въ трехъ сѣверныхъ уѣздахъ Тургайской области находятся лѣса и боры, еще недавно бывшіе обширными, а теперь постепенно исчезающіе. По теченію всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, на Мугоджарскихъ горахъ и близъ нѣкоторыхъ озеръ растетъ много тальнику даже теперь, хотя прежде таловыя и березовыя рощи были разбросаны почти по всѣмъ рѣкамъ Илецкаго, Николаевского и Тургайскаго уѣздовъ.

Истребленіе боровъ и лѣсовъ, какъ кажется, нельзя исключительно приписывать киргизамъ, съумѣвшимъ сохранить ихъ въ продолженіе вѣковъ, предшествовавшихъ водворенію въ степи русской власти. Сколько мнѣ извѣстно, киргизы съ особымъ тщаніемъ охраняютъ лѣса, потому что по долгому опыту знаютъ какое значеніе имѣютъ въ степи деревья. Еще и теперь, когда они утратили шаманство, киргизы питаютъ къ одиночно растущимъ деревьямъ полурелигіозное уваженіе, обвѣшивая ихъ тряпочками, складываютъ къ нимъ приношенія. Помимо этого чувства, понятнаго у жителей безлѣсныхъ степей, киргизамъ не нужны толстыя деревья по самымъ свойствамъ ихъ кочевыхъ нуждъ. Какъ топливо—они всегда предпочитаютъ кизякъ, та-

волчу, кокъ-пекъ, сухіе сучья, дающіе сравнительно мало дыма и угара; на кирече, укрючины и прочія нужды необходимы жерди; только въ послѣднее время стали они строить бревенчатыя избы на зимовыхъ стойбищахъ. Слѣдовательно, если опустошенія, произведенныя въ Наурзумскомъ, Аманъ-Карагайскомъ и другихъ борахъ приписать киргизамъ, то нужно предположить также, что они рубили лѣсъ для продажи въ ближайшихъ русскихъ поселкахъ.

Съ другой стороны, нельзя умолчать про печальный, но общеизвѣстный и доказанный фактъ систематическаго истребленія русскими поселеніями лѣсовъ вездѣ, гдѣ они есть или были. Въ сибирской степи Кокчетавъ, Баянъ-Аулъ, Каркаралы, а въ Туркестанскомъ—Копаль, Лепсинскъ и Вѣрное были построены въ мѣстностяхъ, изобилующихъ лѣсами. Вѣрное было окружено натуральнымъ садомъ изъ дикихъ абрикосовъ, яблонь и вишенъ, а сосѣднія горныя покатоности были покрыты непроходимымъ хвойнымъ боромъ. Сперва на топливо первыхъ поселенцевъ пошли абрикосовыя деревья на равнинѣ, потомъ оголены ближайшія покатоности, а теперь приходится ѣздить за топливомъ далеко въ горы. И подобнымъ образомъ дѣйствовали во всѣхъ нашихъ поселеніяхъ. Уже въ настоящее время, благодаря нерасчетливости въ пользованіи лѣсомъ, всѣ упомянутыя выше поселенія страдаютъ недостаткомъ либо строительнаго, либо горючаго матеріала, либо того и другого вмѣстѣ. На мѣстахъ вырубленныхъ участковъ лѣса не сѣялись и не разсаживались и теперь на оголенныхъ площадяхъ, которыми окружены всѣ наши степныя укрѣпленія, господствуютъ изсушающіе вѣтры или бураны, не только затрудняющіе ростъ деревьевъ, но даже дѣлающіе разведеніе лѣса едва-ли возможнымъ. Между тѣмъ, съ истребленными лѣсами пропало много производительныхъ силъ у степной природы, уничто-

жено много шансовъ на водвореніе здѣсь осѣдлаго населенія.

Во всемъ этомъ было виновато мѣстное начальство, хотя все-таки менѣе тѣхъ властей, которыя смотрѣли хладнокровно на искорененіе, такъ сказать, той ничтожной растительности, которая окружала русскія поселенія въ Тургайской области. Такимъ образомъ начальникъ Иргизскаго уѣзда не остановилъ своевременно систематическое выкорчеваніе кокъ-пеку, росшаго вблизи укрѣпленія, отъ чего послѣднее стало засыпаться холмами переноснаго песку. Еслибы г. генераль-губернаторъ не остановилъ это строгими мѣрами (въ 1871 году), жизнь въ Иргизскомъ укрѣпленіи стала бы невозможною. Теперь въ окрестностяхъ укрѣпленія кокъ-пекъ опять выросъ и движеніе песковъ пріостановлено. Другой образчикъ: комендантъ Акъ-Тюбинскаго укрѣпленія *приказалъ* вырубить на дрова небольшія таловыя роши, росшія въ его окрестностяхъ, по всей долиинѣ Илека.

Все это касается лѣсовъ и рощъ; относительно же молодика и небольшихъ зарослей нельзя забывать общаго агрономическаго закона, по которому пастьба скота въ опушкахъ лѣсовъ и особенно въ поднимающемся молодомъ лѣсу равносильна постепенному истребленію лѣсовъ. Со времени возстановленія въ степи личной и до нѣкоторой степени имущественной безопасности, киргизское народонаселеніе и число скота стали замѣтно увеличиваться. По словамъ самихъ киргизовъ, кочеваніе все болѣе и болѣе стѣсняется, потому и вѣроятіе на истребленіе свѣжихъ зарослей увеличивается въ той же пропорціи. Можно думать, что отъ кочеваній въ лѣсахъ почти совсѣмъ погибъ значительный березовый лѣсъ Бель-Агачъ въ Илецкомъ уѣздѣ и другія лиственные насажденія.

Такимъ образомъ исчезновеніе лѣснаго богатства

Тургайской области нужно приписать въ одно и то же время и нашему всегдашнему неряшеству въ отношеніи къ лѣсамъ и большому объему кочеваній, зависящему отъ увеличенія числа киргизскихъ стадъ.

Сохраненіе лѣсовъ и зарослей и разсадка ихъ вездѣ, гдѣ это возможно, составляетъ прямую обязанность степной администраціи. Но какъ это сдѣлать? Какія предпринять мѣры, чтобы распоряженія, которыя будутъ признаны для того необходимыми, не имѣли характера мертворожденнаго бюрократическаго приказанія, а на самомъ дѣлѣ содѣйствовали бы увеличенію лѣснаго богатства? Нужно ли отдать роши въ исключительное пользованіе тѣхъ киргизовъ, которые ихъ сохранили; конечно съ ограниченіемъ права рубки извѣстнымъ процентомъ насажденія? Нужно ли ходатайствовать о закрѣпленіи за киргизами на правѣ вѣчнаго потомственнаго владѣнія тѣхъ зимовокъ, на которыхъ они развели, насадили или посѣяли роши? Какъ сдѣлать, чтобы киргизы не срубали стволовъ тальника, ограничиваясь употребленіемъ на свои кочевыя нужды только однѣхъ вѣтвей?

Для надлежащаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся сохраненія распространенія лѣсовъ, а равно разсадки рошъ по рѣкамъ и озерамъ, прошу собрать всѣ необходимыя данныя и указанія. Желательно только, чтобы то и другое собиралось не канцелярскимъ порядкомъ, не для очистки только совѣсти, а помощью живого изученія и разспросовъ у знающихъ людей. Поэтому прошу уѣздныхъ начальниковъ сформировать коммисіи изъ опытныхъ и добросовѣстныхъ киргизовъ и вмѣстѣ съ ними разобрать этотъ вопросъ, обративъ особенное вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) гдѣ находятся или находились таловыя роши? 2) Какъ сохранить существующія и какъ развести ихъ вновь въ удобныхъ для того мѣстахъ? 3) Какія это мѣста? 4)

Что нужно сдѣлать, чтобы киргизамъ *было выгодно* заниматься разведеніемъ рошъ? 5) Какъ охранить посѣянные или посаженные роши отъ истребленія скотомъ, особенно близъ лѣтовокъ? 6) Какимъ образомъ и кѣмъ именно истребляются лѣса, находящіеся въ трехъ уѣздахъ Тургайской области? 7) Что нужно предпринять для спасенія остающихся лѣсовъ и какимъ порядкомъ охранять молодикъ? 8) Что нужно сдѣлать, чтобы киргизы, кочующіе близъ лѣсовъ, *находили для себя выгоднымъ* охранять эти лѣса? и 9) Какимъ способомъ содѣйствовать развитію растительности въ пескахъ Барсуки, Кара-Кумы и вообще въ Иргизскомъ уѣздѣ?

Изъ брошюры «Пески Кара-Кумъ», написанной его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ, оказывается, что Кара-Кумы способны къ произрастанію многолѣтней кустарной растительности и что эти пески, при благопріятныхъ условіяхъ, заростають сравнительно скоро. Мнѣніе его высочества совершенно согласуется съ моими личными наблюденіями, потому я просилъ бы начальника Иргизскаго уѣзда сдѣлать все отъ него зависящее по производству опытовъ надъ разсадкою въ Кара-Кумахъ джигды и тальника, особенно послѣдняго. Поручаю начальнику Иргизскаго уѣзда выбрать нѣсколько члвкъ изъ числа зажиточныхъ киргизовъ его уѣзда и просить ихъ отъ меня произвести будущее весною опытъ разсадки таловъ около ихъ зимовокъ, съ тѣмъ, что право пользоваться выращенными ими рощами будетъ принадлежать исключительно имъ. Независимо отъ того, если имъ удастся вырастить деревья, то я буду радъ не только наградить ихъ самъ, но и представлю о достигнутомъ результатѣ г. министру государственныхъ имуществъ, отъ высокопросвѣщеннаго ума котораго не ускользнуло значеніе, которое имѣетъ для Имперіи лѣсосохраненіе и лѣсоразведеніе.

Лѣсныя коммисіи должны окончить свои занятія съ такимъ расчетомъ, чтобы собранный ими матеріалъ былъ приведенъ въ полный порядокъ къ засѣданіямъ нашимъ, которыя откроются будущею осенью.

До тѣхъ же поръ, покуда не выработаются необходимыя правила и мѣропріятія, я возлагаю на уѣздныхъ начальниковъ полную отвѣтственность за всякое расхищеніе лѣсовъ. Предупреждаю, что это не тѣ слова, которыя иногда употребляются въ предписаніяхъ начальства безъ всякихъ послѣдствій.

Вообще прошу уѣздныхъ начальниковъ принять за правило не только охранять всѣми зависящими отъ нихъ способами и силами существующіе лѣса и поросли, но всячески содѣйствовать къ ихъ разсадкѣ. Мнѣ хорошо извѣстно, что именно можетъ сдѣлать уѣздный начальникъ въ степи, *если онъ захочетъ пустить въ ходъ все свое вліяніе*. Мнѣ извѣстно также, что среди киргизскаго населенія нарождается уже сознаніе о необходимости разведенія лѣсовъ. Это доказывается тѣмъ, что нѣсколько киргизовъ Тургайской области успѣли сохранить рощи на своихъ зимовкахъ и тщательно оберегаютъ ихъ, а что другіе даже сдѣлали опытъ ихъ разсадки и разведенія. Пусть уѣздные начальники ободряютъ такихъ людей содѣйствіемъ къ охранѣ ихъ рощъ и всякаго рода вниманіемъ, и пусть общаются имъ, моимъ именемъ, награды. Прошу пояснить киргизамъ, что разведеніе рощъ на принадлежащихъ имъ зимовкахъ есть дѣло высокой общественной важности. Я же, съ своей стороны, скажу то же самое уѣзднымъ начальникамъ относительно подчиненныхъ имъ уѣздовъ.

Что касается до разведенія рощъ близъ укрѣпленій, то я лично просилъ уже объ этомъ уѣздныхъ начальниковъ. Въ дополненіе къ тому предлагаю сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ частные и казенные дома и казармы, съ принадлежащими имъ дворами и пристройками

были *непретѣнно* обсажены деревьями вездѣ, гдѣ это возможно, начавъ разсадку съ осени настоящаго года. Обсадку деревьями казармъ и казенныхъ помѣщеній предлагаю возложить на заботы воинскихъ начальниковъ съ тѣмъ, чтобы вода для поливки возилась на казенныхъ волахъ, а посадка и уходъ за деревьями лежали на обязанности нижнихъ чиновъ.

Общественные запасы сѣна. Въ дополненіе къ рубрикѣ о хозяйственно-бытовой сторонѣ киргизской жизни, мнѣ нужно бы сказать нѣсколько словъ о заведенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ области общественныхъ запасахъ сѣна. Какъ средство, страхующее киргизскія стада отъ «джута», падежа во время зимней безкормицы, общественные запасы сѣна дѣло чрезвычайно полезное; но эта польза возможна только тогда, когда процентъ ежегоднаго сбора въ общественный запасъ будетъ пропорціоналенъ количеству накашиваемаго каждымъ сѣна, и когда раздача его зимою будетъ не произвольна, не зависѣть отъ волостныхъ управителей, а обусловится мѣрою дѣйствительной потребности каждаго.

Покуда я ограничусь этимъ общимъ замѣчаніемъ, основаннымъ, однако, на нѣкоторыхъ собранныхъ мною свѣдѣніяхъ. Впослѣдствіи же, ознакомившись въ надлежащей надобности съ порядкомъ сбора и раздачи общественнаго сѣна, я предложу уѣзднымъ начальникамъ, конечно по совѣщаніи съ ними, организовать это дѣло на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

II.

Политико-административная сторона киргизской жизни.

Очеркъ прошлаго. Киргизскій народъ сложился въ государственныя формы всего около 1465 года, когда отъ узбековъ бѣжали въ степь со своими приверженцами Гирей и Джаныбекъ, два брата, происходившіе отъ Джучія сына Чингизъ-Хана. Впослѣдствіи, около XVII столѣтія, киргизы раздѣлились на три орды, изъ которыхъ Малая и Средняя были приняты въ русское подданство Анной Іоанновной 10 іюня 1734 года. Это подданство въ началѣ было чисто номинальное, въ дѣйствительности же киргизы продолжали управляться ханами изъ рода Абулхаира (въ Малой Ордѣ) и рода Аблая (въ Средней Ордѣ), которые дѣйствовали какъ совершенно независимые властители. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе утраты ханами своего значенія у киргизскаго народа и непрерывныхъ смутъ и безпорядковъ въ ордахъ, русская власть заняла въ степи активное положеніе. Когда же безпомощность и безсиліе хановъ стали вредными, они были низложены и Оренбургская степь раздѣлена на три части, которыя подчинены султанамъ-правителямъ, назначаемымъ русскою властью. Сибирская степь, по смерти послѣдняго ея хана Вали-Хана, съ согласія родоначальниковъ, была раздѣлена графомъ Сперанскимъ на пять округовъ, подвѣдом-

ственныхъ приказамъ, которые состояли изъ старшаго султана, избиравшагося народомъ, и пяти засѣдателей-чиновниковъ.

Между 1845 и 1847 годами въ составъ Имперіи включена и Большая Орда, которая, подъ высшимъ управленіемъ особаго пристава, сохранила свое прежнее устройство.

Въ 1866 году правительство отправило въ степь особую комиссію, составленную изъ представителей отъ разныхъ министерствъ, для изслѣдованія киргизской жизни и опредѣленія новыхъ началъ по ея управленію. Обѣзжая степь, мы не могли не обратить вниманія на то обстоятельство, что авторитетъ султановъ былъ подорванъ въ народѣ и что они не могли быть болѣе надлежащими правительственными органами. Киргизы ихъ терпѣли потому только, что за султанами виднѣлась русская власть, которую они компрометировали и своимъ безсиліемъ и своими злоупотребленіями. Потому въ «Положеніи», нынѣ дѣйствующемъ, ихъ власть была уничтожена, всѣ же степи Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомствъ раздѣлены на четыре области, по четыре уѣзда въ каждомъ. Во главѣ уѣздовъ были поставлены начальники уѣздовъ, облеченные довольно значительными правами, съ двумя помощниками, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ назначаться изъ туземцевъ. Уѣзды раздѣлены на неопредѣленное число волостей отъ тысячи до двухъ тысячъ кибитокъ въ каждомъ, а послѣднія—на аулы въ сто или двѣсти кибитокъ. Волостныхъ управителей и аульныхъ старшинъ предположено назначать по выбору народа. Въ основаніе новаго «Положенія» было положено уравниеніе правъ всѣхъ киргизовъ безъ исключенія.

Мѣстное управленіе. Первый вопросъ, который представлялся органу русской власти при введеніи въ дѣй-

ствіе новыхъ законовъ, конечно, заключался въ опредѣленіи мѣръ къ обезпеченію правительства надежными мѣстными органами, особенно волостными управителями.

При введеніи реформы, т. е. девять лѣтъ тому назадъ, людямъ, недостаточно хорошо изучившимъ киргизскую степь, не могло казаться яснымъ, что выборы будутъ благонадежны въ политическомъ отношеніи. Они могли думать, что, наоборотъ, выборы обнаружатъ стремленіе къ оппозиціи русскому господству въ степи. Этимъ, какъ кажется, можно объяснить себѣ причины, побудившія уѣздныя власти къ вмѣшательству въ направиленіе киргизскихъ выборовъ.

Съ тѣхъ поръ прошло три избирательныхъ періода и прошло недаромъ. Мы убѣдились въ полнѣйшей политической благонадежности киргизовъ, мы узнали, что среди этого добраго и очень способнаго народа при настоящихъ условіяхъ невозможна серьезная антирусская партія. Факты намъ доказали, что такъ называемые степные безпорядки не болѣе какъ результатъ недоумѣній съ одной стороны и неумѣлости съ другой. Все это для актива. Пассивъ составилъ изъ массы фактовъ, доказавшихъ, что киргизы въ своихъ отношеніяхъ къ русскимъ властямъ почти всегда какъ то неловко хитрятъ и подѣтски обманываютъ, но что ихъ невинные обманы имѣютъ своею причиною либо мелкіе личные интересы, либо недовѣріе къ нѣкоторымъ органамъ русской власти, либо, наконецъ, опасеніе, что наше правительство имѣетъ намѣреніе запретить киргизамъ кочевать, желаетъ обратить ихъ въ христіанство и принудить отбывать воинскую повинность, съ угономъ рекрутъ внутрь Имперіи.

Я полагаю, что основаніе этимъ наивнымъ опасеніямъ нужно искать въ безосновательной болтовнѣ тѣхъ людей, которые служатъ въ степной администраціи, а потому, можетъ быть, принимаютъ свои личныя мнѣнія

за правительственную точку зрѣнія. Нелѣпые слухи, пущенные этими людьми, попали на такую дѣтски-воспріимчивую почву, какъ киргизскіе аулы, въ которыхъ, къ довершенію всего, слово чиновникъ выражаетъ не то, что оно есть на самомъ дѣлѣ, а представляетъ понятіе равносильное съ идеею высшей власти. Потому эти слухи стали пріобрѣтать въ глазахъ киргизовъ опасное вѣроятіе и внесли на время смуту и безпокойство въ аулы.

Во всякомъ случаѣ изъ опыта трехъ избирательныхъ періодовъ можно вывести слѣдующія заключенія: 1) киргизы оказались болѣе благонадежными, чѣмъ даже можно было предположить. 2) Признаки безпокойствъ и опасеній, выражаемыхъ по преимуществу въ предѣлахъ полной законности, зависѣли отъ испуга, чтобы русскія власти не вздумали предпринять какую-либо радикальную ломку въ степяхъ. 3) Всякій киргизъ, выбранный въ волостные управители, исполнялъ свои обязанности довольно плохо не по недостатку, впрочемъ, охоты нести «киземетъ», службу, а отъ другихъ причинъ, въ которыхъ, какъ сказано ниже, виновата русская администрація. 4) Всѣхъ волостныхъ управителей можно укорить не въ отчужденіи отъ правительства, а въ излишней готовности утратить благонамѣренное усердіе. 5) Опираясь на нѣкоторыя особенныя обстоятельства, волостные управители дозволяли себѣ злоупотребленія, произволъ, а иногда и насилія. 6) Множество жалобъ, поданныхъ киргизами на дѣйствія своихъ волостныхъ управителей, имѣетъ часто очевидное основаніе. Особенно кажутся вѣрными жалобы на тѣхъ волостныхъ управителей, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, считаютъ себя поддержанными русскою администраціею.

Полезно или не полезно вліять на выборы киргизами своихъ волостныхъ управителей?

Объ административномъ вмѣшательствѣ въ выборы киргизами волостныхъ управителей. Какъ извѣстно, законъ обезпечилъ киргизамъ свободу выборовъ, предоставивъ военному губернатору право кассации и утвержденія кандидатовъ на должность волостныхъ. Здѣсь рѣчь идетъ, впрочемъ, не о всѣмъ извѣстномъ законѣ, а о мотивахъ, вызвавшихъ отклоненіе отъ него, такъ какъ уѣздная администрація, въ большинствѣ случаевъ, выставляетъ своихъ кандидатовъ на должность волостныхъ и прямо или косвенно содѣйствуетъ къ ихъ избранію.

Нельзя отвергать натуральность того обстоятельства, что уѣздные начальники отличаютъ расторопныхъ и усердныхъ киргизовъ отъ неловкихъ, смотряшихъ волками, и что, съ теченіемъ времени, это можетъ обратиться въ симпатіи и антипатіи. Я не хочу этимъ сказать, чтобы приведенныя чувства были безошибочно вѣрны. Нѣтъ, потому что они могутъ, до нѣкоторой степени, складываться подъ вліяніемъ проницательства, ловкости и угодливости, не всегда еще характеризующихъ честныхъ и надежныхъ людей. Я хочу только сказать, что подобныя чувства натуральны, почему и понятно желаніе мѣстнаго начальства выдвинуть впередъ тѣхъ киргизовъ, которые предполагаются наиболѣе надежными и дѣльными.

Но что затѣмъ выходитъ? Допустимъ, что киргизъ, выбранный подъ вліяніемъ уѣзднаго начальника волостнымъ управителемъ, дѣйствительно былъ хорошимъ человекомъ, но самый фактъ не исполнѣ законнаго избранія его, не поставитъ ли, съ перваго раза, въ фальшивое положеніе и уѣзднаго начальника и самого избраннаго?

Избранный такимъ порядкомъ волостной управитель сейчасъ же пойметъ, что онъ свободенъ отъ всякой нравственной отвѣтственности передъ своими избирателями. Съ тою же ясностью станетъ понятно всѣмъ, что,

фактомъ рекомендаціи кого-либо на должность волостного, уѣздный начальникъ сталъ къ нему ближе, чѣмъ къ совершенно свободно выбранному волостному, и что этотъ начальникъ, отвѣтственный передъ начальствомъ и народомъ за дѣйствія рекомендованнаго имъ чело-вѣка, поддержитъ его въ случаѣ нужды болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Съ другой стороны и киргизамъ неловко жаловаться на притѣсненія волостного, поддержаннаго уѣзднымъ начальникомъ, потому что это значитъ жаловаться на него самого. Нравоученіе для волостного управителя изъ всего этого понятно: нѣтъ никакихъ особенныхъ побужденій обращать вниманіе на народъ и на его справедливыя требованія. Не онъ выбралъ его и не онъ смѣститъ при новыхъ выборахъ. Это зависитъ отъ уѣзднаго начальника, почему нужно *служить ему одному*, быть ему пріятнымъ, казаться передовымъ, находить, что всѣ предположенія русскаго начальства суть точное и вѣрное выраженіе киргизскихъ нуждъ; если же есть люди, выражающіе сомнѣніе въ полезности намѣреній администраціи, то это не болѣе какъ безпокойныя головы.

Если бы всего этого и не случилось, то, при врожденномъ азіатцу лукавствѣ, навѣрно могло случиться, а слѣдовательно могло быть и предусмотрено.

Такое зло еще можетъ быть терпимымъ подъ давленіемъ высшихъ политическихъ потребностей, напри-мѣръ, если бы мы не могли разсчитывать на благонадежность киргизовъ или если бы правительство принуждено было поддерживать порядокъ въ степи, опираясь на малочисленную партію. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго. Всякій киргизъ *безъ исключенія* можетъ стать условно благонадежнымъ волостнымъ, потому что при малѣйшемъ вниманіи начальства, какъ это хорошо извѣстно, ему кажется, что всѣ остальные киргизы подчинены ему, на себя же самого онъ начи-

насть смотрѣть какъ на правительственный органъ, какъ на чиновника. Разсуждая объ этомъ, повидимому не особенно важномъ предметѣ, приходишь невольно къ мысли, что вмѣшательство уѣздной администраціи въ выборы компрометируетъ многое, что дѣлаетъ или предполагаетъ дѣлать въ степи русская власть.

Извѣстно, что киргизы трудно понимаютъ предѣлы своихъ обязанностей и правъ и еще туже сознаютъ гдѣ начинается злоупотребленіе власти. Это зависитъ отъ того, что киргизская степь вошла въ составъ Имперіи въ томъ переходномъ періодѣ, когда политическая организациа не совсѣмъ еще поборолъ патріархальный строй, а государственная власть—власть патріарха и родоначальника. Прежде подати хану заключались въ подаркахъ, ему подносимыхъ, и во всемъ томъ, что ему заблагоразсудилось брать. Это было право хана, перешедшее къ нему отъ родительской власти и освященное всеобщимъ сознаніемъ. Такое сознаніе частію существуетъ и теперь въ степяхъ. Начальникъ, по мнѣнію киргиза, какъ отецъ въ семьѣ, есть полновластный распорядитель всего, касающагося его подчиненнаго. До извѣстной грани онъ можетъ все себѣ позволить, все сдѣлать, лишь бы не чрезмѣрно обижать своего подчиненнаго. Онъ можетъ взять лошадь въ его табунѣ, съѣсть со своею свитою нѣсколько барановъ, ѣздить на чужихъ лошадяхъ. Это его право, которое, однако, начинаетъ понемногу оспариваться киргизами, живущими вблизи русскихъ поселеній. Волостные управители пользуются остатками этого права, причемъ они берутъ не взятки, а изстари освященный обычай «кунъ-агасы».

Человѣку терпѣливому и понимающему, какъ трудно измѣняются исторически укоренившіеся обычаи, этотъ порядокъ вещей покажется условно нормальнымъ и не заслуживающимъ серьезнаго вниманія *до тѣхъ поръ только, пока не явилась жалоба*; но если есть жалоба,

т. е. сознание, что дѣйствіе волостного незаконно, она должна быть удовлетворена.

Изъ всего изложеннаго въ настоящей запискѣ будетъ видно, что волостые управители, пользуясь многими обстоятельствами, успѣли сосредоточить въ своихъ рукахъ, кромѣ административной власти, власть судебную и финансовую. Они даже приобрѣли самое полное значеніе при рѣшеніи поземельныхъ дѣлъ. Потому волостные управители выражаютъ силу, которую за ними никогда не признавалъ законъ. Почти все то, что прежде дѣлалось въ степи ханами въ широкомъ масштабѣ, а султанами—въ меньшемъ, теперь, еще въ меньшей степени дѣлается волостными управителями. При этомъ волостной дѣйствуетъ не насиліемъ, какъ прежде, а во имя непонятныхъ киргизамъ требованій русскихъ законовъ и властей. То обстоятельство, что волостной управитель прячетъ свой произволъ за никому неизвѣстный въ степи законъ, есть чрезвычайно отрадный признакъ. Значитъ приходитъ уже время, когда киргизское сознание, не довольствуясь смутнымъ понятіемъ о безграничныхъ правахъ начальника, признаетъ справедливымъ только дѣйствія, основанныя на законѣ. Поддержатъ проявляющееся у киргизовъ чувство правды, защитить послѣднее со всею энергіею людей, сознающихъ, что это-то и есть пробужденіе отъ вѣковѣчнаго азіатскаго сна—вотъ обязанность европейской власти и призваніе настоящаго цивилизатора.

Но гдѣ же у уѣзднаго начальника необходимыя для того средства?

По мѣрѣ того, какъ въ области водворялся обычай рекомендовать избирателямъ волостныхъ управителей изъ числа киргизъ, пріятныхъ нашей администрации, власть уѣздныхъ начальниковъ, въ предполагаемомъ законѣ объемѣ и свойствѣ, ускользала изъ ихъ рукъ. Онъ становился сюзереномъ, покровителемъ своего

уѣзда, высшимъ опекуномъ подчиненныхъ ему киргизовъ, дѣйствительными хозяевами которыхъ сдѣлались волостные управители. Вѣрно или невѣрно, но киргизы стали думать, что въ уѣздномъ начальникѣ они не всегда найдутъ безпристрастнаго судью относительно волостного, выбору котораго содѣйствовала администрація, а что послѣдній тѣмъ наглѣе можетъ обогащаться на счетъ выбравшаго его народа. Вѣроятно на этомъ основаніи киргизы стали обращаться со своими жалобами къ губернатору и генералъ-губернатору, прося ихъ непосредственно разбирать претензіи на волостныхъ, будто бы поддерживаемыхъ уѣздною администраціею и будто имѣющихъ возможность притѣснять своихъ враговъ и оппозиціонную партію.

Спѣшу оговориться, что, приводя эти факты, я не желаю намекать будто бы въ степи лучше имѣть на мѣстахъ волостныхъ русскихъ чиновниковъ. Это едва ли возможно и, во всякомъ случаѣ, вредно, потому что тогда существующая неурядица замѣнилась бы худшею, зависящею отъ бюрократическаго вмѣшательства въ непонятныя намъ детали кочевой жизни. Я полагаю, что, наоборотъ, зло происходитъ отъ замѣщенія должностей волостныхъ управителей именно несовершенно свободно выбранными киргизами.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести заключеніе, что, при отсутствіи свободы на выборахъ, отвѣтственность волостныхъ становится мало дѣйствительною, что администрація теряетъ надлежащее безпристрастіе въ оцѣнкѣ ихъ дѣйствій относительно народа и что русская власть компрометируетъ себя близостью съ людьми, того не заслуживающими.

Потому я полагаю необходимымъ, чтобы уѣздные начальники ни прямо, ни косвенно не вліяли бы на выборы, предоставивъ киргизамъ полную свободу выбирать волостными управителями кого они хотятъ. У насъ же

въ рукахъ останется право кассачи, которое въ нужныхъ случаяхъ можетъ быть употреблено противъ лицъ, не могущихъ занимать должность, на которую они выбраны.

О невмѣшательствѣ въ выборы киргизами волостныхъ управителей. Всякая мѣра, какъ бы она ни была полезна большинству и вѣрна въ общемъ, въ частности можетъ имѣть дурныя стороны, даже быть вредною интересамъ нѣкоторыхъ. Потому необходимо посмотрѣть на невыгодныя стороны рекомендуемой мною программы дѣйствій.

Вникая въ причины, по которымъ могла нарушаться свобода киргизскихъ выборовъ, и соображая, что между киргизами и уѣздными начальниками не можетъ быть ни родства, ни связей, ни общихъ интересовъ, нельзя думать, чтобы дѣйствія въ этомъ случаѣ уѣздныхъ начальниковъ не имѣли въ своемъ основаніи самыхъ лучшихъ намѣреній. Вѣроятно, дѣло начинается съ желанія дать хорошему киргизу возможность быть полезнымъ. Затѣмъ являются искательства и просьбы съ одной стороны, обѣщанія съ другой. Потомъ въ дѣло вмѣшивается уже самолюбіе и свободы выборовъ не существуетъ, какъ не существуетъ и отвѣтственности волостныхъ управителей.

Вторая серія побужденій, заставляющихъ вліять на выборы, болѣе серьезна, при свободѣ выборовъ могутъ выступить на первый планъ подкупы, существующіе и теперь повсемѣстно, но не въ особенно значительныхъ размѣрахъ. Вообще говоря, подкупы играютъ замѣтную роль при всякихъ выборахъ и почти у всѣхъ народовъ. Противъ этого зла нужно бороться всѣми средствами, но уничтожить ихъ совершенно едва ли возможно. Впрочемъ я думаю, что ихъ можно уменьшить до послѣдней степени. Средства для того заключаются въ

ограниченіи произвола волостныхъ управителей, въ уничтоженіи ихъ незаконнаго вліянія на суды, въ искорененіи поборовъ, дѣлаемыхъ будто бы для общественныхъ надобностей и въ устраненіи ихъ отъ всякаго вмѣшательства въ споры и рѣшенія по поземельнымъ дѣламъ. Думаю, что тогда станетъ невыгодно платить большія суммы за мѣсто волостного.

Во всякомъ же случаѣ будетъ утѣшительно хоть то, что, при вмѣшательствѣ въ выборы, киргизы станутъ подкупать киргизовъ же и что русское имя будетъ тутъ не причемъ. Теперь же нельзя этого сказать, такъ какъ лица, рекомендованныя уѣздною администраціею, всетаки угощаютъ избирателей, раздаютъ имъ деньги, вещи и обѣщанія.

Затѣмъ, при невмѣшательствѣ въ выборы, волостнымъ управителемъ можетъ сдѣлаться человѣкъ не вполне извѣстный администрации. По необходимости его придется изучать во время самага отправленія обязанностей, за нимъ нужно будетъ слѣдить, его дѣйствія повѣрять. Это безпокойно, а иногда будетъ и трудно. Но я полагаю полезнымъ для дѣла, чтобы уѣздные начальники именно и стояли въ такихъ отношеніяхъ къ волостнымъ управителямъ, т. е. *въ отношеніяхъ начальника, всегда озабоченнаго дѣйствіями своего подчиненнаго*. Этотъ необходимый контроль, какъ сказано выше, едвали можетъ быть дѣйствителенъ въ случаѣ избранія волостного подъ вліяніемъ уѣздной администрации; при свободныхъ же выборахъ волостной управитель станетъ въ надлежащія рамки, а начальникъ уѣзда, дѣйствуя вполне независимо, будетъ ревниво слѣдить за злоупотребленіями и превышеніями власти, т. е. станетъ естественнымъ охранителемъ правъ отдѣльныхъ лицъ.

То же самое можно сказать, если на должность волостного будетъ избранъ человѣкъ ограниченный или такой, который не сможетъ или не захочетъ исполнять

свою должность надлежащимъ образомъ. Подмѣтитъ эти недостатки съ тѣмъ, чтобы ходатайствовать о смѣнѣ волостного, уѣздному начальнику будетъ легче, если онъ свободенъ въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Гораздо основательнѣе будетъ опасеніе, что, пользуясь полною свободою выборовъ, на сцену выступятъ честолюбцы и интриганы, которые станутъ дѣйствовать на грубые инстинкты и страсти киргизовъ. Такое положеніе дѣлъ можетъ сдѣлаться даже затруднительнымъ, если уѣздный начальникъ возбудитъ противъ себя не-удовольствіе. Тогда въ волостные управители могутъ избираться киргизы не совершенно благонадежные въ какомъ-либо отношеніи и, слѣдовательно, придется, по необходимости, кассировать выборы. Если же и затѣмъ будетъ замѣтно упорство въ выборахъ, то придется либо повліять на выборы, т. е. сдѣлать по нуждѣ то, что теперь практикуется безъ настоящей надобности, либо удалить уѣзднаго начальника.

Уѣздные начальники обязаны имѣть вліяніе на киргизовъ своего уѣзда. Здѣсь у мѣста будетъ сказать, что высшимъ недостаткомъ уѣзднаго начальника нужно считать его неумѣнье подчинить киргизовъ своей волѣ и своему вліянію.

Я знаю достаточно близко степи, чтобы выразить мнѣніе, что русскій чиновникъ, не пользующійся среди киргизовъ довѣріемъ, либо неизвѣстенъ имъ, либо не заботится объ ихъ судьбѣ, либо не хочетъ изучить особенности киргизской жизни, либо, наконецъ, злоупотребляетъ своимъ положеніемъ. Между тѣмъ, управлять киргизами надлежащимъ образомъ едва ли возможно, если они не считаютъ своего начальника справедливымъ, заботливымъ и знающимъ человѣкомъ.

Достаточное личное вліяніе на киргизовъ даетъ начальнику необходимую увѣренность, дѣлаетъ его истин-

нымъ хозяиномъ уѣзда, упрощаетъ административные приемы по управленію и ставитъ его въ курсъ всего, что дѣлается или чувствуется народомъ. Если уѣздный начальникъ пользуется необходимымъ вліяніемъ, всякая ошибка или злоупотребленія служащихъ лицъ становятся ему не только извѣстными, но и легко поправимыми. Наоборотъ, отсутствіе вліянія отнимаетъ у начальника уѣзда инициативу по управленію, скрываетъ отъ него внутреннюю жизнь ауловъ, при чемъ киргизы обособляются, сторонятся отъ русской власти и группируются около какого-нибудь вліятельнаго своего соотечественника. Тогда центръ тяжести по управленію киргизами ускользаетъ отъ правительства и попадаетъ въ другія, не отвѣтственные руки.

Мнѣ пришлось слышать отъ киргизовъ о томъ чрезвычайномъ довѣріи, которымъ пользовался въ степяхъ управлявшій Сыръ-дарьинскими киргизами, къ сожалѣнію рано умершій, Бонча-Осмоловскій. За разборомъ сложныхъ спорныхъ дѣлъ къ нему, въ фортъ Перовскій, пріѣзжали киргизы изъ Хивы и Бухары и рѣшенія, даже совѣты Осмоловскаго принимались къ исполненію покорно, безапелляціонно, окончательно. Это зависѣло отъ того, что, рядомъ съ умомъ и образованіемъ, онъ обладалъ огромными свѣдѣніями о всѣхъ сторонахъ кочевой жизни, особенно о киргизскомъ обычномъ правѣ. Я могъ бы также указать на начальника Тургайскаго уѣзда, полковника Яковлева, вліяніе котораго на киргизовъ извѣстно въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства.

Конечно, для подобныхъ вліяній нужны либо исключительныя способности Бонча-Осмоловскаго, либо долготѣнная, уважаемая служба и теплое участіе къ киргизамъ Я. П. Яковлева, тѣмъ не менѣе я былъ бы въ состояніи привести множество примѣровъ, подтверждающихъ мысль, что начальникъ заботливый, честный, от-

носящійся къ киргизской жизни не свысока, а снисходящій до терпѣливаго выслушиванія самыхъ ничтожныхъ жалобъ, такой начальникъ пріобрѣтаетъ въ степяхъ большое вліяніе. Непривычные къ дѣйствительному превосходству, въ особенности, если оно выражается въ формахъ доступныхъ и простыхъ, киргизы подчиняются ему легко и съ дѣтскою готовностью. Уважаемаго русскаго чловѣка они немедленно облачаютъ широкою властью патріарха, не обращая вниманія на то, занимаетъ ли онъ высокій постъ или вовсе не состоитъ въ администраціи. Они обращаются къ нему со всѣми своими нуждами и ему часто приходится рѣшать дѣла въ качествѣ третейскаго судьи, мирить ссорящихся, останавливать разыгрывающуюся баранту, разбирать семейныя дѣла и т. д.; обратно: я не видѣлъ въ степи серьезнаго, дѣятельнаго и хорошаго чиновника, который не пользовался бы у киргизовъ твердо установившеюся репутаціею.

Понятно, что изъ этого нельзя вывести другого заключенія, кромѣ того, что уѣздные начальники *обязаны* пользоваться у киргизовъ довѣріемъ и имѣть на нихъ вліяніе. Они должны пріобрѣсти довѣріе и вліяніе и ради возвышенія въ степи русской власти, и ради выгодъ самихъ киргизовъ. Вліяніе одного благонамѣреннаго и умнаго уѣзднаго начальника полезнѣе для подчиненныхъ ему киргизовъ совокупныхъ усилій всѣхъ остальныхъ органовъ областной администраціи.

Объ избраніи пятидесятниковъ. По закону, волостные управители избираются съѣздомъ волостныхъ выборныхъ, которые, въ свою очередь избираются по одному отъ каждаыхъ пятидесяти кибитокъ. Сколько мнѣ извѣстно, пятидесятники на практикѣ если и выбираются, то подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстной киргизской администраціи, а иногда, какъ говорятъ киргизы,

просто «назначаются» волостными управителями и аульными старшинами.

Понятно, что для огражденія свободы выборовъ въ волостные необходимо прежде всего тщательно организовать избраніе пятидесятниковъ и устранить всякое въ этомъ случаѣ вмѣшательство мѣстныхъ киргизскихъ властей.

Недавно назначенный военнымъ губернаторомъ области, я не далъ уѣзднымъ начальникамъ указаній по этому поводу, потому что не успѣлъ еще ознакомиться надлежащимъ образомъ съ мѣстными условіями. Хотя съ 1878 годомъ наступаетъ новый избирательный періодъ и хотя мнѣ совершенно ясно, что правильность выборовъ въ волостные управители зависитъ въ большей степени отъ надлежащаго избранія пятидесятниковъ, тѣмъ не менѣе, изъ опасенія невольныхъ ошибокъ, я рѣшился неизмѣнять существовавшіе до сихъ поръ порядки.

Такимъ образомъ настоящіе выборы вѣроятно будутъ произведены подъ нѣкоторымъ административнымъ вліяніемъ, потому-то именно я и считалъ необходимымъ выразить все сказанное выше.

Управление киргизами, прикочевывающими изъ другихъ областей. Помимо неточнаго примѣненія важнаго закона о выборахъ, я могъ бы указать и на другія ошибки, допускаемая здѣшнею практикою, какъ вещи вполне нормальныя. Существуютъ даже важные законы, вовсе неисполняемые тургайскою администраціею. Какъ на примѣръ я могъ бы указать на полное неподчиненіе мѣстнымъ властямъ киргизовъ, ежегодно прикочевывающихъ въ область изъ Уральской и Сыръ-дарьинской областей, почему эти киргизы пользуются правами невмѣняемости по всему, что имъ заблагоразсудится сдѣлать.

Съ наступленіемъ весны часть сѣверныхъ киргизовъ Тургайской области поднимается со своихъ зимовыхъ стойбищъ и отгоняетъ стада на далекое разстояніе, а другая часть остается при своихъ зимовкахъ для распашки земель. Тѣмъ временемъ подкочевываютъ южные киргизы не только Тургайской, но Уральской и Сырдарьинской областей, которые, подвигаясь вмѣстѣ съ весною, направляются на сѣверъ, главнымъ образомъ, въ Илецкій и Николаевскій уѣзды.

Въ Илецкій уѣздъ прикочевываютъ киргизы Иргизскаго уѣзда Тургайской области, Эмбинскаго, Калмыковскаго, Уральскаго и Гурьевскаго уѣздовъ Уральской области и четыре волости Казалинскаго уѣзда Туркестанскаго генераль-губернаторства. Въ Николаевскій уѣздъ прикочевываютъ киргизы Тургайскаго и частью Иргизскаго уѣзда Тургайской области и Перовскаго уѣзда Туркестанскаго края.

Иргизскіе киргизы съ ранней весны поднимаются съ песковъ Барсуки, сѣверо-западныхъ береговъ Аральскаго моря и другихъ мѣстъ, гдѣ находятся ихъ зимовыя стойбища, и начинаютъ подвигаться на сѣверъ. Немного ранѣе ихъ трогаются съ зимовокъ Эмбинскіе киргизы съ Эмбы, Усть-Урта и съ мѣстъ, лежащихъ между ними; Калмыковскіе—съ Уила и Урала, Гурьевскіе—съ Усть-Урта, нижней Эмбы и береговъ Каспійскаго моря и всѣ направляются въ Илецкій уѣздъ. Самое лѣтованіе производится: Иргизскими киргизами по системамъ рѣкъ Илека и Ори, а остальными по системамъ Илека, Хобды и Урала. Казалинскіе киргизы идутъ со своими стадами съ низовьевъ Сыра и береговъ Аральскаго моря по меридіану, пересѣкающему по срединѣ Иргизскій уѣздъ. Изъ нихъ значительная часть докочевываетъ только до сѣверной его части, а остальная—проходитъ весь Илецкій уѣздъ до самой Сибири.

Перовскіе киргизы идутъ съ Сырдарьи, черезъ

пески Кара-Кумъ, по южной и западной части Тургайскаго уѣзда и восточной Иргизскаго, въ Николаевскій уѣздъ, гдѣ нѣкоторые аулы доходятъ почти до Троицка.

Докачавши до сравнительно плодоносныхъ странъ, южные киргизы начинаютъ двигаться медленно, откармливая свои стада на богатыхъ тебеневочныхъ мѣстахъ сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской области. Особенно густо скучиваются лѣтомъ аулы въ Илецкомъ уѣздѣ. Изъ числа приблизительно 45.000 кибитокъ, прикочевывающихъ въ этотъ уѣздъ ежегодно, свыше 75% всего количества сталпливается въ пространствѣ между Орью, Илекомъ и Ураломъ.

Сгущенное кочеваніе въ Илецкомъ и Николаевскомъ уѣздахъ ведетъ къ довольно частымъ столкновеніямъ, ссорамъ и дракамъ за пастьбу и водопой. Едва ли еще не чаще происходятъ потравы луговъ и пашень на зимовыхъ стойбищахъ, принадлежащихъ Илецкимъ и Николаевскимъ киргизамъ. Когда же наступаетъ время осенняго откочеванія на югъ, уходящіе аулы угоняютъ съ собой ежегодно много скота у киргизовъ этихъ двухъ уѣздовъ. Потравы и кражи чаще всего производятся киргизами, прикочевывающими изъ другихъ областей, особенно Эмбинскими, Калмыковскими и Гурьевскими.

Въ такомъ ненормальномъ положеніи вещей виновата, безъ всякаго сомнѣнія, администрація Илецкаго и Николаевскаго уѣздовъ.

. Согласно § 91 «Положенія», киргизы, переходящіе во время лѣтняго кочеванія изъ одной области въ другую, подчиняются, въ полицейскомъ отношеніи, властямъ, дѣйствующимъ въ мѣстахъ кочеванія; такимъ образомъ уѣздные начальники обязаны принимать всѣ закономъ допущенныя мѣры къ пресѣченію произвола прикочевывающихъ съ юга киргизовъ. Дѣйствительныя

къ тому средства заключаются не въ однихъ только карательныхъ мѣрахъ, но и въ установленіи на кочевьяхъ такого порядка, который *предупреждалъ бы* безпорядки. Для достиженія этой цѣли не было принято никакихъ мѣръ. Такая бездѣтельность приучила киргизовъ, являющихся въ Тургайскую область изъ другихъ областей, къ мысли, что они вовсе не подчинены мѣстной администраціи. Какъ видно изъ документовъ, пришлецы съ юга высказывали даже это, когда замѣчали робкія попытки къ ихъ обузданію. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать согласно закона, уѣздные начальники вступали въ бесполезную и бесплодную переписку съ начальствомъ прикочевывающихъ киргизъ; доказывали, что имѣютъ надъ ними полицейскую власть и, по полученіи несогласія съ своимъ мнѣніемъ, предоставляли пришлецовъ на произволъ судьбы. Такой способъ дѣйствій былъ тѣмъ болѣе страненъ, что ссылка киргиза другой области на свою исключительную подчиненность непосредственному начальству, живущему за тысячу и болѣе верстъ, до очевидности ясно доказывало его желаніе оставаться безнаказаннымъ за совершенное имъ нарушеніе порядка. По откочеваніи такого киргиза возбуждалось переписка, которая если и оканчивалась чѣмъ нибудь, то не ранѣе какъ черезъ два или три года. По мѣрѣ того какъ безнаказанность становилась обыкновенною, смѣлость воровъ и другихъ нарушителей правъ увеличилась въ такой степени, что осенью, передъ откочеваніемъ южныхъ киргизовъ, Илецкіе киргизы теперь принуждены бываютъ охранять свои стада *вооруженными*.

Въ очень многихъ случаяхъ къ незаконнымъ дѣйствіямъ киргизовъ можно относиться снисходительно, но если непризнаніе чужихъ правъ возведено въ систему, если кражи, потравы и прочее дѣлаются на основаніи расчета на безнаказанность,—положить конецъ

подобному положенію дѣлѣ нужно съ самою непреклонною энергією.

Не скрою отъ уѣздныхъ начальниковъ, что имъ будетъ трудно поправить въ одно лѣто то, что они запускали въ теченіе девяти лѣтъ. Теперь имъ придется обуздывать укоренившееся своеволие прикочевывающихъ киргизовъ, призвавъ на помощь въ одно и то же время тактъ и настойчивость, уступчивость, гдѣ она нужна, и рѣшительныя мѣры. Прибѣгать, впрочемъ, къ послѣднимъ я совѣтовалъ бы только въ самомъ крайнемъ случаѣ; но если, по сознанію уѣздныхъ начальниковъ, онѣ окажутся безусловно нужными, то прошу не останавливаться на полдорогѣ. Напримѣръ: если неповиновеніе приметъ характеръ настойчивый, то виновныхъ можно предавать военному суду, примѣняясь къ смыслу § 95 «Положенія».

Я не могу указать уѣзднымъ начальникамъ, какъ имъ поступать во всякомъ данномъ случаѣ; полагаю только, что подчиненіе прикочевывающихъ киргизовъ можетъ быть достигнуто никакъ не перепискою, а удержаніемъ въ ихъ аулахъ той же отвѣтственной административной организаціи, которая существуетъ у нихъ на зимовкахъ. До сихъ поръ же было, что въ аулахъ, вкочевывающихъ въ предѣлы Тургайской области, волостные управители, аульные старшины и бѣи переставали дѣйствовать и являющіеся сюда киргизы представляли толпу, лишенную властей и отвѣтственныхъ органовъ.

Во всякомъ случаѣ я требую, чтобы порядокъ на лѣтовкахъ былъ восстановленъ во что бы то ни стало и чтобы киргизы, прикочевывающіе изъ другихъ областей, находились за время своего пребыванія въ Тургайской области въ тѣхъ же отношеніяхъ къ уѣзднымъ начальникамъ, въ какихъ къ нимъ находятся зимующіе здѣсь киргизы. Ближайшія для того указанія находятся во «Временной Инструкціи».

Султанскіе семьи и роды. Къ числу административныхъ вопросовъ, представляющихся въ Тургайской области гадательными и нерѣшенными окончательно, необходимо отнести вопросъ о томъ, какъ нужно смотрѣть на султанскіе роды, со введеніемъ «Положенія» потерявшіе привилегію на управленіе киргизами.

Сколько я могъ замѣтить, администрація Тургайской области колеблется назвать султановъ опасными, но не рѣшается признать ихъ и безвредными, по крайней мѣрѣ въ такой же степени, какъ и другихъ киргизовъ. Между тѣмъ на практикѣ нѣсколько разъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, считать ли султановъ неблагонадежными или относиться къ нимъ такъ же точно, какъ и къ остальнымъ киргизамъ.

Можно сказать какъ общее правило, что власть, потерявшая силу, теряетъ не только одну возможность управлять, но становится вредною какъ въ государственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Выбирающая власть всегда склонна къ злоупотребленіямъ, всегда хищна настолько же, насколько она слаба. Киргизскою степью управляли сначала ханы, бывшіе когда-то сильными и способными, а затѣмъ слабыми и кровожадными. Въ послѣднее время своего существованія, ханская власть охарактеризовала свою дѣятельность двумя отличительными чертами—произволомъ и насилиемъ. Когда мѣра терпѣнія киргизскаго народа переполнилась, ханы были замѣнены султанами (султанами-правителями въ Оренбургской степи и старшими султанами въ Сибирской). Султанская власть прошла также всѣ степени отъ силы и вліянія до полного безсилія, бездарности и неуваженія. Нынѣ дѣйствующее «Положеніе» уничтожило въ 1869 году власть султановъ и это удалось сдѣлать безъ всякихъ complicatій.

Такимъ образомъ исторія киргизовъ, до самаго послѣдняго времени, развивалась нормально и съ большею

послѣдовательностью. Ханы превратились въ султановъ, а послѣдніе обращены въ киргизовъ, пользующихся одинаковыми правами съ другими. Но это превращеніе уничтожило ли султанскія прерогативы на самомъ дѣлѣ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ отвѣчаетъ исторія, которая не представляетъ никакихъ скачковъ въ жизни народовъ.

Власть, потерявшая свои права, никогда не пропадала разомъ и не исчезала отъ одного переворота или распоряженія. Она обыкновенно расшатывалась постепенно и задолго до своего оффиціального паденія и послѣ того постепенно же сходила все ниже и ниже. Низвергнутый владѣтель превращается, въ своихъ потомкахъ, сначала въ претендента, потомъ въ лицо, за которымъ признаютъ исключительныя права, затѣмъ онъ примыкаетъ къ высшимъ привилегированнымъ сословіямъ и, наконецъ, долго спустя, смѣшивается окончательно съ народомъ. Такимъ образомъ власть, даже потерявъ права, долго сохраняетъ силу, несмотря на видимую свою обособленность отъ народа и отъ новыхъ его владыкъ и несмотря на нелюбовь къ ней людей, бывшихъ прежде ея подчиненными.

Остановить такой ходъ исторіи или ускорить его нельзя, хотя можно временно задержать неотразимое исчезновеніе власти, отжившей свое время. Эта задержка можетъ быть произведена либо искусственной поддержкой извнѣ, либо ненормальнымъ преслѣдованіемъ внутри страны тѣхъ лицъ, которыя имѣютъ извѣстныя историческія права. И то и другое, и поддержка и преслѣдованіе, въ одинаковой степени воскрешаютъ силу и значеніе претендентовъ; и то и другое вноситъ смуту въ народное сознаніе и заставляетъ сомнѣваться, дѣйствительно ли безповоротно и безвозвратно миновалось то прошлое, которое можетъ находить еще сочувствіе и поддержку или опасеніе и преслѣдованіе.

Если это вѣрно вездѣ, то вѣрно и для киргизовъ. Такъ оно дѣйствительно и есть въ Тургайской области; гдѣ султанскіе роды нелюбимы киргизами, но отличаются сами себя и отличаются другими, какъ не простые люди. Киргизская пословица говоритъ: «ханъ улы купрь балса басыпъ утпѣ», т. е. если изъ потомковъ хана сдѣлали хотя бы мостъ, то все-таки по немъ нельзя ходить.

Покровительство высшимъ сословіямъ въ Польшѣ и другихъ окраинахъ, какъ это не разъ доказано, имѣло въ политическомъ отношеніи неблагопріятныя послѣдствія. Во многихъ случаяхъ русской власти приходилось бороться съ лицами и сословіями, которыхъ значеніе было создано милостями нашихъ государей. Отсюда сложилось убѣжденіе, что на нашихъ окраинахъ полезно держаться народа и защищать его естественныя права противъ претензій и сословныхъ требованій привилегированныхъ классовъ. Эта точка зрѣнія, какъ доказано опытомъ, кажется самою справедливою и вѣрною, почему она всецѣло приложима и къ киргизской степи. Необходимо, однако, не забывать, что она потеряетъ свой высокій, исторически-вѣрный характеръ, какъ только будетъ утрироваться и слѣпымъ усердіемъ приводиться къ невѣрной крайности: къ притѣсненію султанскихъ родовъ или къ недружелюбному относительно ихъ взгляду со стороны администраціи.

Выше было сказано, что степь первоначально управлялась почти независимыми ханами, которые, постепенно теряя свое значеніе, были наконецъ низложены нашею властью. Послѣ того Оренбургская степь была раздѣлена на три части, которыя стали управляться *султанами* правителями, выбираемыми русскою властію по преимуществу изъ семейства Абулхайръ-хана.

Сибирская степь, со времени графа Сперанскаго, была раздѣлена на пять округовъ, которые управлялись

приказами, подъ предсѣдательствомъ старшаго султана, избиравшагося народомъ. Правомъ избранія по закону тогда пользовались: 1) совершеннолѣтнія лица султанскаго происхожденія, 2) волостные управители и 3) киргизы, имѣющіе чины и медали. При многочисленности родовъ, происходившихъ отъ Аблай-хана, выше приведенный законъ давалъ *султанамъ* возможность избирать старшихъ султановъ почти исключительно изъ своей среды.

Наконецъ, Большая Орда оставалась до 1869 года въ полномъ подчиненіи султановъ изъ рода Аблая.

При такомъ положеніи вещей, русская власть почти полтора вѣка ставила во главѣ степного управленія султановъ. Вообще говоря, султаны управляли киргизами дурно, но почти всегда крѣпко держались русской власти и послѣдняя отождествляла султанскихъ враговъ со своими непріятелями.

Со времени введенія въ дѣйствіе новаго «Положенія», киргизы почти не выбираютъ султановъ въ волостные управители, потому что не могутъ еще забыть ихъ произвола. Со своей стороны султаны держатся особнякомъ. Очень можетъ быть, что они съ горечью вспоминаютъ о прошломъ и смотрятъ безъ симпатіи на настоящее. Вѣроятно также, что султаны злорадственно выслушиваютъ жалобы киргизовъ на преемниковъ своихъ правъ — волостныхъ управителей.

Раньше было оговорено, что волостные управители пользуются на практикѣ большею властью. Изъ всего народа одни султаны не обнаруживаютъ безусловной вѣры въ силу и правоту дѣйствій волостныхъ потому, что считаютъ себя выше послѣднихъ и еще потому, что помнятъ, по недавнему опыту, гдѣ кончается право мѣстной власти и гдѣ начинается произволъ. Отсюда враждебность между султанами и волостными управителями и жалобы послѣднихъ на первыхъ. Но мнѣ

кажется, что при выслушиваніи этихъ жалобъ на султанскую непріязнь къ *администраціи*, нужно имѣть въ виду, что для взаимныхъ дразгъ и ссоръ между волостными и султанами существуетъ множество причинъ, немѣющихся ничего общаго съ политикою.

При этомъ трудно забывать также, что султаны были еще весьма недавно синонимами нашего правительства въ степи; уже потому намъ неловко увлекаться мнѣніемъ относительно враждебности султановъ къ этому самому правительству. Мнѣ кажется также едва ли согласнымъ съ политическимъ тактомъ считать въ настоящее время безусловно вреднымъ то, что весьма недавно считалось очень полезнымъ. Потомъ нельзя отождествлять личность волостного управителя съ нашею администраціею; его взгляды и цѣли—съ точкою зрѣнія и намѣреніями правительства. Наоборотъ; необходимо подобныя жалобы волостныхъ управителей на султановъ принимать съ осторожностью, т. е. стать въ сторонѣ и выше счетовъ киргизовъ съ бывшею ихъ властью, тою властью, которая создалась и покровительствовалась Россіею.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе будто султаны должны быть намъ враждебны уже потому, что «Положеніе» лишило ихъ власти. Въ доказательство этого приводятъ безпорядки 1869 года; я могъ бы указать, что не послѣднюю невольную ихъ причиною были нѣкоторые низшіе чиновники, принявшіеся за дѣло реформы слишкомъ усердными, жесткими и неумѣлыми руками. Недовольство киргизовъ зависѣло главнымъ образомъ отъ ихъ безтактности и неосторожности. Во всякомъ случаѣ едва ли можно было предполагать, чтобы переустройство степи могло пройти безъ всякихъ недоумѣній и смуть. Уничтоженіе ханской власти сопровождалось также волненіями, во главѣ которыхъ стоялъ прямой наслѣдникъ власти Аблай-хана, султанъ

Кениссара; только тѣ волненія были много упорнѣе и продолжительнѣе бывшихъ въ 1869 году. Эти безпорядки, наоборотъ, привели къ такимъ ничтожнымъ результатамъ, которые—если только дѣйствительно султаны имъ содѣйствовали, на что, впрочемъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ—до очевидности ясно доказали ихъ безсиліе.

Если люди, недовольные своимъ положеніемъ, безсильны какъ султаны, если они ни словомъ, ни дѣломъ не выражаютъ своего недовольства, если противъ нихъ стоитъ почти весь народъ—правительство не можетъ съ ними считаться.

Не могу при этомъ не замѣтить, что факты опровергаютъ будто бы всѣ султаны не могутъ помириться съ новымъ положеніемъ вещей. На основаніи личныхъ наблюденій и данныхъ, заявленныхъ уѣздными начальниками, можно сказать, что киргизы султанскаго происхожденія, окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ и служащіе въ составѣ уѣздной администраціи, работаютъ очень хорошо и съ большою пользою для дѣла.

Изъ тридцати молодыхъ киргизовъ, окончившихъ курсъ образованія въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ, двадцать принадлежатъ султанскимъ родамъ. Въ настоящее время изъ тридцати киргизскихъ вакансій въ Оренбургской гимназій, девять вакансій заняты дѣтьми султановъ, не считая одного, уже поступившаго на юридическій факультетъ Петербургскаго университета.

Слѣдовательно, говоря про султанскіе роды, нельзя предполагать, чтобы они представляли поголовно тормозящія начала для движенія впередъ киргизовъ; нельзя потому также думать, будто благонадежность всѣхъ султановъ можетъ подлежать сомнѣнію.

Болѣе того, я полагаю до высокой степени опаснымъ признавать ихъ огульно неблагонадежными въ политическомъ отношеніи. Въ настоящее время султаны пред-

ставляютъ осужденное и обезсиленное исторією тѣло. Ихъ дѣятельность въ смыслѣ положительномъ миновалась безповоротно, но можно дать имъ въ руки отрицательную силу. Стоитъ только признать султановъ чѣмъ-то въ родѣ оппозиціонной партіи и этотъ трупъ будетъ нагальванизированъ на долгое время.

Мнѣ кажется, что отсюда вытекаетъ слѣдующая программа дѣйствій относительно султанскихъ родовъ: опираясь на нынѣ дѣйствующие законы и на сочувствіе всѣхъ киргизовъ, уѣздные начальники должны настойчиво слѣдить за тѣмъ, чтобы султанамъ болѣе, чѣмъ другимъ киргизамъ, не дозволялось нарушеніе дѣйствующихъ законовъ. Еслибы у султановъ было замѣчено стремленіе къ первенству и внѣзаконному преобладанію, необходимо останавливать это въ самомъ зародышѣ; но при этомъ нѣтъ никакой причины мѣшать имъ стремиться быть волостными управителями. Всякое дѣйствительное ослушаніе со стороны султановъ законнымъ требованіямъ волостныхъ управителей и бѣевъ должно преслѣдоваться мѣрами, которыя, по закону, примѣняются въ этихъ случаяхъ ко всѣмъ киргизамъ вообще, не болѣе и не менѣе. Притомъ необходимо однако зорко слѣдить въ какихъ случаяхъ жалобы волостныхъ суть не болѣе какъ дразги власти, дѣйствующей съ 1869 года съ властію, управлявшею киргизами прежде, и въ какихъ случаяхъ онѣ выражаютъ дѣйствительное нежеланіе подчиниться требованіямъ волостныхъ.

При такой программѣ дѣйствій, на нашей сторонѣ будетъ сочувствіе всѣхъ киргизовъ и русская власть, не форсируя хода вещей, станетъ помогать дѣйствительному сліянію султановъ съ остальнымъ народомъ.

Положеніе дѣлъ измѣнится, какъ я уже говорилъ, къ худшему, если мы переступимъ черту, указываемую безпристрастіемъ и равенствомъ передъ законами, если мы спустимся до классификаціи киргизовъ на роды и

семьи, будто бы симпатичные или антипатичные русскому правительству. Въ такомъ случаѣ лица, оглашенные неблагонадежными, когда они безвредны и неопасны, приобретутъ неожиданный вѣсъ и большое значеніе.

Свѣдѣнія о каждомъ кибитковладѣльцѣ. Для лучшаго достиженія многихъ цѣлей, административныхъ и политическихъ, уѣзднымъ начальникамъ нельзя ограничиваться знаніемъ только выдающихся или наиболѣе вліятельныхъ киргизовъ. Они должны знать *каждаго* киргиза—кибитковладѣльца съ тѣмъ, чтобы по количеству скота, которымъ онъ владѣетъ, по его принадлежности къ тому или другому роду и по совокупности всѣхъ данныхъ, изъ которыхъ складываются его интересы, можно было судить какъ о самомъ лицѣ, такъ и побужденіяхъ его поступковъ, просьбъ, претензій и т. д. Не имѣя этихъ данныхъ, начальникъ уѣзда рискуетъ быть обманутымъ весьма часто.

Понятно, что безъ документовъ невозможно такое знаніе *каждаго* изъ 15000 кибитковладѣльцевъ, принадлежащихъ, среднимъ числомъ, на каждый уѣздъ. На этомъ основаніи, во время бывшихъ осенью засѣданій, было постановлено собрать о каждомъ кибитковладѣльцѣ необходимыя свѣдѣнія. Мы ограничились только такими свѣдѣніями, собрать которыхъ уѣздные начальники взялись съ достаточною точностью.

Многу разосланы уже по уѣздамъ 160.000 печатныхъ бланковъ для регистраціи имени и фамиліи *каждаго* кибитковладѣльца, рода, къ которому онъ принадлежитъ, членовъ семейства, числа скота по родамъ, количества собираемаго хлѣба, сѣна и т. д. Эти свѣдѣнія будутъ записываться со словъ аульныхъ выборныхъ и аульныхъ старшинъ и повѣряться помощію волостныхъ управителей и самихъ уѣздныхъ начальниковъ, которые,

во время настоящего объѣзда ауловъ для выборовъ, должны убѣдиться въ вѣрности показаній аульныхъ выборныхъ и старшинъ, а для того лично повѣрить данныя для нѣсколькихъ кибитковладѣльцевъ.

Статистическія свѣдѣнія о каждомъ кибитковладѣльцѣ должны быть зарегистрированы въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ прилетитъ въ областное управленіе, а другой останется при дѣлахъ уѣзднаго правленія. Послѣ того какъ эти свѣдѣнія будутъ собраны хотя и съ приблизительною точностью, они должны быть обработаны, безъ чего не принесутъ администраціи желаемой пользы. Самая обработка будетъ произведена областнымъ правленіемъ.

Что же касается до другого экземпляра свѣдѣній, то онъ предназначается исключительно для того, чтобы уѣздный начальникъ имѣлъ подъ руками всѣ данныя, необходимыя для легкаго ознакомленія съ каждымъ кибитковладѣльцемъ его уѣзда въ отдѣльности. Съ этою цѣлью необходимо переплестъ билетки въ особыя книги, отдѣльно для каждой волости, расположивши ихъ по фамиліямъ кибитковладѣльцевъ, въ строго азбучномъ порядкѣ.

Я просилъ бы уѣздныхъ начальниковъ, послѣ того какъ будутъ собраны статистическія свѣдѣнія, принять за правило: не начинать говорить съ просителемъ, даже съ посѣтителемъ-киргизомъ, покуда изъ этихъ свѣдѣній не окажется: кто онъ такой, каково его матеріальное положеніе и т. д. Киргизы должны убѣдиться, что они не представляются русской власти въ формѣ безличной толпы только, но что насъ интересуетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, со всѣми его нуждами и потребностями. Помимо того извѣстно, что большинство киргизовъ, приходящихъ къ уѣздному начальнику будто такъ себѣ, безъ дѣла, все-таки является зачѣмъ-нибудь. Если уѣздный начальникъ будетъ знать мате-

ріальную обстановку киргиза, то всякая его просьба, жалоба или претензія, будетъ много яснѣе и опредѣленнѣе.

Статистическія свѣдѣнія, помимо первоначальной повѣрки, должны повѣряться и при всякомъ подходящемъ случаѣ.

III.

Юридическая сторона киргизской жизни.

Единоличная юрисдинція біевъ. Согласно «Положенія», каждый бій рѣшаетъ дѣла цѣнностью до 300 руб., но рѣшеніе его окончательно только по дѣламъ до 30 руб. (§ 146). Съѣздъ біевъ волости, представляющій какъ бы вторую инстанцію суда, принимаетъ къ своему разбирательству дѣла на всякія суммы, но его приговоръ считается окончательнымъ, если цѣнность иска не превышаетъ 500 руб. (§ 154). Впрочемъ, на съѣздахъ біевъ допускается разборъ дѣлъ цѣнностью и ниже 300 руб., въ томъ случаѣ, если истецъ предъявитъ искъ или жалобу прямо на разбирательство этихъ съѣздовъ.

Оказывается, однако, что на практикѣ всѣ судебныя дѣла идутъ обратнымъ порядкомъ, т. е. что они вчинаются не у біевъ (какъ учрежденія, соотвѣтствующаго нашимъ мировымъ судьямъ), а прямо на волостномъ съѣздѣ біевъ. Вслѣдствіе того рѣшеніе незначительныхъ дѣлъ откладывается до открытія съѣздовъ, т. е. на неопредѣленное время, причемъ просьбы накапливаются и возстановленіе нарушеннаго права производится съ большою медленностью.

Сколько можно было замѣтить, эта бездѣятельность біевъ зависитъ отъ преобладающаго значенія среди киргизовъ волостныхъ управителей, приобрѣтеннаго ими

преимущественно насчетъ органовъ народнаго суда. Подобное преобладаніе тѣмъ болѣе парализуетъ дѣятельность біевъ, что имѣетъ свое основаніе въ прошломъ киргизской жизни.

Еще сравнительно въ недавнее время киргизская степь находилась въ такомъ хаотическомъ состояніи, что въ ней право могло существовать настолько, насколько оно непосредственно поддерживалось силою. При такомъ положеніи дѣлъ значеніе судьи могло пріобрѣсти въ степи только то лицо, которое обладало достаточною силою, чтобы понудить виновную сторону исполнить постановленный приговоръ. Это время было переходною эпохою отъ господства силы къ установленію обезпеченнаго права. Самый районъ дѣйствій судьи опредѣлялся размѣромъ его силы и вліянія. Оттого, не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, споры въ аулахъ разбирались тѣми лицами, которыя пользовались въ нихъ правами главы семьи, иначе—соединяли въ своихъ рукахъ всѣ виды власти. Судьею или біемъ въ родѣ былъ почти всегда родоначальникъ, пользовавшійся чаще всего, по праву рожденія, властію верховнаго вождя. Дѣлами же по спорамъ родовъ между собою вѣдали съѣзды родоначальниковъ, сбиравшихся для этой цѣли либо подъ давленіемъ крайней необходимости, либо по приказанію хановъ, а въ послѣдствіи и русской власти. Въ пору ослабленія ханской и султанской властей, среди киргизовъ появлялись бии съ громкою репутаціею, привлекавшею къ нимъ кочевниковъ со всѣхъ концовъ степи за разборомъ наиболѣе сложныхъ дѣлъ. Эти бии, имена которыхъ до сихъ поръ повторяются киргизами съ величайшимъ уваженіемъ, были люди либо очень богатые, либо пользовавшіеся тою преувеличенною репутаціею мудрости, безгрѣшности и святости, которая у восточныхъ народовъ обезпечиваетъ безусловную власть надъ толпою.

Слѣдовательно, еще весьма недавно біемъ могъ быть *исключительно* *человѣкъ* *достаточно* *сильный* *для* *того*, *чтобы* *заставить* *уважать* *свой* *приговоръ*.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе новаго «Положенія», послѣ того какъ роды были разбиты на волости, значеніе всѣхъ авторитетныхъ родоначальниковъ и біевъ пало и судебная власть перешла къ судьямъ, избраннымъ въ количествѣ 4—8 человѣкъ съ волости. Воспитанные прошлымъ, киргизы не могли себѣ представить судью, если онъ не обладалъ достаточною исполнительною властью, между тѣмъ они видѣли, что центромъ административнаго вліянія въ степи стали волостные управители. При такомъ положеніи дѣлъ значеніе новоизбранныхъ біевъ могло основываться единственнымъ образомъ на установленіи законоправныхъ отношеній между ними и волостными управителями; при этомъ обязанности послѣднихъ относительно немедленнаго и точнаго исполненія приговоровъ народнаго суда должно было поставить твердо и ясно для всѣхъ киргизовъ.

Интересы волостного понятнымъ образомъ подказывали совершенно другую программу дѣйствій. Опираясь на прошлое и на свои личныя выгоды, онъ не могъ не видѣть, что его положеніе будетъ тѣмъ обезпеченнѣе, чѣмъ болѣе уронится значеніе біевъ. Для достиженія такой цѣли у волостного было много средствъ въ настоящемъ и много прецедентовъ въ прошломъ киргизовъ, равно какъ и въ ихъ сознаніи. Онъ могъ принимать просьбы, какъ это дѣлали ханы и султаны, и незначительнѣйшія изъ нихъ оканчивать полюбовно самъ, а болѣе серьезныя направлять на волостной съѣздъ біевъ, гдѣ онъ, какъ видно будетъ далѣе, могъ играть рѣшающую роль. Главное же средство волостного для умаленія значенія біевъ заключалось въ неприведеніи въ исполненіе ихъ приговоровъ.

Администрація Тургайской области не придавала настоящаго значенія всѣмъ этимъ обстоятельствамъ и киргизы могли убѣдиться, что порядки, зависѣвшіе прежде отъ отсутствія центральной власти въ степи, теперь, послѣ установленія тамъ органовъ сильнаго правительства, стали какъ бы нормальными. Прежде приговоры біевъ не имѣли значенія, если не поддерживались силою; теперь бій стали безсильны, потому что ихъ значеніе и приговоры парализовались волостными управителями, т. е. представителями русской власти.

Народъ обращается къ суду не для того, чтобы выслушивать практически недѣйствительные приговоры, а для того, чтобы получить то, что онъ считаетъ неправильно у него взятымъ или нарушеннымъ. Понятно, что киргизы, замѣтивши съ одной стороны безсиліе біевъ, а съ другой всестороннюю силу волостного управителя, перестали обращаться къ первымъ и стали приносить свои жалобы послѣднему. Оттого единоличная власть біевъ, какъ судей, рѣшающихъ окончательно дѣла до 30 руб., на практикѣ въ Тургайской области *не существуетъ*.

Волостные съѣзды біевъ. Отношенія волостного управителя къ волостному съѣзду біевъ были другого рода, но также, если не болѣе, незаконны. Волостной по закону присутствуетъ на этомъ съѣздѣ, хотя и безъ права вмѣшательства, которое ему воспрещено подъ страхомъ строгой отвѣтственности.

На самомъ же дѣлѣ извѣстно, что волостные управители не только вмѣшиваются въ направленіе дѣла на съѣздахъ біевъ, но чуть не открыто рѣшаютъ ихъ по своему усмотрѣнію. Они не считаютъ для того нужнымъ прибѣгать къ осторожнымъ или побочнымъ средствамъ, а прямо вмѣшиваются въ судоговореніе, даютъ такую или другую оцѣнку доказательствамъ и свидѣ-

тельствамъ и сами участвуютъ въ составленіи приговоровъ. Въ послѣднее время дѣло дошло уже до того, что бѣи почти всегда рѣшаютъ дѣла въ пользу стороны, которую поддерживаетъ волостной.

Когда, во время объѣзда области, я передалъ нѣсколько жалобъ, поданныхъ мнѣ на одного волостного управителя и имѣвшихъ характеръ частный, на разсмотрѣніе сѣзда бѣевъ, то это произвело среди нихъ такой переполохъ, который ясно доказывалъ, что они не допускали и мысли о подсудности себѣ такого важнаго человѣка. Волостной управитель былъ, конечно, найденъ правымъ, хотя мнѣ казалось труднымъ сомнѣваться въ основательности начатыхъ противъ него исковъ.

Несмотря на общеизвѣстный въ степи фактъ, что сѣзды бѣевъ не болѣе, какъ процессуальное оправданіе произвола волостныхъ, *я не знаю ни одного случая взысканія съ нихъ за незаконное вмѣшательство въ рѣшеніе судебныхъ дѣлъ.* Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы потрясти значеніе народнаго суда и уничтожить пользу, которую онъ могъ бы приносить и киргизамъ и поддержанію въ степи порядка; но, помимо того, этотъ судъ парализуется еще другими, прибавочными причинами.

Волостные сѣзды назначаются въ Тургайской области по мѣрѣ накопленія дѣлъ и въ разныхъ мѣстахъ уѣздовъ, а не періодически, неопредѣленное число разъ въ году и не въ извѣстныхъ мѣстахъ, какъ требуется §§ 150 и 152 «Положенія». Оттого, помимо замедленія въ ходѣ дѣлъ, зависящаго какъ отъ неизвѣстности, когда именно будетъ сѣздъ, такъ и отъ трудности своевременнаго оповѣщенія всѣхъ о времени и мѣстѣ сѣзда бѣевъ, встрѣчается еще затрудненіе въ несвоевременномъ прибытіи на сѣздъ свидѣтелей или неправой стороны. Мнѣ извѣстно нѣсколько дѣлъ, тянувшихся годами, потому что ко времени сѣзда никакъ

не можетъ явиться или одна изъ спорящихъ сторонъ, или свидѣтели. Можно думать, что подобныя задержки зависятъ въ такой же степени отъ небрежности и злой воли туземной администраціи, сколько и отъ незнанія, что волостной съѣздъ біевъ открылъ свои дѣйствія.

Приведеніе въ исполненіе приговоровъ. Затѣмъ дѣятельность народнаго суда парализуется окончательно тѣмъ, что туземная власть не считаетъ для себя обязательнымъ приводить въ исполненіе приговоры съѣзда біевъ, если только дѣло не интересуется волостного управителя. Когда же, послѣ продолжительныхъ настояній уѣздныхъ властей, волостные управители рѣшаются, наконецъ, привести въ исполненіе постановленіе народнаго суда, у проигравшей стороны *весьма часто* не оказывается никакого имущества.

Извѣстно, что въ киргизской степи нельзя сдѣлать ничего выходящаго изъ ряда обыкновеннаго безъ того, чтобы черезъ нѣсколько дней объ этомъ не знали въ самыхъ отдаленныхъ кочевьяхъ; извѣстно также, что имущественное положеніе каждаго киргиза знакомо во всѣхъ деталяхъ его однородцамъ. Потому бии всегда хорошо знаютъ состояніе каждой изъ спорящихъ сторонъ и, постановляя свои приговоры, имѣютъ это въ виду. Несмотря на то, очень часто случается, что послѣ *многоговорящей* продолжительной оттяжки по исполненію приговора, вдругъ оказывается, что у проигравшей стороны не имѣется средствъ къ уплатѣ суммы, определенной приговоромъ. При этомъ невольно приходятъ въ голову слова просьбъ, подаваемыхъ по такого рода дѣламъ, въ которыхъ настойчиво повторяется, что скотъ проигравшей стороны живъ и цѣлъ, но что онъ только временно розданъ по рукамъ родственниковъ. Далѣе въ каждой подобной просьбѣ прибавляется, что *это очень хорошо извѣстно* волостному, который, во имя

выговоренныхъ себѣ выгодъ, показываетъ только видъ, что вѣрить исчезновенію скота у проигравшей стороны, *чѣмъ и парализуетъ приговоръ суда*. Съ своей стороны уѣздное управленіе не имѣетъ возможности повѣрить ни дѣйствительности неожиданнаго исчезновенія скота, ни поведенія въ этомъ дѣлѣ волостного уже потому, что до сихъ поръ не собиралось необходимыхъ свѣдѣній о матеріальномъ положеніи каждаго кибитковладѣльца.

Большею частью судебное разбирательство по обычному праву кончается очистительною или свидѣтельской присягою.

Очистительная присяга назначается по обычаю только тому обвиняемому, который извѣстенъ какъ человѣкъ, никогда незамѣченный во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Но если есть вѣроятіе предполагать, что извѣстное дѣйствіе могло быть совершено обвиняемымъ, онъ устраняется отъ присяги, для принесенія которой выбирается кто-либо изъ его родственниковъ. При этомъ степень родства опредѣляется судомъ и назначается тѣмъ болѣе отдаленная, чѣмъ, по мнѣнію бievъ, вѣроятнѣе подозрѣваемое дѣйствіе и чѣмъ ниже нравственность обвиняемаго лица. Время принесенія присяги опредѣляется извѣстнымъ срокомъ. Если одно изъ лицъ, стоящихъ къ подозрѣваемому въ степени родства, опредѣленной приговоромъ, не приметъ свидѣтельской присяги въ назначенный срокъ, то это принимается за доказательство неправоты или за подтвержденіе подозрѣнія.

Почти каждый приговоръ бievъ оканчивается приблизительно слѣдующимъ образомъ: «такой-то, обвиняемый въ томъ-то, обязанъ найти свидѣтеля изъ числа своихъ родственниковъ такой-то (иногда 14 и 15) степени, который согласился бы подтвердить его невинность присягой, принесенной въ такой-то срокъ. *Въ случаѣ непринесенія этой присяги въ опредѣленный*

срокъ, такой-то *обязанъ заплатить* такому-то столько-то, кромѣ того штрафа ему столько-то и бійлыка (въ пользу судей) столько-то».

Въ силу такихъ приговоровъ, исполнительная власть была бы обязана приводить къ очистительной и свидѣтельской присягѣ въ срокъ, опредѣленный бiями, въ случаѣ же, если она не будетъ принесена своевременно, приступать немедленно къ исполненію приговора.

Ничего подобнаго въ настоящее время не дѣлается. Многочисленныя просьбы со стороны киргизовъ доказываютъ, что нужно употребить много усилій, прежде чѣмъ волостной управитель *захочетъ* признать непринесеніе присяги за безспорное доказательство выигрыша дѣла другою стороною.

Чрезвычайные сѣзды бiевъ. Согласно § 156 «Положенія», чрезвычайные сѣзды бiевъ, рѣшающіе какъ дѣла между нѣсколькими волостями, такъ и жалобы на неокончательныя постановленія волостныхъ сѣздовъ, созываются по распоряженію подлежащихъ властей. Этотъ параграфъ, какъ и слѣдующій за нимъ, редактированы весьма неопредѣленно; что же касается до способовъ организациі чрезвычайныхъ сѣздовъ, то законъ не даетъ на этотъ счетъ никакихъ указаній. § 157, опредѣляющій порядокъ составленія чрезвычайныхъ сѣздовъ, ограничивается слѣдующими неопредѣленными словами: «назначеніе числа бiевъ съ каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ, *для присутствованія на чрезвычайныхъ сѣздахъ*, предоставляется начальству; необходимо однакоже, чтобы каждая сторона имѣла не менѣе двухъ бiевъ на сѣздѣ».

Благодаря неопредѣленности §§ 156 и 157, они были поняты въ Тургайской области не одинаковымъ образомъ. Въ двухъ уѣздахъ чрезвычайные сѣзды формировались исключительно изъ бiевъ, выбранныхъ за-

интересованными сторонами. При такой организаціи чрезвычайныхъ сѣздовъ, послѣдніе приобрѣтали характеръ третейскаго суда. Кромѣ того, такъ какъ спорящія стороны выбирали равное число біевъ, то, при постановленіи приговоровъ чрезвычайнаго сѣзда, голоса раздѣлялись поровну и рѣдко когда можно бывало получить необходимое большинство голосовъ.

Въ двухъ другихъ уѣздахъ чрезвычайные сѣзды формируются изъ біевъ, назначаемыхъ по выбору уѣзднаго начальника, спорящимъ же сторонамъ, кромѣ того, предоставляется право выбирать по равному числу біевъ—защитниковъ. Мнѣ кажется неудобнымъ назначеніе біевъ властью уѣзднаго начальника. Чрезвычайные сѣзды рѣшаютъ иногда дѣла на значительныя суммы, а потому неосторожнымъ выборомъ судей можно дать спорному дѣлу невѣрное направленіе, а, слѣдовательно, и нести отвѣтственность въ случаѣ лицепріятнаго рѣшенія.

И такъ, въ обѣихъ половинахъ Тургайской области чрезвычайные сѣзды организовались произвольнымъ и несогласнымъ съ законами способомъ. Если, согласно «Положенія», бii отъ заинтересованныхъ сторонъ должны присутствовать на чрезвычайномъ сѣздѣ, то совершенно очевидно, что послѣдній долженъ быть организованъ самъ по себѣ, а что первые выбираются *кромѣ того* въ качествѣ адвокатовъ спорящихъ сторонъ. Но такъ какъ выбранные обѣими сторонами бii присутствуютъ на сѣздѣ, т. е. подаютъ голоса вмѣстѣ съ остальными судьями, то для уравниванія ихъ голосовъ необходимо, чтобы спорящія стороны назначали равное число біевъ—защитниковъ. Какъ бы не былъ неопредѣленъ § 157, иначе его понять нельзя.

Во всякомъ же случаѣ вопросъ объ организаціи чрезвычайныхъ сѣздовъ *не былъ до сихъ поръ* не только разрѣшенъ, но даже не сдѣлана попытка къ установленію въ этомъ случаѣ какого-нибудь единообразія. Дѣло

велось въ каждомъ уѣздѣ по усмотрѣнію уѣзднаго начальника, отчего рѣшенія самыхъ важныхъ дѣлъ всецѣло зависѣло отъ уѣздной администраціи.

Пробѣлы во „Временномъ Положеніи“. Въ «Положеніи» нигдѣ не говорится, какимъ порядкомъ должны быть рѣшаемы дѣла, касающіяся споровъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ волостей, принадлежащихъ къ разнымъ областямъ. Между тѣмъ въ Тургайскую область ежегодно вкочевываетъ нѣсколько десятковъ тысячъ кибитокъ изъ Уральской и Сыръ-дарьинской областей. Осенью, при обратномъ откочевываніи этихъ киргизовъ на зимовки, они отгоняютъ ежегодно много скота изъ табуновъ тургайскихъ киргизовъ и дѣлаютъ другія безчинства.

Согласно § 143 «Положенія», спорныя дѣла всякаго рода рѣшаетъ судъ изъ волости отвѣтчика; примѣняясь къ тому, пострадавшему киргизу Тургайской области только и остается ѣхать съ жалобой за тысячу и болѣе верстъ и передать ее на усмотрѣніе судей, которыхъ интересы заключаются въ томъ, чтобы всегда находить правымъ своего однородца. Потому жалобы такого рода, какъ извѣстно по опыту, *никогда не удовлетворяются*, накапливая только у обиженной стороны горечь и матеріаль для насилій и самосуда. Но какъ поступать въ случаѣ исковъ и ссоръ между волостями разныхъ областей—законы вовсе не указываютъ.

Для разрѣшенія хоть сколько-нибудь этой путаницы и неопредѣленности, практикою выработанъ особый пріемъ.

Когда взаимные счеты и неудовольствія между киргизами разныхъ областей грозятъ обратиться въ значительную баранту или даже въ вооруженное столкновение, администрація начинаетъ переписку, которая черезъ годъ или два разрѣшается особымъ съѣздомъ біевъ

отъ обѣихъ спорящихъ сторонъ. Такъ какъ количество бѣевъ назначается поровну отъ обѣихъ сторонъ, то подобныя сѣзды почти всегда кончаются тѣмъ, что, послѣ безконечныхъ споровъ, сѣздъ расходится, не придя ни къ какому полезному результату. Только въ исключительныхъ случаяхъ русскому чиновнику, присутствующему на междоуобластномъ сѣздѣ, удается убѣдить спорящія стороны помириться и покончить препирательства уясненіемъ взаимныхъ счетовъ и претензій, чаще же взаимнымъ всепрощеніемъ.

Общій выводъ. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что: 1) бѣи, какъ единоличные судьи, вовсе не дѣйствуютъ; 2) волостныя сѣзды собираются въ неопредѣленные времена, по мѣрѣ накопленія дѣлъ и по усмотрѣнію администраціи; 3) на этихъ сѣздахъ всѣ дѣла рѣшаются волостными управителями; 4) чрезвычайныя уѣздныя и междоуѣздныя сѣзды составляются въ двухъ половинахъ Тургайской области совершенно разнообразнымъ и несогласнымъ съ духомъ законовъ образомъ; 5) чрезвычайныя междоуобластныя сѣзды назначаются только изъ опасенія, чтобы споры не обратились въ безпорядки. Эти сѣзды рѣдко приводятъ къ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ результатамъ; 6) отвѣтчики и свидѣтели не доставляются своевременно въ судъ органами туземной администраціи; 7) проигравшая сторона находитъ средства не исполнять постановленныхъ судомъ приговоровъ и 8) приговоры не приводятся надлежащимъ образомъ въ исполненіе мѣстною администраціею. Къ этому нужно еще присовокупить, что уѣздныя управленія, какъ кажется, не считаютъ себя отвѣтственными за то бездѣйствіе, которое они обнаруживаютъ въ виду ненормальнаго положенія народнаго суда въ Тургайской области.

Соображая все вышеизложенное, можно сказать, что

киргизы Тургайской области лишены возможности возстановлять свои нарушенные права, опираясь на правильно организованные суды. Оттого, какъ будетъ видно ниже, они приближаются къ степному самосуду или барантъ, имѣющей въ Тургайской области весьма широкое развитіе.

Во «Временной инструкціи» указаны средства, которыя, до нѣкоторой степени, могутъ поднять упавшій и придавленный волостнымъ управителемъ судъ біевъ. Но этого еще недостаточно. Я требую, чтобы уѣздные начальники приняли и другія подходящія мѣры къ возстановленію законнаго значенія суда біевъ; чтобы они самыми энергическими мѣрами парализовали вліяніе на него волостныхъ и сами, *подъ свою личную отвѣтственность*, слѣдили за точнымъ исполненіемъ приговоровъ народнаго суда. Я прошу ихъ придать такую силу народному суду, чтобы воры не могли, какъ теперь, смѣяться надъ приговорами біевъ; чтобы нарушители частнаго и общественнаго права поняли бы невозможность ни скрыться самимъ, ни спрятать угнанный скотъ; чтобы пострадавшіе киргизы не были принуждаемы, за неимѣніемъ силы и значенія у суда, возстановлять свои права барантою и чтобы эти пострадавшіе убѣдились, что народный судъ въ состояніи возратить имъ ихъ добро, опираясь только на свое право, поддержанное русскою властью.

Прошу уѣздныхъ начальниковъ не забывать, что судъ, ограждающій имущественныя права лица, *есть краеугольный камень всякаго дальнѣйшаго развитія*.

Невозможное положеніе народнаго суда въ области я считаю, впрочемъ, результатомъ печальнаго недоумѣнія, а не сознательно вредной бездѣтельности администрации. Мнѣ извѣстно, что ни объ одной сторонѣ киргизской жизни не существуетъ столько разнорѣчивыхъ, исключаящихъ другъ друга понятій, какъ о народномъ судѣ. Эти недоумѣнія породили убѣжденіе,

едвали не общее среди русских чиновниковъ Тургайской области, что киргизское обычное право терпимо въ степяхъ. не *по невозможности* примѣнять тамъ наши законы, а вслѣдствіе какихъ-то политическихъ видовъ временнаго характера. Отсюда создалось мнѣніе, уже совершенно вредное, будто уѣздная администрація имѣетъ нравственное право смотрѣть на народный судъ не такими глазами, какъ на всякій другой судъ; будто она не отвѣтственна за неисполненіе приговоровъ суда бievъ; будто нужно, при каждомъ подходящемъ случаѣ, безмѣрно стараться объ обезсиленіи этого суда и о приговореніи почвы для водворенія русскихъ законовъ.

Нѣсколько общихъ положеній о правѣ и о пониманіи правды. Потому считаю безусловно необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно понятія о правѣ вообще и о значеніи народнаго суда по обычному праву.

Исторія прошлаго и теорія права доказываютъ, что взглядъ людей на правду находится въ тѣсной зависимости отъ ихъ развитія. Кулачное право, на примѣръ, существовавшее такъ долго въ Западной Европѣ, не было послѣдствіемъ случайно развившагося произвола, безъ причины охватившаго полъ европейскаго материка. Оно имѣло глубокое основаніе въ тогдашнемъ строеніи всѣхъ слоевъ общества и въ господствовавшемъ пониманіи личнаго права. Подъ вліяніемъ многихъ причинъ, лица, обладавшія личною храбростію, владѣвшія хорошо оружіемъ, считались въ ту героическую эпоху лучшими и наиболѣе уважаемыми людьми; тѣ же, которые не могли постоять за себя, которые не умѣли нанести или получить ударъ меча, трепетавшіе за свою жизнь, такіе люди презирались всѣми. Это презрѣніе имѣло нѣкоторое основаніе въ томъ, что лица, не бывшія въ состояніи защищать свои права въ пору господства матеріальной силы, конечно были людьми ничтож-

ными, лишенными энергіи и придавленными неблагопріятными жизненными условіями. Вѣроятно, подобные люди обладали еще меньшимъ количествомъ внутреннихъ свойствъ, чѣмъ теперь, во время господства и насилій ума, имѣютъ личности малоразвитыя. Потому въ пору кулачнаго права лучшіе люди считали не несогласнымъ со справедливостію отнимать у презрѣнныхъ людей ихъ имущество, накопленное не на войнѣ, а кропотливыми трудами, слѣдовательно, недостойнымъ образомъ. Отсюда, изъ сознанія превосходства и правоты, создавалось кулачное право, которое было бы вѣрнѣе назвать правомъ XII, XIII и XIV столѣтій. Грабительство на большихъ дорогахъ, опустошеніе городовъ и деревень дѣлались тогда вовсе не изъ нужды, потому что тѣмъ и другимъ занимались сливки тогдашняго общества, князья, герцоги, графы и бароны, составлявшіе съ этою цѣлью разбойничьи союзы, извѣстные по орденскимъ своимъ знакамъ подъ именемъ Синицъ, Корольковъ и Рыцарей Булавы. Грабительство служило не средствомъ къ жизни, а ея цѣлью для всѣхъ энергическихъ людей, которыхъ, вслѣдствіе дѣтскаго въ то время поклоненія матеріальной силѣ, уважали за ихъ подвиги въ семьѣ, въ обществѣ, даже въ массахъ страдавшаго отъ ихъ грабежей народа ¹⁾.

Прошло съ тѣхъ поръ отъ 400 до 600 лѣтъ. Понятія совершенно измѣнились и теперь лицъ, считавшихся

¹⁾ Такая точка зрѣнія заразила даже католическую церковь. Въ 1309 году папа Климентъ V въ буллѣ, которою онъ проклялъ Венеціанскую республику, разрѣшилъ убивать и грабить всѣхъ венеціанцевъ, гдѣ бы они ни находились. При этомъ была прибавляла, что убійства и грабежи будутъ не только совершенно законны, но зачтены въ особую заслугу передъ католичествомъ. Климентъ снялъ свое проклятiе за 6.000.000 металлическихъ рублей, уплоченныхъ ему Венеціею. Впрочемъ часть денегъ, посланныхъ папѣ въ Авиньонъ, была по дорогѣ разграблена нѣсколькими моденскими князьями. Тогда папа проклялъ такимъ же порядкомъ всю Модену и толпы разбойниковъ и грабителей, опустошавшія до того Венецію, переселились въ Модену, которую избрали резиденціей для своей не только дозволенной, но объявленной похвальною профессіи.

когда-то героями, презирають всѣ, а ихъ подвиги преслѣдуются уголовными законами. Вѣка прошли и измѣнили понятія о правѣ; только у дѣтей, въ извѣстномъ періодѣ ихъ физическаго и нравственнаго развитія, осталось пока преувеличенное поклоненіе матеріальной силѣ и почтеніе къ разбойникамъ, какъ къ высокимъ чело-вѣческимъ идеаламъ.

Съ тою же ясностью можно прослѣдить народженіе или вымираніе каждой юридической идеи. То, что сначала считается великимъ и хорошимъ, что заставляетъ подражать, на чемъ воспитываются поколѣнія, съ теченіемъ времени возбуждаетъ сомнѣніе, потомъ ропотъ и наконецъ сопротивленіе со стороны лицъ, почему-либо страдающихъ отъ господства извѣстной идеи. Когда это сопротивленіе становилось значительнымъ, охрану нарушаемыхъ интересовъ принималъ на себя законъ, сначала робко, а потомъ настойчивѣе и рѣзче, покуда дѣйствія, когда-то уважаемыя, не клеймились именемъ преступленія. Въ прошломъ происходили и обратныя явленія: дѣйствія, презираемыя и преслѣдуемыя въ началѣ, терпѣлись и допускались впослѣдствіи, а потомъ иногда становились не только уважаемыми, но и обязательными для каждого чело-вѣка.

Измѣненіе понятій о добрѣ и злѣ происходитъ и теперь повсемѣстно и ежечасно, но въ безконечно малыхъ размѣрахъ. Перемѣна во взглядахъ замѣтится только много потомъ, по истеченіи десятковъ и сотенъ лѣтъ.

Въ постепенномъ измѣненіи точекъ зрѣнія на право принимаютъ большое участіе законы, согласованные съ основными убѣжденіями большинства, но обязательные для всѣхъ безъ исключенія. Производя на меньшинство извѣстное давленіе, новые законы ускоряютъ развитіе отсталыхъ людей, въ чемъ и заключается ихъ образовательное значеніе.

Я сказалъ все это, чтобы повторить выраженное выше заключеніе, что вѣрность понятія о правѣ прямо пропорціональна образованію и развитію. Это признается законодательствами всѣхъ европейскихъ народовъ, а въ томъ числѣ и нашими уголовными законами.

Вообще говоря, законы создаются наиболѣе образованными и развитыми людьми, слѣдовательно, съ самой послѣдней и вѣрной точки зрѣнія, не всегда понятной массамъ, у которыхъ есть свое отсталое понятіе о правѣ и правдѣ; потому эти массы иногда принуждены руководствоваться законами, несогласными съ ихъ убѣжденіями. Чаше всего преступленія практикуются людьми мало образованными и, слѣдовательно, безъ того количества злой воли, которое, для ихъ совершенія, нужно образованному человѣку, иногда же просто по непониманію, что совершаемое дѣйствіе преступно. Отсюда явилась уступка со стороны закона. Не юристамъ, смотрящимъ на преступленіе съ высшей точки зрѣнія, предоставлено право признавать то или другое дѣйствіе преступнымъ, а присяжнымъ засѣдателямъ, взятымъ изъ народа, среди котораго выросъ и сформировался преступникъ. Этимъ людямъ законъ предоставилъ право рѣшить, съ ихъ точки зрѣнія, преступно ли извѣстное дѣйствіе или нѣтъ. Несмотря на сознаніе убійцы, что онъ убилъ, или грабителя, что онъ дѣйствительно ограбилъ, законъ признаетъ ихъ невинными, если присяжные засѣдатели, руководствуясь своими узкими и отсталыми понятіями, найдутъ, что подсудимый, при данныхъ условіяхъ, могъ совершить убійство или грабежъ, не дѣлая преступленія. И конечно, отказываясь карать человѣка за то, что онъ живетъ въ прошломъ столѣтіи, законъ достигаетъ самой высочайшей мудрости и возможно болѣе спокойнаго и полнаго правосудія.

Если вѣрно, что понятіе о правдѣ пропорціонально образованію и развитію, то не будетъ парадоксально

сказать, что по юридическимъ понятіямъ лица или народа можно вывести заключеніе въ какомъ именно вѣкѣ онъ живетъ.

Такъ называемые образованные и необразованные люди въ европейскихъ обществахъ едва ли отстали другъ отъ друга на большія времена, потому что, въ общемъ, масса европейцевъ образовывается и развивается не столько непосредственнымъ образомъ, сколько цивилизованной обстановкой, общеніемъ и взаимодействіемъ. Потому было бы странно допускать, чтобы болѣе отсталая часть общества руководствовалась не закономъ, а своимъ юридическимъ пониманіемъ, мало чѣмъ отличающимся отъ законной точки зрѣнія. Если то и другое не вполне совпадаетъ, за то основаніе обоихъ воззрѣній почти одно и то же, слѣдовательно, къ отсталымъ людямъ совершенно приложимы общіе для всѣхъ уголовные законы съ тѣмъ только, чтобъ къ нимъ, въ качествѣ поправки, былъ приставленъ институтъ присяжныхъ.

Отсталость киргизскихъ пониманій о правѣ. Можно ли приложить только что приведенный принципъ къ киргизамъ, относительно примѣненія къ нимъ русскихъ законовъ? На этотъ вопросъ нужно отвѣчать другимъ: въ какомъ вѣкѣ живутъ киргизы и есть ли много точекъ соприкосновенія между ихъ обычнымъ правомъ и нашими законами?

Въ киргизскомъ обычномъ правѣ есть выдающіяся черты, которыя могутъ отвѣчать на этотъ вопросъ довольно приблизительно.

Всѣ спорныя и уголовныя ихъ дѣла рѣшаются помощью очистительныхъ и свидѣтельскихъ присягъ. Присяга «жанъ беру», въ буквальномъ переводѣ. душедаѣніе, совершается на бугрѣ, гдѣ находится кладбище, или близъ рѣки и озера, или вообще въ мѣстности,

которая может дѣйствовать на воображеніе степняка. Здѣсь душедатель обязанъ сказать: «если я лгу, да накажетъ меня Богъ, да лишитъ онъ меня на томъ свѣтѣ всякаго воздаянія за мою вѣру въ него и за всѣ мои добродѣтели, а на этомъ—да не увижу добра отъ моего имущества и дѣтей». Въ другихъ случаяхъ приводимый къ присягѣ просто цѣлуетъ дуло ружья; въ третьихъ—его обводятъ три раза кругомъ могилы; въ четвертыхъ—приносящаго присягу кладутъ въ положеніе мертвеца и надѣваютъ на него саванъ; въ пятыхъ, наконецъ, и это дѣлается у киргизовъ, живущихъ близъ границъ нашихъ губерній, присяга дается на коранѣ.

Чѣмъ суевѣрнѣе и первобытнѣе человѣкъ, тѣмъ естественнѣе, что онъ не скажетъ неправды при обстановкѣ, пугающей его воображеніе, и тѣмъ присяга дѣйствительнѣе, какъ средство для указанія истины. Покуда киргизы до нѣкоторой степени довольствуются убѣжденіемъ, что присягою можно узнать правду, точно также какъ въ нашихъ наиболѣе глухихъ деревняхъ живетъ еще убѣжденіе, будто допрашиваемый не посмѣетъ исказить истины, если, въ подтвержденіе присяги, его заставить съѣсть горсть земли.

Говоря иначе, киргизы узнаютъ истину въ спорныхъ и уголовныхъ дѣлахъ тѣмъ младенческимъ способомъ, который когда то практиковался во всей Европѣ и который сравнительно весьма недавно имѣлъ такое широкое примѣненіе въ русскомъ уголовномъ правѣ.

Особенное значеніе для опредѣленія отсталости юридическихъ пониманій киргизовъ имѣетъ то обстоятельство, что всѣ спорныя и уголовныя дѣла безъ исключенія сопровождаются въ глубинѣ степи присягами, хотя бы доказательства правоты одной стороны были налицо. Только у киргизовъ, живущихъ вблизи Оренбургской губерніи и Сибири, изрѣдка начинается практиковаться серьезный разборъ доказательствъ и уликъ,

при чемъ рѣшенія не подкрѣпляются присягою. Древнія германскія ордаліи, такъ называемый судъ Божій, употреблялись тоже для узнанія правды въ спорахъ и охотно допускались даже въ томъ случаѣ, когда *corpus delicti* было налицо.

Существуетъ еще нѣсколько признаковъ многовѣковой отсталости киргизовъ въ *общемъ* приѣмѣ ихъ обычнаго права, отвергающаго наказаніе за преступленіе и *допускающаго только вознагражденіе потерпѣвшей стороны*. Этотъ принципъ, какъ извѣстно, господствовалъ въ древне-германскомъ и скандинавскомъ обычныхъ правахъ, до ихъ измѣненія римскимъ правомъ.

Затѣмъ кунъ, цѣна крови, существовалъ въ старомъ обычномъ правѣ всѣхъ европейскихъ народовъ. Цѣна крови отведено особенно почетное мѣсто въ «Русской Правдѣ» Ярослава, въ которой, какъ теперь у киргизовъ, подробно опредѣляется плата за смерть почетнаго лица, свободного человѣка и раба, за увѣче, выбитый зубъ, порчу членовъ, вырванную бороду и т. д.

Такимъ образомъ, основываясь на существованіи у киргизовъ понятій, господствовавшихъ во всей Европѣ шесть и болѣе вѣковъ тому назадъ, можно думать, что ихъ понятія о правѣ и правдѣ отстали отъ европейской точки зрѣнія на нѣсколько столѣтій.

Эта отсталость ведетъ къ тому, что между понятіями русскаго народа о преступленіяхъ и понятіями киргизовъ существуетъ такое различіе, помирить которое нѣтъ возможности никакими компромиссами.

Убіиства. Преступленія киргизовъ такъ же не сложны, какъ и ихъ жизнь. Убіиства сравнительно крайне рѣдки и можно сказать почти всегда не преднамѣрены. По нашимъ законамъ дѣла объ убійствѣ могутъ вчинаться родственниками убитаго, но самое преступленіе преслѣдуется государствомъ; по понятіямъ киргизовъ, об-

жалованіе убійцы есть начало чисто искового дѣла, такъ какъ онъ лично не карается обычнымъ правомъ, а только уплачиваетъ родственникамъ убитаго цѣну крови, въ размѣрѣ опредѣленномъ народнымъ судомъ.

Какъ на образчикъ трудно примиримаго раскола между понятіями киргизовъ и нашими порядками, установившимися подъ вліяніемъ другой жизни, можно указать на дѣло по убійству 10 августа 1875 года киргиза Акъ-Тюбинской волости (Илецкаго уѣзда) Тубожана Турманова. Убійство произошло вслѣдствіе драки, гдѣ съ одной стороны, кромѣ другихъ лицъ, участвовали четыре брата Турманова, а съ другой—нѣкоторые киргизы № 4 аула. Постановленіемъ отъ 20 августа 1876 года Тургайское областное правленіе опредѣлило: по неимѣнію ясныхъ доказательствъ кто именно убилъ Турманова, самое убійство оставить безъ послѣдствій, всѣхъ киргизовъ, принимавшихъ участіе въ дракѣ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, посадить на два мѣсяца въ тюрьму, а двухъ человѣкъ оставить въ подозрѣніи по возбужденію драки.

Согласно § 94 «Положенія», дѣла по убійствамъ вѣдаются русскимъ судомъ, при чемъ родственникамъ убитаго дозволяется искать кунъ съ имущества убійцы и его родственниковъ въ томъ только случаѣ, если преступленіе признано русскимъ судомъ.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ всѣ пятьдесятъ кибитковладѣльцевъ, представлявшихъ сторону, убившую въ дракѣ Турманова, родственники между собой, слѣдовательно, отвѣтственны за убійство, такъ какъ по обычному праву родственники убійцы обязаны принимать участіе въ уплатѣ куна. Хотя фактъ убійства Турманова былъ несомнѣненъ, но вслѣдствіе того, что нашимъ судомъ не было открыто кто именно совершилъ убійство, у наслѣдниковъ убитаго отнята возможность искать кунъ.

Не понимая всѣхъ этихъ тонкостей, братья Турмановы пріѣхали въ Оренбургъ, чтобы узнать въ областномъ правленіи съ кого именно должны они взыскивать цѣну крови. Въмѣсто того, къ ихъ величайшему удивленію, они были схвачены и посажены въ тюрьму на два мѣсяца, какъ принимавшіе участіе въ дракѣ. Это дѣло произвело въ степи тяжелое впечатлѣніе особенно потому, что инициаторы драки, но какъ бы не принимавшіе въ ней участія, Анаевъ и Намазовъ, которыхъ киргизы называютъ убійцами Турманова, были оставлены только въ подозрѣніи, между тѣмъ какъ братья убитого отсидѣли два мѣсяца въ тюрьмѣ и лишились права на кунъ. Къ довершенію всего, убійцы, которые съумѣли такъ ловко воспользоваться обрядною стороною нашего суда, чтобы отпереться отъ преступленія, въ первое время по его совершеніи, сознались арестовавшей ихъ толпѣ киргизовъ, что убійство совершено ими, хотя и не преднамѣренно.

Баранта. Баранта по нынѣ дѣйствующему «Положенію» судится въ степяхъ Оренбургскаго вѣдомства на основаніи общихъ законовъ Имперіи (въ Туркестанскомъ краѣ она подчинена вѣдѣнію народного суда).

Я полагаю бы полезнымъ разобрать этотъ видъ преступленія нѣсколько подробнѣе, во-первыхъ потому, что не всѣ ясно понимаютъ какъ нужно понимать баранту, а во-вторыхъ потому, что при этомъ съ особенною ясностью будетъ видно какая была достигнута польза подчиненіемъ этого преступленія русскимъ законамъ.

Примѣчаніе 1 къ § 94 «Положенія» опредѣляетъ, что баранта есть угонъ скота или похищеніе имущества, вызванное неполученіемъ удовлетворенія за нарушенное право. Это безусловно точное опредѣленіе не выясняетъ еще самыхъ свойствъ баранты.

Киргизъ, у котораго что-либо украли, первоначально разыскиваетъ пропавшее самъ лично и помощью особо нанятыхъ людей. Получивши извѣстіе, что украденный скотъ находится у такого-то киргиза въ такой-то мѣстности, онъ ѣдетъ туда и старается возвратить свое добро помощью переговоровъ съ похитителемъ. Затѣмъ онъ послѣдовательно жалуется всѣмъ лицамъ, власть имѣющимъ и, не получивши удовлетворенія, ѣдетъ къ родственникамъ вора, которыхъ и проситъ указать средства къ возмѣщенію похищеннаго. Если и въ этомъ случаѣ его усилія окажутся безплодными, степное право не возбраняетъ обиженной сторонѣ отнять похищенное имущество барантою (по киргизски барымтою), т. е. силою.

Киргизы дѣлаютъ рѣзкое различіе между воровствомъ, грабежемъ и барантой. Воровство штрафуется денежно, кромѣ возвращенія украденнаго; грабежъ осуждается, какъ дѣйствіе, нарушающее общественный покой, и, помимо возвращенія награбленнаго, штрафуется тремя тогузами въ пользу пострадавшей стороны, т. е. очень большою денежною пенею. Баранта никогда не штрафуется, если совершена съ соблюденіемъ необходимыхъ формъ. Въ Средней и Большой Ордахъ, лицо, рѣшающееся возстановить свое право барантою, обязано собрать уважаемыхъ родовичей, рассказать имъ дѣло и отъ нихъ получить разрѣшеніе начать баранту. Во всей степи признается необходимымъ ранѣе баранты непременно обжаловать дѣйствія вора его родственникамъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе уговорили его возвратить украденное, не доводя дѣла до крайности. Если родственники и друзья лица, вчинающаго баранту, начнутъ помогать ему и во время самой баранты потерпятъ увѣчье или потери, то они не имѣютъ права на вознагражденіе въ томъ случаѣ, если не убѣдились раньше, что дѣйствія вора были прежде дѣйствительно обжалованы его родственникамъ.

За убитого вора и грабителя кунъ не полагается; за человѣка, убитого во время правильно начатой баранты, кунъ полагается какъ за безвинно-убитого.

Вообще говоря, обычное право не только не находить баранту дѣяніемъ позорнымъ, но, наоборотъ, очень уважаемымъ. Лицо, отвѣчающее барантою на каждое нарушеніе своихъ правъ, считается человѣкомъ порядочнымъ, который, не обижая другихъ, умѣетъ постоять за себя и свое добро. Моралисту такая точка зрѣнія можетъ показаться странною; но мы, приставленные къ киргизамъ правительственными органами, не имѣемъ права закрывать глаза на то, что въ дѣйствительности существуетъ, а тѣмъ менѣе критиковать степные порядки, вмѣсто того, чтобы констатировать ихъ.

Впрочемъ, несмотря на видимую странность киргизскихъ понятій о барантѣ, нельзя не замѣтить, что это не болѣе, какъ повтореніе въ грубой формѣ того, что еще въ недавнемъ прошломъ практиковалось во всей Европѣ.

Въ то время какъ имущественная безопасность была тамъ ограждена, личная неприкосновенность не была охраняема надлежащимъ образомъ. Грубость массъ, а часто и судей не придавала значенія толчку, легкому удару по лицу, брани, оскорбляющимъ женщину клеветамъ и т. д. и въ этихъ фактахъ не находила достаточныхъ мотивовъ къ осужденію оскорбителя въ размѣрѣ, который удовлетворилъ бы обиженного. Такимъ образомъ нарушенное право по неприкосновенности личности и чести не могло возстановляться желаемымъ образомъ, особенно относительно наиболѣе восприимчивыхъ, а также наиболѣе воспитанныхъ людей. Отсюда явился самосудъ или дуэль. Въ XVI вѣкѣ дуэль считалась обязательною для всякаго уважающаго себя человѣка при малѣйшей относительно его неловкости. Кардиналь Ришелье былъ первымъ, рѣшившимся срав-

нять дуэль съ убійствомъ, и его примѣру послѣдовали законодательства всей Европы. Несмотря однако на казни дуэлистовъ и другія тяжкія наказанія, количество дуэлей не уменьшалось и всѣ законодательства должны были наконецъ признать, что смерть, нанесенная съ соблюденіемъ дуэльных формъ, не есть убійство. Послѣднее возбуждаетъ въ общественномъ мнѣніи ужасъ и отвращеніе и преслѣдуется высшими карательными мѣрами; дуэль, т. е. тоже убійство, вызванное самосудомъ, влечетъ за собой сравнительно ничтожное взысканіе и почитеніе къ дуэлисту, иногда даже подражаніе ему. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что количество дуэлей упало со времени введенія въ Европѣ такихъ формъ суда, которыя сравнительно лучше гарантируютъ честь и неприкосновенность лица.

Признаюсь, что съ точки зрѣнія высшей нравственности, дуэли и хуже, и жесточе, и неестественнѣе баранты, этой киргизской дуэли.

Такъ какъ баранта есть возстановленіе силою нарушеннаго права по имуществу, то понятно, что существованіе въ какой-либо мѣстности баранты доказываетъ бездѣтельность въ этой мѣстности судебной власти. Человѣкъ, права котораго нарушены, даже при извѣстной склонности къ произволу, не станетъ прибѣгать къ силѣ для ихъ охраненія, если онъ убѣжденъ, что его защититъ судъ, безъ всякаго съ его стороны риска. Иначе говоря, чтобы истребить въ Тургайской области баранту, необходимо придать народному суду наибольшую силу и такое вліяніе, которое вытѣснило бы произволъ и самосудъ.

Дѣйствующее «Положеніе» должно было, слѣдовательно, въ существованіи баранты находить поводы ко взысканію съ мѣстной администраціи за бездѣтельность и стремиться къ искорененію степного самосуда не карательными мѣрами, а возвышеніемъ значенія суда. Къ

несчастію, оно посмотрѣло на баранту не какъ на послѣдствіе, а какъ на причину безправія, практикуемаго специально киргизами будто изъ любви къ произволу. При такомъ воззрѣніи самымъ лучшимъ средствомъ противъ баранты, конечно, придется считать строгость взысканія и подчиненіе этого преступленія русскимъ законамъ. Къ какимъ же послѣдствіямъ привело примѣненіе европейскихъ законовъ по преслѣдованію этого специально азіатскаго преступленія?

Въ теченіе всего существованія Тургайскаго областного правленія въ немъ не разсматривалось ни одного дѣла о барантѣ, между тѣмъ какъ баранта практикуется въ области повсемѣстно.

Тотъ фактъ, что уѣздные начальники не могли или не хотѣли вчинать дѣла о барантѣ, доказываетъ уступку, которую, на практикѣ, можетъ быть и нельзя было не сдѣлать. Если бы мѣстное начальство дѣйствовало иначе, оно, безъ всякаго сомнѣнія, встрѣтило бы въ степи ту пассивную, безформенную оппозицію, о которую разбились бы всѣ усилія администраціи, вся мощь закона.

Какъ всегда это бываетъ въ вопросахъ условно понимаемой чести, мы либо не нашли бы свидѣтелей, либо они принадлежали къ самымъ негоднымъ людямъ, вѣрить которымъ было бы едва ли возможно. Дознаніе и слѣдствіе, вслѣдствіе неприложимости сложной обрядности къ жизни кочующихъ и разбросанныхъ на огромномъ разстояніи киргизовъ, тянулись бы мѣсяцами, а между тѣмъ скотъ, захваченный вмѣстѣ съ лицами, производившими баранту, нужно бы было секвестрировать до окончанія дѣла, т. е. онъ гибъ бы и выкрадывался. По приговору суда барантачъ былъ бы сравненъ съ грабителемъ, хотя онъ не бралъ ничего чужого, а только возмѣстилъ потери, нанесенныя ему воромъ. То, что условно удовлетворило бы нашу точку зрѣнія, для киргизовъ не только не показалось бы возстановленіемъ

правды, но ея оскорбленіемъ; а разъ законы неудовлетворяють существующее понятіе о правѣ, разъ *они отстали отъ жизни или упредили ее*—личное право нельзя считать вполне обезпеченнымъ, почему въ результатѣ будетъ не уничтоженіе произвола, а его развитіе въ формѣ самосуда и насилія.

Итакъ, баранта на практикѣ не преслѣдовалась нашими законами, по трудности доказать и изслѣдовать ее, по несоотвѣтствію вѣроятнаго приговора съ киргизскими потребностями, по диссонансу между двумя жизнями—европейскою и азіатскою. Между тѣмъ еще не такъ давно, именно когда родовое начало имѣло большее значеніе между киргизами, случалось, что на отгонъ украденнаго скота воръ отвѣчалъ отгономъ стадъ у родственниковъ барантча, такъ что послѣдніе принуждены бывали дѣлать то же относительно родовичей вора. Такимъ образомъ баранта разгоралась иногда въ рядъ взаимныхъ грабежей, отъ которыхъ страдали цѣлые роды и прекратить которую становилось крайне трудно. Это соображеніе и было причиною подчиненія преступленій по барантѣ русскимъ законамъ. Какъ уже сказано, это на дѣлѣ не могло исполняться.

Если баранта не преслѣдовалась русскими законами, *то она не преслѣдовалась вовсе*, потому что народный судъ не имѣетъ права принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла, изъятія изъ его вѣдѣнія. Несмотря на это, громадныя баранты, отъ которыхъ страдала вся степь, исчезли безслѣдно, оставивъ мѣсто барантѣ, практикующей по счетамъ между отдѣльными лицами, но не родами. Это зависѣло отъ сравненія передъ закономъ правъ всѣхъ киргизовъ, отъ болѣе непосредственнаго подчиненія ихъ русской власти и особенно отъ ослабленія родового начала. Вслѣдствіе того, какъ только разрушилась связь между родами, какъ только уничтожилась ихъ обособленность и власть родоначальниковъ

замѣнилась сильною и безпристрастною ко всѣмъ родамъ властью русской администраціи — баранты между родами прекратилась сами собой. Такимъ образомъ съ устраненіемъ причинъ, создававшихъ безправіе въ отношеніяхъ между родами, исчезли безо всякихъ карательныхъ мѣръ и послѣдствія этого безправія, т. е. родовая баранта ¹⁾. Тѣмъ же порядкомъ можетъ быть прекращена баранта и между отдѣльными лицами, причемъ, вмѣсто невыполнимыхъ карательныхъ мѣръ, нужно постараться искоренить порождающія ее причины, т. е. возстановить законное значеніе несуществующаго въ настоящее время народнаго суда.

Кражи. Согласно пониманію киргизовъ, кража скота не есть дѣло безчестное или преступленіе. Наоборотъ, киргизъ знаетъ и видитъ существовавшихъ и существующихъ до сихъ поръ въ степи батырей, которые составили себѣ не только положеніе, но и репутацію лихихъ и всѣми уважаемыхъ людей, вслѣдствіе кражи скота въ обширныхъ размѣрахъ. Такое наивное отношеніе къ угону чужого скота не есть результатъ нравственной порчи киргизовъ. Они по преимуществу добродушны, даже условно честны. Ихъ незлобивость и гостепріимство могутъ быть названы примѣрными. Наши купцы и торгаши, обогащающіеся въ степи торговлею,

¹⁾ Согласно тому измѣнялись и нѣкоторыя стороны киргизскаго обычнаго права. Прежде киргизы, жившіе въ самый разгаръ баранты, должны были постоянно держать при кибиткѣ лошадей совершенно осѣдланными и въ полной готовности преслѣдовать барантачей. Потому степное право налагало въ ту пору тяжкіе штрафы за похищеніе тѣхъ предметовъ съ осѣдланной и приготовленной къ ѣздѣ лошади, отсутствіе которыхъ могло затруднить или замѣдлить безотлагательную ѣзду къ угрожаемому пункту. Особенно значителенъ былъ штрафъ за похищеніе треноги, которою спутываются ноги лошадей, достигавшій стоимости трехъ лошадей. Теперь, когда баранта потеряла значеніе многолѣтней опустошительной борьбы между родами, нѣтъ и необходимости быть въ готовности окончиться при первой тревогѣ. Потому въ настоящее время штрафы за украденную треногу назначаются бѣями ничтожныя, иногда не превосходящіе ея стоимости.

отъ которой киргизы не всегда остаются въ выигрышѣ, подтверждаютъ единогласно, что они выполняютъ честно свои денежныя обязательства, хотя послѣднія не обезпечены никакимъ документомъ. Случалось, что киргизы, откочевавшіе въ Бухару или Хиву и возвращавшіеся черезъ нѣсколько лѣтъ обратно въ нашу степь, начинали съ подтвержденія оставшихся за ними долговъ. Тѣмъ не менѣе они не видятъ грѣха въ похищеніи чужого скота, вслѣдствіе своего азіатскаго воспитанія и вытекающаго отсюда своеобразнаго пониманія добра и зла. Киргизы знаютъ, что Чингизъ-ханъ началъ свою міровую карьеру отгонами чужихъ стадъ; они слышали также, что сперва ханы, а потомъ султаны и родоначальники брали у всякаго скотъ, который имъ нравился, безъ того, чтобы ихъ за это называли безчестными; они слышатъ и до сихъ поръ, какъ народные пѣвцы воспѣваютъ какихъ-то невѣдомыхъ намъ героевъ, чьихъ имена перешли въ дѣтскій эпосъ киргизовъ, за ихъ лихіе наѣзды на далекіе аулы враждебныхъ родовъ, съ цѣлью угона скота; они видятъ *даже теперь*, что воръ, по причинамъ, о которыхъ говорено выше, можетъ оставаться безнаказаннымъ. Если скотъ выкрадывался прежде всѣми уважаемыми людьми, если и теперь воръ можетъ безъ труда уклоняться отъ суда,—значитъ отгонъ чужого скота дѣло не особенно злое и, во всякомъ случаѣ, занятіе очень выгодное. Такъ дѣлалось отцами и дѣдами киргизовъ, такъ дѣлается ими и теперь. Вся задача въ томъ, чтобы спрятать слѣды угнаннаго скота, чтобы пострадавшій не могъ узнать, гдѣ онъ находится. Если же и отыщутъ украденное, если бѣи и постановятъ приговоръ, то когда еще онъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

Противорѣчіе между русскими законами и киргизскимъ обычнымъ правомъ. Гораздо хуже воровства неумѣнье

согласовать свое поведеніе съ тѣми требованіями обычнаго права, которое, по сознанію всѣхъ киргизовъ, портитъ репутацію человѣка. Гораздо постыднѣе, если, на примѣръ, женихъ, при своихъ тайныхъ, но извѣстныхъ всѣмъ и допускаемыхъ обычнымъ правомъ, посѣщеніяхъ невѣсты, встрѣтивши отца или мать послѣдней, не покажетъ вида, что онъ прячется или убѣгаетъ. Тогда обычное право налагаетъ на нарушителя приличія штрафъ (атъ-тунъ-аипъ) въ лошадь и халатъ. Свиданіе же невѣсты съ родителями жениха есть актъ такого развращенія нравовъ, что за то должны отвѣчать значительнымъ штрафомъ не только родители, не давшіе дочери нравственныхъ основаній, но и всѣ ея родственники.

И такъ во всемъ. Вещи, кажущіяся намъ естественными, киргизамъ представляются ненормальными. Еще болѣе киргизскихъ обычаевъ кажутся намъ лишенными всякаго смысла, а иногда скверными и безнравственными, а имъ хорошими, умными и нравственными.

Какъ помирить передъ однимъ и тѣмъ же закономъ эти азіатскія воззрѣнія съ европейской точкой зрѣнія, которая не только отличается, но иногда прямо противоположна степному праву, родившемуся не вчера, а много вѣковъ тому назадъ, и санкціонированному славными преданіями монгольской исторіи XIII, XIV и XV вѣковъ? При этомъ невольно хочется спросить тѣхъ лицъ, которыя желали бы замѣны въ степи обычнаго права русскими законами, какимъ образомъ полагаютъ они достигнуть этого для неважныхъ и неимѣющихъ государственнаго значенія проступковъ и преступленій, когда русская администрація вотъ уже девять лѣтъ не была въ состояніи преслѣдовать нашими уголовными законами такого важнаго преступленія, какъ баранта?

Понятно, что киргизская жизнь едва ли выиграетъ

отъ неожиданнаго замѣненія обычнаго права законами, постепенно формировавшимися при чуждыхъ степямъ условіяхъ, матеріальныхъ и нравственныхъ. Остаются общегосударственныя цѣли, ссылаться на которыя такъ удобно, когда благонамѣренныя, но смутно сознаваемыя цѣли не подкрѣпляются дѣйствительными знаніями людей, съ которыми имѣешь дѣло.

Требуяють ли государственные интересы уничтоженія народнаго суда? Мнѣ неизвѣстно, чтобы государственные интересы требовали внесенія въ жизнь мирныхъ и преданныхъ Россіи кочевниковъ такихъ элементовъ, которые, несмотря на ихъ относительную разумность, перевернули бы кверху дномъ ихъ жизнь, ихъ хозяйство, ихъ изстари заведенные порядки. Государственныя цѣли, какъ кажется, требуютъ другого, и это другое называется политическою выдержкою, умѣньемъ ждать и понимать то время, когда измѣнившаяся жизнь потребуетъ пропорціональнаго измѣненія законовъ, измѣненія постепеннаго, логически вытекающаго изъ дѣйствительныхъ нуждъ и народившихся потребностей.

Въ этомъ случаѣ можно сослаться и на прошлое Россіи, полное указаніями на тотъ способъ дѣйствій съ азіатцами, который всегда приводилъ къ самымъ лучшимъ и самымъ быстрымъ результатамъ. Со времени Ивана III наше государство постепенно поглощало выходцевъ изъ Средней Азіи и дѣлало это прежде всего безъ насильственнаго ихъ подчиненія русскимъ законамъ. Въ 1600 году Касимовскимъ царемъ былъ назначенъ Уразъ-Магометъ, киргизъ ханскаго семейства, и онъ управлялъ городомъ Касимовымъ съ его округомъ на основаніи широкихъ правъ полунезависимаго владѣтеля, что не мѣшало ему драться со своими беками и мир-зми въ рядахъ русскихъ войскъ противъ шведовъ и

крымцевъ ¹⁾. Почти такимъ же образомъ были поставлены и другіе цари, царевичи и князья татарскаго происхожденія, наводнявшіе Россію, со своими карачіями, атталыками, беками, мирзами и ордами. Подъ условіемъ вѣрной службы государству, имъ была предоставлена свобода распоряжаться какъ хотятъ своими внутренними дѣлами, на которыя никогда не поднимали руки бояре, жившіе при татарскихъ царяхъ въ качествѣ приставовъ и руководителей. Мудрая политика московскихъ царей имѣла своимъ послѣдствіемъ превращеніе сотенъ тысячъ людей тюркско - монгольскаго происхожденія въ чисто русскихъ, и это достигнуто безъ всякихъ болѣзненныхъ потрясеній, борьбы и антагонизма. Были въ послѣдствіи и отклоненія отъ завѣщанной нашими предками программы дѣйствій, но эти отклоненія являлись либо подъ давленіемъ крайней необходимости, либо не увѣнчивались полнымъ успѣхомъ.

Сознавая, что право, охраняющее личное и имущественное положеніе киргизовъ, обезпечить на самомъ дѣлѣ ихъ положеніе только въ томъ случаѣ, когда станетъ отвѣчать ихъ потребностямъ и *вытекать изъ кочевой жизни*, правительство и не дало имъ въ руководство непонятныхъ и непреложимыхъ русскихъ законовъ. Нынѣ дѣйствующимъ «Положеніемъ» оно предоставило киргизамъ право вѣдаться своимъ народнымъ судомъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ тѣхъ, которыя могли бы грозить общественной безопасности или интересамъ государства. Иначе говоря, обезпечивъ киргизовъ отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ смутъ, правительство предоставило имъ возможность развивать свою жизнь нормально и безо всякой внѣшней ломки. Это есть почти пунктуаль-

¹⁾ Уразъ-Магометъ, правнукъ основателя киргизскаго царства Джаныбека и племянникъ извѣстнаго хана Тевкеля, взятъ, какъ кажется, въ плѣнъ воеводою Чулковымъ, въ Сибири, въ 1588 году.

ное повтореніе программы дѣйствій, оправданной вѣковымъ опытомъ русской исторіи.

На основаніи сказаннаго, я прошу уѣздныхъ начальниковъ придти къ сознанию, что правительство удержитъ у киргизовъ ихъ основанный на обычномъ правѣ судъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ имъ довольствоваться и пока степная жизнь не усложнится настолько, чтобы потребовать новыхъ законовъ и лучшихъ обезпеченій права. Думаю, что эта точка зрѣнія поможетъ уѣзднымъ начальникамъ посмотрѣть серьезными глазами на судъ біевъ, представляющій киргизу единственную гарантію его личной и имущественной неприкосновенности.

Средство къ ослабленію неподвижности степной жизни. Установивши эту основную точку зрѣнія, я не сочту *теперь рискованнымъ* передать уѣзднымъ начальникамъ тѣ соображенія, руководствуясь которыми *нужно стараться ослаблять кочность и неподвижность киргизской жизни.*

Выше было сказано, что законы часто упреждаютъ жизнь массъ и что если это упрежденіе слишкомъ велико, оно ведетъ къ расколу съ людьми, для которыхъ они написаны, почему послѣдніе станутъ тогда жить своею обособленною, не связанною съ законодательствомъ жизнью. Упрежденіе, сравнительно незначительное, не только естественно и возможно, но придаетъ законамъ благотворное воспитательное значеніе. Далѣе говорилось, что понятія киргизовъ почти прямо противоположны понятіямъ русскихъ о правѣ. Основываясь на этомъ нельзя однако утверждать, чтобы у киргизовъ и русскихъ не было сходства въ воззрѣніяхъ на тѣ стороны кочевой жизни, *которыя получили въ степяхъ свое начало подъ вліяніемъ русскаго правительства и русскаго владычества.* Можетъ быть къ этимъ нарождающимся

сторонамъ киргизской жизни и возможно уже приложение нѣкоторыхъ русскихъ законовъ, подѣ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы не касаться основныхъ началъ кочевого быта.

Не задаваясь, слѣдовательно, грандіозными проектами о замѣненіи въ степи обычнаго права законами, необходимо присматриваться не появилось ли у киргизовъ такихъ сторонъ жизни, оградить которыя можно не отставшимъ отъ нихъ обычнымъ правомъ, а постановленіями, заимствованными изъ русскихъ законовъ. Намеки на это существуютъ. Чтобы уяснить мою мысль, приведу примѣръ:

Поземельныя дѣла. §§ 214, 215 и 216 «Положенія» опредѣляютъ порядокъ распредѣленія зимовыхъ стойбищъ и рѣшенія поземельныхъ споровъ. То и другое окончательно рѣшается для цѣлыхъ волостей особыми выборными, а для ауловъ и отдѣльныхъ лицъ—волостнымъ съѣздомъ и аульнымъ сходомъ выборныхъ. Слѣдовательно, огромною властью безапелляціоннаго рѣшенія дѣлъ по распредѣленію зимовокъ и поземельнымъ спорамъ облечены тѣ самые выборные, которые баллотируютъ волостного управителя и аульнаго старшину. Связанные съ этими лицами либо родствомъ, либо общностью интересовъ, либо уваженіемъ, выразившимся самымъ выборомъ, пятидесятники и десятники подпадаютъ еще подѣ большее ихъ вліяніе, когда волостной и аульный станутъ дѣйствительными властями. Волостные выборные измѣняютъ или утверждаютъ границы между зимовками ауловъ; но десятники могутъ, по своему усмотрѣнію видоизмѣнять поземельныя владѣнія отдѣльнаго лица, т. е. вліять на матеріальное положеніе каждаго киргиза. Выше, въ рубрикѣ «политико-административная сторона киргизской жизни», было сказано, какимъ ничтожнымъ количествомъ вліянія пользуются выборные,

особенно десятники, которые, однако, въ поземельныхъ дѣлахъ имѣютъ огромное значеніе. А такъ какъ десятники всецѣло подчиняются волостному управителю, то на послѣдняго и нужно смотрѣть какъ на дѣйствительнаго вершителя и распорядителя по всѣмъ поземельнымъ дѣламъ. Этимъ объясняется масса мною получаемыхъ жалобъ на стѣсненія, испытываемыя киргизами въ поземельномъ пользованіи со стороны волостныхъ и аульныхъ, и на произволь, который позволяютъ себѣ въ поземельныхъ дѣлахъ ихъ родственники, друзья и вліятельныя лица. При возникающихъ жалобахъ выборные всегда оказываются на сторонѣ властей и покровительствуемыхъ ими лицъ, почему волостные пользуются избирательнымъ періодомъ для захвата себѣ и близкимъ людямъ лучшихъ земельныхъ угодій. Противъ злоупотребленій подобнаго рода будетъ безсильна власть русской администраціи до тѣхъ поръ, покуда поземельныя дѣла не передадутся въ руки людей заинтересованныхъ въ томъ, чтобы рѣшать ихъ безпристрастно и согласно съ интересами большинства.

Иногда даже, видя невѣрность въ рѣшеніи поземельнаго спора, я не могъ вмѣшиваться въ дѣло, которое, согласно «Положенія», рѣшается *окончательно* приговоромъ выборныхъ, и, для удовлетворенія справедливыхъ жалобъ, долженъ былъ своимъ личнымъ вліяніемъ устраивать полюбовныя соглашенія.

Вслѣдствіе того, что выборные, по своему существу, не въ состояніи удовлетворить киргизскихъ нуждъ по поземельнымъ дѣламъ, что эти дѣла рѣшаются произвольно и лицепріятно, поземельные споры подаютъ поводъ къ весьма частымъ нарушеніямъ законовъ.

По цифрамъ, приведеннымъ въ порядокъ старшимъ чиновникомъ для порученій, Оводовымъ, оказывается, что за восемь лѣтъ число преступленій, совершенныхъ

киргизами и сужденныхъ въ Тургайскомъ областномъ правленіи по русскимъ законамъ, было:

Уѣзды	Число случаевъ.	Число подсудимыхъ.
Илецкій	26	99
Николаевскій	26	78
Иргизскій	19	73
Тургайскій	16	91
Итого.	87	341

По своему характеру, преступленія распредѣляются:

Уѣзды.	Драки съ убій- ствомъ и пора- женіемъ.		Поджоги.		Грабежи, кра- жи и растраты.	
	случ.	лиц.	случ.	лиц.	случ.	лиц.
Илецкій	32	116	9	24	11	37
Николаевскій						
Иргизскій	25	130	1	2	9	32
Тургайскій						
Итого	56	246	10	26	20	69

Такимъ образомъ, драки составляли почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ случаевъ преступленій и около $\frac{3}{4}$ всего числа подсудимыхъ.

Драки происходили изъ-за:

Уѣзды.	Зимовокъ, сѣнокоса, волопоя и скота:		Споровъ о вещахъ и долгахъ:		Любовныхъ связей и се- мейныхъ дѣлъ:		Подозрѣнія въ кражѣ и кражи:		По неиз- вѣстнымъ причи- намъ:	
	случ.	лиц.	случ.	лиц.	случ.	лиц.	случ.	лиц.	случ.	лиц.
Илецкій	14	79	5	5	5	12	1	6	7	14
Николаевскій										
Иргизскій	12	76	1	1	4	20	3	20	5	13
Тургайскій										
Итого	26	155	6	6	9	32	4	26	12	27

Слѣдовательно, поземельные споры принимаются мирными киргизами къ сердцу и ведутъ къ ряду преступ-

леній, составлявшихъ главную часть дѣлъ, разбиравшихся до сихъ поръ по русскимъ законамъ. Зависитъ ли это, какъ можно думать, отъ того, что выборные, какъ учрежденіе, предназначенное для рѣшенія поземельныхъ дѣлъ, не удовлетворяютъ своему назначенію, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, основываясь на жалобахъ киргизовъ и на мнѣніи уѣздныхъ начальниковъ, естественно желать, чтобы эти дѣла рѣшались людьми, болѣе беспристрастными, болѣе независимыми и менѣе подчиненными волостнымъ управителямъ.

Въ виду подобнаго положенія дѣлъ, казалось бы полезнымъ собрать необходимыя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, а потомъ рѣшить—нельзя ли примѣнить къ киргизамъ общіе законы Имперіи, по которымъ право рѣшать поземельныя дѣла въ волости, а равно передѣлъ угодій, предоставлено міру, т. е. собранію всѣхъ домовладѣльцевъ. Такъ какъ киргизская волость разбросана на слишкомъ большое разстояніе, то нельзя ли принять за единицу аулъ и аульному сходу всѣхъ кибитковладѣльцевъ предоставить право окончательно рѣшать всѣ поземельные споры между киргизами одного и того же аула? Ежегодное распредѣленіе покосовъ, существующихъ кое-гдѣ въ области какъ общее достояніе волости, послѣ того какъ они подѣляются между аулами, слѣдовало бы также поручить кибитковладѣльцамъ. При этомъ законы, существующіе во всей Имперіи относительно дѣятельности волостныхъ сходовъ крестьянъ, могли бы быть примѣнены къ сходу кибитковладѣльцевъ аула.

Поземельные споры ауловъ и волостей, случающіеся гораздо рѣже и менѣе вліяющіе на право личного владѣнія, могли бы тогда рѣшаться либо судомъ біевъ, что было бы предпочтительнѣе, либо специально для того избираемыми лицами.

Прошу уѣздныхъ начальниковъ всѣ касающіеся этого

предмета факты и предположенія изложить въ особыхъ запискахъ, которыя и будутъ рассмотрѣны въ засѣданіи, имѣющемъ быть осенью настоящаго года.

Я убѣжденъ, что при внимательномъ знакомствѣ съ нуждами киргизовъ откроются и другія стороны ихъ жизни, которыя страдаютъ столько же отъ неудовлетворяющаго уже ихъ отсталаго права, сколько и отъ неимѣнія законовъ, которые содѣйствовали бы къ ихъ охранѣ и защитѣ. Подмѣтить это, изучить и, на основаніи твердыхъ фактовъ и сознательныхъ предположеній, постараться открыть свободный путь для безвозвратнаго развитія новыхъ сторонъ жизни—вотъ, наше дѣло, а не стремленіе къ радикальному переустройству всей юридической жизни киргизовъ.

О брачныхъ дѣлахъ. Ко всему вышеизложенному считаю не бесполезнымъ присовокупить нѣсколько словъ о семейныхъ и бракоразводныхъ дѣлахъ, которыя для насъ особенно важны потому, что на рѣшеніе по этому поводу народнаго суда приносятся жалобы начальнику уѣзда, а постановленія послѣдняго окончательно обжаловываются губернатору.

И въ этомъ случаѣ я рекомендую уѣзднымъ начальникамъ самую величайшую осмотрительность.

Обычай, изъ которыхъ сложилась жизнь киргизовъ, имѣютъ глубокіе корни въ далекомъ прошедшемъ, на что существуютъ несомнѣнные доказательства.

Папа Иннокентій IV, въ 1246 году, посылалъ къ Гаюкъ-хану, внуку Чингизъ-хана, особое посольство, во главѣ котораго стоялъ умный и наблюдательный францисканскій монахъ Плато-Карпини. Возвратясь изъ Монголіи, онъ издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ собралъ множество самыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для пониманія нравовъ и обычаевъ *нынѣшнихъ* киргизовъ. Особенно интересны главы 2-я и 3-я книги

II сочиненія Плано-Карпини, въ которыхъ онъ описываетъ законы, нравы и обычаи татаръ.

Несмотря на шесть слишкомъ вѣковъ, прошедшихъ со времени его путешествія, въ жизни современныхъ киргизовъ совершенно отчетливо сохранились многіе слѣды татарскихъ обычаевъ, причемъ то, что прежде называлось преступленіемъ, теперь, по степному этикету, считается только неприличнымъ. Напримѣръ: извѣстно, что если кто, входя въ кибитку, наступитъ на порогъ, то киргизы считаютъ это верхомъ неприличія и большимъ невѣжествомъ относительно хозяина. Объяснить почему наступить на порогъ считается неприличнымъ, мнѣ не могъ ни одинъ изъ нѣсколькихъ десятковъ киргизовъ, которыхъ я объ этомъ спрашивалъ. Мы бы тоже не могли понять откуда могло взяться такое вполне условное понятіе объ оскорбленіи, еслибы Плано-Карпини не рассказалъ, что, по татарскому праву, того, кто наступалъ на порогъ, входя къ воеводѣ, протаскивали подъ отверстіе ставки (подъ кирече?) въ поле и безмилосердно убивали. Такихъ примѣровъ можно привести много. Очевидно, что если татарскіе обычаи неприкосновенно сохранились въ теченіе шести вѣковъ подъ киргизскою кибиткою, то болѣе чѣмъ вѣроятно предположеніе, что и нынѣ существующія условія семейной жизни имѣютъ свое основаніе въ давнемъ прошедшемъ. На это тоже можно привести доказательства.

Вотъ подлинный рассказъ Плано-Карпини, характеризующій точку зрѣнія татаръ на обязанности вдовъ и на права относительно ихъ братьевъ умершихъ мужей: «...однакоже въ бытность нашу тамъ случилось, что Андрей, герцогъ Сарвогльскій ¹⁾ въ Руссиі, обнесенъ былъ Батыю въ томъ, что онъ выводитъ татарскихъ лошадей изъ земли и продаетъ ихъ въ другихъ мѣстахъ,

¹⁾ Суздальскій.

и хотя уличить его въ этомъ не могли, однакоже убили. Меньшой его братъ, услыша объ этомъ, прибылъ со вдовою убитаго къ Батыю просить, чтобы не отнимали у него владѣнія. Батый сказалъ: *пристойность требуетъ, чтобы онъ женился на вдовѣ родного своего брата, а вдовѣ приказалъ выйти за него по обычаю татарскому*. Она отвѣчала, что скорѣе желаетъ быть убитою, нежели сдѣлать противное закону. Но сколько она ни противилась этому, однакоже онъ выдалъ ее за него, и обоихъ повели въ постель, и его, плачущаго и кричащаго, положили на нее, принуждая ихъ совершить бракъ не условнымъ, а дѣйствительнымъ образомъ»¹⁾.

Приведенныя слова Батыя въ настоящее время отъ слова до слова повторить каждый киргизъ, по мнѣнію котораго пристойность требуетъ, чтобы младшій братъ непременно женился на вдовѣ своего родного брата, и повторить съ тѣмъ же твердымъ убѣжденіемъ правоты, съ какимъ эти слова были сказаны 632 года тому назадъ.

Такимъ образомъ не мусульманствомъ киргизовъ нужно объяснять многіе ихъ семейные обычаи, а вѣковѣчными, вѣтвшими въ плоть и въ кровь преданіями монголо-языческаго періода. Этого намъ нельзя забывать при всякомъ рѣшеніи брачныхъ дѣлъ.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что брачныя дѣла киргизовъ имѣютъ характеръ денежной сдѣлки, такъ какъ прежде чѣмъ жена киргиза вступить въ его кибитку, онъ израсходуетъ на нее большія деньги. Калынгъ, или какъ мы его называемъ калымъ, плата за жену, состоитъ изъ разновременно вносимыхъ шести

¹⁾ Историческое сочиненіе Іоанна де-Плано-Карпини, котораго папа Иннокентій IV посылалъ посломъ къ татарамъ въ 1246 году. Переводъ Языкова 1825 года, глава 3, книга II, стран. 87.

Андрей герцогъ Сарвогльскій, по толкованію Карамзина, сынъ Мстислава Кіевскаго, убитаго при Калкѣ.

уплатъ, въ сложности составляющихъ цѣнность въ 100—150 штукъ крупнаго скота для богатыхъ людей, въ 75—100 для средняго состоянія и въ 10—40 для бѣдныхъ. Потому если родители невѣсты, взявши часть калыма, выдадутъ ее за другого, если жена захочетъ развестись съ мужемъ безъ указанія причинъ, допускаемыхъ обычнымъ правомъ, если умрутъ женихъ или невѣста, то все это влечетъ за собой весьма сложные денежные расчеты, подробно опредѣляемые степнымъ правомъ.

Точно также необходимо помнить, что нежеланіе вдовы выходить замужъ за брата умершаго иногда во все еще не обозначаетъ, что это нежеланіе подсказано ей понятнымъ намъ чувствомъ, а просто выражаетъ денежные соображенія, по которымъ, выходя замужъ за постороннее лицо, вдова можетъ получить вдовій калымъ.

Сознавая, что семейныя формы киргизской жизни окостенѣли въ теченіе вѣковъ, что эти формы очень сложны и не могутъ быть поняты безъ подробнаго изученія, я, какъ во всемъ, что говорилось въ настоящей запискѣ, прошу уѣздныхъ начальниковъ прежде всего изучить семейную жизнь киргизовъ въ возможно большей подробности. Затѣмъ я совѣтовалъ бы не рѣшать семейныя и особенно бракоразводныя дѣла легко и *на основаніи только европейской точки зрѣнія*, а предварительно вникнуть во всѣ усложненія вопроса и постараться понять побужденія стороны, требующей развода. Такая осмотрительность болѣе всего у мѣста въ томъ случаѣ, когда уѣздный начальникъ будетъ принужденъ сдѣлать постановленіе, несогласное съ приговоромъ суда. Было бы также неудобно легко поддаваться тѣмъ женщинамъ, которыя захотятъ достигнуть своей цѣли помощью не народнаго суда, а прямымъ обращеніемъ къ уѣздному начальнику. Неосторожное или неполнѣ вѣрное постановленіе, сдѣланное уѣзднымъ начальникомъ,

можетъ безъ всякой пользы оскорбить нравственное чувство киргизовъ.

Вообще и въ этого рода дѣлахъ я посовѣтовалъ бы, прежде чѣмъ рѣшать что либо, взвѣсить дѣйствительно ли на практикѣ извѣстныя распоряженія будутъ имѣть желаемыя послѣдствія, а не другія, прямо противоположныя нашимъ намѣреніямъ.

IV.

Финансовая сторона киргизской жизни.

Прежніе способы взиманія податей и сборовъ. Въ отдѣлѣ о политико-административной сторонѣ киргизской жизни упоминалось уже о томъ, что киргизы были включены въ составъ Имперіи въ томъ недодѣланномъ видѣ, когда ихъ жизнь начала терять патріархальный складъ, но не приняла еще окончательно государственныхъ формъ. Это переходное состояніе, и до сихъ поръ существующее въ независимыхъ ханствахъ Средней Азіи, сопровождалось произволомъ, который казался естественнымъ, потому что ханы пользовались и государственною властью, и правами отца. Особенно былъ великъ и вреденъ произволъ по части финансовой, задержавшій на цѣлые вѣка экономическое развитіе страны.

Во время управленія хановъ, въ степи не существовало правильно установленныхъ податей. Какъ сами ханы, такъ и родоначальники находили источникъ доходовъ либо въ сборѣ добровольныхъ приношеній, либо въ насильственныхъ поборахъ. Эта основная система воспособлялась еще чѣмъ-то подобнымъ повинностямъ, имѣвшимъ характеръ болѣе правильный и болѣе напоминающій наши сборы. Такимъ образомъ, ханы во время непрерывныхъ объѣздовъ степи принимали приносимыя имъ жалобы и на мѣстѣ производили судъ и

расправу, помощью всегда сопровождавших ихъ наслѣдственныхъ народныхъ судей—«біевъ». По разборѣ дѣла и постановленіи приговора, біи опредѣляли съ виновныхъ штрафъ въ пользу хана, въ размѣрѣ, зависящемъ отъ важности преступленія. Этотъ штрафъ назывался «ханлыкъ». Въ свою очередь, ханъ, получивши увѣдомленіе объ опредѣленіи ханлыка, назначалъ «бійлыкъ» — вознагражденіе судьямъ, опредѣлявшееся въ извѣстномъ соотношеніи къ размѣрамъ ханлыка. Такимъ же порядкомъ взыскивались тяжелые «тогузы», штрафы, иногда разорявшіе не только отдѣльныя личности, но и цѣлые роды, за ослушаніе ханской власти. Эти штрафы выплачивались одновременно съ принесеніемъ повинной и составляли значительную статью ханскихъ доходовъ.

Съ уничтоженіемъ въ степи ханской власти, взиманіе добровольныхъ сборовъ, ханлыка и тогузовъ въ пользу старшихъ султановъ и султановъ-правителей не только продолжалось попрежнему, но даже терпѣлось нашими законами въ формѣ весьма неопредѣленной. Такъ, во второмъ томѣ, книгѣ VII, статьѣ 279 (изданія 1842 года) говорится: «равномѣрно могутъ киргизы, по ихъ обыкновенію, давать вспоможеніе своимъ султанамъ». При этомъ рекомендовалось только наблюдать, чтобы «пособія сіи не были вынуждаемы» (ст. 280).

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ ханской власти, киргизы Оренбургскаго вѣдомства были обложены кибиточною податью, въ размѣрѣ 1½ р. съ кибитки, а Сибирскаго — ясачнымъ сборомъ. Сибирскіе киргизы платили ясачный сборъ со скота въ размѣрѣ одной головы со ста штукъ, безъ включенія въ этотъ сборъ верблюдовъ. Количество киргизскаго скота исчислялось окружными приказами разъ въ три года, самый же ясакъ собирался ежегодно по волостямъ. Лошади, принятые въ счетъ ясака, обращались прежде всего на удовлетвореніе нуждъ

Военного Министерства; остающаяся же ихъ часть, вмѣстѣ съ другими родами ясачнаго скота, продавалась при таможняхъ, а вырученныя деньги обращались въ доходы Государственнаго Казначейства.

Опытъ доказалъ, что, несмотря на теоретическую справедливость ясачнаго сбора, на практикѣ исчисленіе киргизскаго скота, взиманіе ясака, браковка скота и затѣмъ его продажа вели къ самымъ многообразнымъ злоупотребленіямъ со стороны толмачей и чиновъ окружныхъ приказовъ.

Кромѣ кибиточной подати и ясачнаго сбора, на обязанность киргизовъ, особенно сибирскихъ, возлагалось поддержаніе сообщеній между аулами, волостями, родами, окружными приказами и ставками султановъ-правителей, а равно провозъ чиновниковъ, посылаемыхъ въ степь по дѣламъ службы. Кромѣ того, киргизскія власти производили по ауламъ разные сборы въ свою личную пользу. До введенія въ дѣйствіе новаго «Положенія», чегынъ (такъ называютъ киргизы сумму всѣхъ повинностей и сборовъ, имѣющихъ характеръ земскій) ложился на киргизовъ тяжелымъ бременемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чегынъ достигалъ цифры, превышающей вдвое государственныя подати.

Кибиточная подать. Въ настоящее время всѣ киргизы платятъ кибиточную подать по расчету три руб. съ кибитки. Законъ дѣлаетъ только исключеніе для потомковъ хановъ Валія и Букея и семействъ: хана Ширгазы Айчувакова, султановъ Баймугамета Айчувакова, Ахмета и Араслана Джантюриныхъ, а равно семействъ киргизовъ, убитыхъ и раненыхъ въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ въ 1844 году противъ мятежнаго султана Кенисары Касимова. Сумма податей, слѣдующихъ съ волости, раскладывается волостнымъ съѣздомъ выборныхъ на аулы, по ихъ благосостоянію, а въ аулахъ кибитковладѣль-

цевъ—по состоянію каждаго. Послѣдняя раскладка, представляющая для киргизовъ чрезвычайную важность, производится аульнымъ сходомъ выборныхъ. Относительно натуральныхъ повинностей и сборовъ, имѣющихъ характеръ земскихъ, въ законахъ перечислено все, что киргизы обязаны отбывать натурою или деньгами.

Въ основаніи ясачный сборъ былъ совершенно справедливъ, но на практикѣ порядокъ его взиманія влекъ за собой вопіющія злоупотребленія и притѣсненія. Нынѣ дѣйствующіе законы, устанавливая кибиточную подать, уничтожили только исчисленіе скота и уплату податей натурою, но удержали во всей силѣ основной принципъ ясачнаго сбора, т. е. взиманіе подати *пропорціонально состоянію каждаго плательщика*. Новое «Положеніе» постановило, что сумма податей, слѣдующихъ съ волости, опредѣляется отъ помноженія числа кибитокъ на три, при чемъ законъ вовсе не обязываетъ каждаго кибитковладѣльца платить именно три руб., а указываетъ только администраціи способъ опредѣленія общей цифры, которую она должна взыскивать съ волости. По опредѣленіи общей цифры податей, слѣдующей съ волости, *должна* быть произведена раскладка этой цифры по ауламъ и кибитковладѣльцамъ, согласно ихъ благосостоянію. Мало того, законъ предоставляетъ аульному сходу право даже совершенно освобождать бѣдныхъ киргизовъ отъ уплаты податей, со взносомъ недостающей суммы болѣе богатыми киргизами.

Во время ревизіи области я убѣдился, что этотъ законъ вовсе не соблюдается, такъ какъ каждый кибитковладѣлецъ вноситъ не сумму, пропорціональную его состоянію, а просто три руб. Нѣкоторое счастливое исключеніе составляютъ только двѣ волости Тургайскаго уѣзда, гдѣ произведена раскладка податей, хотя и не совершенно пропорціонально состоянію. Такимъ образомъ на практикѣ кибиточная подать, т. е. подать съ

дохода, превратилась въ подымную подать, почему, вѣроятно, киргизы и называютъ ее податью съ «чагарака», отверстія въ кибиткѣ, черезъ которое выходитъ дымъ.

Какими путями произошло такое рѣзкое нарушеніе духа и буквы закона? Зависѣло ли это отъ преднамѣреннаго искаженія закона мѣстными киргизскими властями, или отъ негодности института выборныхъ, обязанныхъ производить раскладку, или въ томъ виновата бездѣтельность уѣздныхъ начальниковъ?

Полагаю, что законъ былъ обойденъ въ зависимости отъ всѣхъ трехъ причинъ, т. е. и по винѣ волостныхъ, и по несостоятельности выборныхъ, и по бездѣтельности въ этомъ важномъ дѣлѣ уѣздныхъ начальниковъ.

Волостной управитель почти всегда принадлежитъ къ числу состоятельныхъ людей, потому онъ лично имѣетъ основаніе дѣйствовать всѣми путями, чтобы парализовать законъ, который требуетъ отъ богатыхъ людей большихъ податныхъ платежей, чѣмъ отъ киргизовъ бѣдныхъ и неимущихъ. Родные волостного управителя, знакомые и пріятели, большею частью люди достаточные, равно какъ и его ближайшіе помощники—аульные старшины. Слѣдовательно, у него подъ руками, такъ сказать, цѣлая вліятельная партія, интересъ которой заключается именно въ томъ, чтобы обратить кибиточную подать въ подымную, равную для бѣдныхъ и богатыхъ.

Выше я говорилъ, что бѣдные люди въ киргизской степи суть люди презрѣнные, и во всякомъ случаѣ не представляютъ на глазъ волостного управителя какой бы то ни было цѣны. Между тѣмъ вліяніемъ богатыхъ людей онъ выбранъ, ихъ поддержка для него важна, ихъ неудовольствіе обращается въ опасную для него агитацію, которая обыкновенно разрѣшается цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе справедливыхъ жалобъ. Первые кричатъ, но не смѣютъ говорить, вторые же прямо

заявляютъ, что не хотятъ платить за другихъ, и еели волостной захочетъ принять сторону бѣдныхъ, богатые сейчасъ же начнутъ вредить ему всѣми способами. Вотъ причины того единодушія, съ которымъ всѣ лица мѣстной администраціи и всѣ «хорошіе» киргизы—а съ этими двумя категоріями уѣздные начальники только и приходятъ въ столкновеніе—стоятъ противъ неудобной для нихъ раскладки податей по состояніямъ. Если уѣздному начальнику и придется говорить съ бѣднымъ, то, какъ можно думать, онъ ограничиваетъ этотъ разговоръ поводомъ, заставившимъ его обратиться къ высшей русской власти въ степи и, вѣроятно, никогда не спрашиваетъ о нуждахъ и положеніи неимущихъ людей. Наконецъ, самый разговоръ происходитъ всегда при равныхъ свидѣтеляхъ, въ родѣ волостного управителя или «хорошаго» человѣка. Чтобы надежнѣе зажать ротъ бѣднымъ, богатые киргизы, какъ это мнѣ хорошо извѣстно, распустили въ степи слухъ будто въ русскихъ законахъ написано, что, если бѣдные откажутся вносить кибиточную подать, то ихъ зимовки должны быть подѣлены между тѣми лицами, которыя станутъ, вмѣсто нихъ доплачивать недостающую сумму податей.

Выше было уже говорено въ какой степени не удовлетворяютъ своему назначенію волостные и аульные выборные относительно поземельныхъ дѣлъ. Эти выборные чаще всего вовсе не выбираются, а назначаются мѣстными властями, потому вѣроятно еще легче смѣняются ими, и, во всякомъ случаѣ, состоятъ подъ полнымъ и непосредственнымъ ихъ вліяніемъ. Послѣднее рѣзко выражается установившимся порядкомъ, по которому пятидесятники и десятники исполняютъ по приказаніямъ волостныхъ и аульных всякія порученія совершенно такъ же, какъ въ нашихъ деревняхъ это дѣлаютъ сотскіе и десятскіе. По отношенію къ раскладкѣ податей волостные и аульные выборные тоже

совершенно безгласны. Они не смѣютъ противорѣчить волостному, аульнымъ и своимъ богатымъ одноаульцамъ, такъ какъ иначе ихъ сейчасъ же сгонять съ мѣстъ и начать притѣснять всевозможными способами. Такимъ образомъ они молчатъ либо потому, что не рискуютъ произвести раскладку по состояніямъ, либо, можетъ быть, потому, что не вполне понимаютъ свои права.

Слѣдовательно, противъ раскладки стоитъ мѣстная администрація, въ лицѣ аульныхъ и волостныхъ, и всѣ состоятельные люди. Выборные же не хотятъ помочь дѣлу или не понимаютъ какъ это сдѣлать.

Есть еще какія-то мѣры и средства, которыя пущены въ ходъ, чтобы заставить бѣдныхъ киргизовъ молчать. Я ихъ не знаю, но не сомнѣваюсь ни на одну минуту, что они практикуются. При моихъ разспросахъ, я невольно замѣчалъ испугъ, который у наиболѣе бѣдныхъ киргизовъ обнаруживался сейчасъ же, когда рѣчь касалась вопроса—почему аульный сходъ не освободилъ ихъ отъ податей. Встревоженный бѣднякъ въ этомъ случаѣ говорилъ обыкновенно несвязныя рѣчи, но его глаза, обращенные на важныхъ киргизовъ съ настойчивою просьбою выручить, поясняли, что онъ недоумѣвалъ такъ ли онъ сказалъ, и не сказалъ ли чего не нравящагося богатымъ.

При такомъ положеніи вещей бѣдные платятъ подати въ равной цифрѣ съ богатыми и платятъ ихъ безропотно, по крайней мѣрѣ безъ ропота, котораго можно подмѣтить. Этому не мало содѣйствуетъ убѣжденіе бѣдныхъ, что *русская власть знаетъ положеніе дѣла и не приходитъ къ нимъ на помощь*. Въ силу всего сказаннаго, противузаконный порядокъ вещей принялъ характеръ какъ бы нормальнаго и естественнаго, и дѣло идетъ будто ко всеобщему удовольствію, на самомъ же дѣлѣ такъ, какъ этого желаютъ богатые киргизы.

Начальники уѣздовъ видѣли все это и относились

къ дѣлу совершенно равнодушно. Они не считали нужнымъ охранять киргизовъ отъ своекорыстія богатыхъ, именно потому, что *вѣрили* донесеніямъ волостныхъ — будто киргизы не хотятъ производить раскладку и будто бѣдные люди желаютъ платить столько же, сколько богатые. Этимъ они сдѣлали много вреда и народу и тому пониманію, на которомъ послѣдній долженъ стоять относительно правительственныхъ намѣреній. Потому считаю нужнымъ поставить уѣздныхъ начальниковъ на вѣрную точку зрѣнія по отношенію къ порядку взиманія кибиточной подати.

По прямому смыслу §§ 178 и 181 «Положенія», раскладка податей на аулы и кибитковладѣльцевъ *не рекомендуется* закономъ, но *предписывается* имъ къ исполненію. Это не совѣтъ, данный намъ; это приказаніе, за неисполненіе котораго всѣ мы отвѣтственны. Потому не просить волостныхъ и аульных выборныхъ нужно о раскладкѣ, а приказывать имъ это. Если законъ нашелъ не цѣлесообразнымъ производить раскладку помощью администраціи, а возложилъ ее на выборныхъ, то это вовсе не значитъ, что послѣдніе имѣли бы право не исполнять закона. Съѣздъ и сходъ выборныхъ въ подобномъ случаѣ представляется *органами, обязанными исполнять* то, что имъ предназначено «Положеніемъ», и менѣе всего имѣющими право отмѣнять или искажать именно обязательный для себя законъ.

Благодаря составившейся девятилѣтней рутинѣ и невѣрному направленію, данному этому дѣлу администраціей, нынѣшніе органы по раскладкѣ податей слишкомъ испорчены, чтобы быть надежными для того орудіями. Помимо того, какъ сказано выше, волостные управители заинтересованы именно въ парализованіи закона о раскладкѣ, а волостные и аульные выборные не въ состояніи быть имъ противовѣсомъ. Потому я полагаю бы полезнымъ право раскладки податей *на аулы* возложить

на особо выбранныхъ киргизовъ по одному человѣку со ста кибитокъ, т. е. приблизительно по одному отъ каждаго аула, а право раскладки на *отдѣльныхъ личностей* передать всѣмъ кибитковладѣльцамъ, т. е. самимъ плательщикамъ. При такомъ условіи кибитковладѣльцы не только не подчинятся вліянію богатыхъ людей, но ради своихъ *личныхъ интересовъ* наложатъ на послѣднихъ ту часть податей и сборовъ, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительному ихъ состоянію. Представляя обезпеченное и законоправное большинство, люди бѣдные и средняго состоянія естественнымъ образомъ будутъ стремиться охранить это большинство отъ несправедливостей со стороны богатыхъ, т. е. возстановятъ законъ, который до сихъ поръ не соблюдался.

Кибиточная подать по расчету 3-хъ рублей съ кибитки не представляется тяжелою; есть даже факты, доказывающіе, что эта подать много ниже среднихъ плательныхъ силъ киргизовъ. Но если платить въ годъ 3 руб. не представляется затруднительнымъ для киргиза средняго состоянія, то та же цифра окажется обременительною для бѣдняка, имѣющаго нѣсколько головъ скота. Потому практикующійся теперь способъ взиманія податей, при которомъ наибольшая тяжесть ложится на бѣдныхъ, представляется средствомъ къ экономическому разстройству наименѣ состоятельныхъ киргизовъ. Это соображеніе тѣмъ болѣе убѣждаетъ меня въ необходимости измѣненія порядка сбора податей, существовавшаго въ области до сихъ поръ.

Потому предписываю уѣзднымъ начальникамъ къ исполненію: 1) настоять, чтобы цифра податей, лежащая на волость, непременно раскладывалась на аулы, въ пропорціи съ ихъ благосостояніемъ; 2) чтобы цифра податей съ аула неупустительно раскладывалась на плательщиковъ по ихъ состоянію; 3) предлагаю также сообразить не будетъ ли удобно передать право рас-

кладки податей аульному сходу всѣхъ кибитковладѣльцевъ, чѣмъ мы приблизимся къ общимъ законамъ Имперіи съ большею пользою для дѣла. Вышеизложенное прошу сообразить по связи съ правомъ кибитковладѣльцевъ рѣшать, въ предѣлахъ аульной территоріи, всѣ поземельные споры, какъ это мною уже предложено уѣзднымъ начальникамъ въ рубрикѣ «юридическая сторона киргизской жизни».

Говоря про кибиточную подать, я не могу умолчать объ одномъ возмутительномъ приѣмѣ, употребляемомъ киргизскими властями при ея взиманіи. Такъ какъ съ бѣдныхъ людей взимается полная цифра кибиточной подати, то, по неимѣнію денегъ, они часто бываютъ поставлены въ невозможность уплатить немедленно требуемую сумму. Это затрудненіе на практикѣ стало разрѣшаться тѣмъ, что волостной управитель уплачивалъ за несостоятельнаго плательщика изъ собственныхъ или, вѣрнѣе, общественныхъ суммъ. Затѣмъ, какъ только волостной управитель узнавалъ, что его должникъ получалъ или зарабатывалъ деньги, онъ взыскивалъ съ него долгъ, съ надбавкою ста и болѣе процентовъ. Мнѣ было это рассказано киргизами въ трехъ мѣстахъ области. Самый же способъ рассказа доказывалъ, что ростовщичество волостныхъ и аульных—дѣло обыкновенное и весьма распространенное.

Обращаю на изложенное обстоятельство серьезное вниманіе уѣздныхъ начальниковъ.

Повинности и сборы. Дѣла по взиманію натуральныхъ повинностей и земскихъ сборовъ находятся еще въ худшемъ положеніи.

Согласно дѣйствующимъ законамъ, киргизы обязаны содержать чиновъ мѣстной администраціи, доставлять чиновникамъ, слѣдующимъ не по почтовымъ трактамъ, средства на проѣздъ, исправлять почтовые и кочевые

пути, выставлять кибитки для больныхъ и командируемыхъ въ степь чиновниковъ и доставлять послѣднимъ топливо. Эти повинности отбываются натурою или деньгами. Денежными сборами отбываются также всѣ расходы, устанавливаемые самими киргизами на удовлетвореніе разныхъ общественныхъ потребностей.

Зная изъ тщательнаго изученія степи въ продолженіе 1865, 1866, 1867 и 1868 годовъ, какъ тяжело отзывалась на киргизской жизни неправильность въ сборѣ чегына, и какъ велики при этомъ были злоупотребленія киргизскихъ властей, я, при произведенной ревизіи, обратилъ на этотъ предметъ особенное вниманіе. Къ величайшему моему удивленію оказалось, что порядки по сбору чегына, существовавшіе до введенія въ дѣйствіе новаго «Положенія», удержались въ области и въ настоящее время.

Полагая, что эти сборы составляютъ домашнее дѣло киргизовъ, администрація области не сочла нужнымъ ни наблюдать за справедливымъ и безобиднымъ нарядомъ по отбыванію натуральныхъ повинностей, ни за порядкомъ по дѣлу взиманія сборовъ. Понятно, что отъ того произошло на практикѣ.

Всѣ виды повинности и сборовъ взимаются въ настоящее время по личному усмотрѣнію волостныхъ правителей, безо всякаго контроля съ чьей бы то ни было стороны.

Натуральная повинность. Что касается до натуральной повинности, то не только русская власть, но даже сами киргизы не знаютъ, существуетъ ли какой-нибудь порядокъ въ дѣлѣ наряда. Очередныхъ списковъ не существуетъ ни въ одной волости. Повѣрка наряда не производилась никѣмъ. Потому волостной управитель наряжаетъ кого и когда хочетъ, т. е. тѣхъ, которые ему почему либо не нравятся или бѣдныхъ людей, съ которыми ему нечего стѣсняться. Никакихъ другихъ

основаній для наряда не существуетъ. Вслѣдствіе неоднократныхъ разспросовъ я убѣдился какъ въ этомъ, такъ и въ томъ, что обыкновенно при нарядахъ. волостные управители руководствуются однимъ соображеніемъ: желаніемъ наказать или наградить кого-либо. Между тѣмъ частые наряды очень тяжелы киргизамъ, особенно по отношенію къ подводной повинности.

Во время ревизіи области я сосчиталъ какъ дорого стоитъ киргизамъ мой объѣздъ. Было всего три экипажа. Почти на каждыхъ 25-ти верстахъ были выставлены двѣ или три кибитки и согнано около 15-ти лошадей, съ тремя или четырьмя киргизами и двумя бабами для постановки кибитокъ. Всѣ они прождали по независящимъ отъ меня причинамъ среднимъ числомъ около 10 дней на голой, большею частью удаленной отъ кочевьевъ, степи. Изъ разспросовъ оказалось, что весь этотъ народъ были люди бѣдные, пригнанные изъ-за 100, 150 и 200 верстъ. Время моего проѣзда совпадало съ самой спѣшной работой по косьбѣ сѣна, которая у киргизовъ главнымъ образомъ производится въ іюлѣ и августѣ. Полагая денной заработокъ въ это время всего въ 25 копѣекъ, а пріѣздъ киргизовъ съ мѣстъ ихъ кочеваній до дороги и обратно, среднимъ числомъ, въ 6 дней, окажется, что люди, бывшіе при лошадяхъ и кибиткахъ, потеряли 24 рубля. При этомъ нужно положить, что они либо голодали, либо расходовали не менѣе 10 копѣекъ въ день на пищу, т. е. что сдѣлали новый расходъ въ 9 руб. 60 коп. Кромѣ того 15 лошадей отъ прогона съ кочевьевъ на дорогу и обратно, и отъ проѣзда на нихъ между двумя станціями, потеряли «май», жиръ, примѣрно на 20 коп. въ сутки, что составитъ въ 16 сутокъ 48 руб.; всего же каждая станція, выставленная подъ мой проѣздъ, стоила хозяину, на котораго палъ нарядъ, около 80 руб., не считая расходовъ по порчѣ кирече, кошемъ на кибит-

кахъ и т. д. Полагая, что я проѣхалъ по путямъ, гдѣ нѣтъ правильныхъ сообщеній всего 1.000 верстъ, на что потребовалось 40 выставокъ, выставявшіе лошадей киргизы израсходовали 3.200 руб., а по правиламъ должны были получить (за три тройки по полторы коп. на версту и лошадь) всего 135 руб.

Подобные расходы особенно чувствительны киргизамъ, потому что, повторяю еще разъ, они падаютъ почти исключительно на бѣдныхъ людей. По родству, связямъ и всякаго рода другимъ соображеніямъ, волостной управитель рѣдко, почти никогда, не назначитъ на выставку лошадей и кибитки, принадлежащихъ богатымъ или вліятельнымъ людямъ. Его выборъ падетъ нѣсколько разъ въ году на смирнаго и послушнаго человѣка, неимѣющаго авторитета или голоса, чтобы отшумѣться. Если же къ отбыванію повинности иногда и привлекается богатый киргизъ, то исключительно въ томъ случаѣ, когда онъ принадлежитъ къ оппозиціонной партіи, когда онъ вотировалъ противъ волостного, находящагося въ должности, и будетъ противъ него вотировать. Богатые же люди, принадлежащіе къ партіи волостного, избавляются отъ всякихъ повинностей.

По примѣру киргизовъ, относящихся расходы по угошенію мѣстныхъ властей къ чегыну, я причисляю къ натуральной повинности обычаи предлагать слѣдующимъ по ауламъ большимъ людямъ «кунъ-агасы», т. е. барана или другую скотину на пищу. Я знаю, что съѣздъ бѣвъ и проѣздъ волостного бываетъ иногда очень тяжелъ бѣднымъ киргизамъ, потому что они считаютъ долгомъ чести рѣзать послѣднюю скотину на кунъ-агасы. Знаю также, что уничтожить этотъ изстари введенный порядокъ очень трудно, но все-таки просилъ бы уѣздныхъ начальниковъ запретить волостнымъ если не принимать кунъ-агасы, то, по крайней мѣрѣ, останавливаться у бѣдныхъ. Служащимъ же въ уѣздной

адміністраціи нужно приказать *немедленно* платить за поднесенный имъ кунъ-агасы.

Земскіе сборы и сборы на общественныя надобности. Сборы, замѣняющіе натуральную повинность и имѣющіе характеръ пожертвованій на общественныя надобности, производятся съ полнымъ устраненіемъ волостного съѣзда и аульнаго схода выборныхъ. Оттого денежные на этотъ предметъ сборы получили характеръ несправедливаго произвола со стороны волостного управителя.

Оправдательный документъ на право производства сбора заключается въ приговорѣ, которымъ киргизы постановляютъ замѣнить извѣстную натуральную повинность такимъ то сборомъ или пожертвовать опредѣленную сумму на общественныя и благотворительныя цѣли.

Въ большинствѣ случаевъ инициатива по установленію сборовъ принадлежитъ уѣзднымъ начальникамъ и, какъ кажется, не всегда вытекаетъ изъ дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей.

Фактъ составленія приговора и его утвержденія губернаторомъ и областнымъ начальствомъ мотивируется *неотложною* надобностью. Между тѣмъ въ разныхъ уѣздахъ области, при однихъ и тѣхъ же жизненныхъ условіяхъ, существуютъ сборы *разнаго наименованія*, самое же существованіе сборовъ, признанныхъ въ одномъ уѣздѣ неотложно необходимыми, а въ другомъ—не нужными, какъ кажется, указываетъ на то, что они вовсе не такъ настоятельно необходимы. Отсюда, т. е. изъ неточнаго изученія дѣйствительныхъ нуждъ киргизовъ и изъ недостаточной осторожности въ установленіи сборовъ, происходитъ крайняя пестрота и разнообразіе сборовъ не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ сумма всѣхъ сборовъ на общественныя надобности въ Тур-

гайскомъ уѣздѣ составляетъ, среднимъ числомъ, около полтора руб. на кибитку или 50% отъ податей; въ Иргизскомъ же сборы достигали 6 руб. 54 коп. и 6 руб. 72 коп. съ кибитки (въ аулахъ №№ 1 и 4 Аманкульской волости) или 216 и 220 процентовъ отъ государственныхъ податей. Къ тому необходимо оговориться, что приведенныя цифры сборовъ существовали въ Иргизскомъ уѣздѣ въ 1875 и 1876 годахъ, когда отъ волостей были потребованы экстренные расходы по выставкѣ проходившимъ въ Туркестанскій край войскамъ кибитокъ и топлива ¹⁾. Это, впрочемъ, не измѣняетъ того обстоятельства, что дѣла по сборамъ, имѣющимъ характеръ земскихъ, наиболѣе запущены именно администраціей Иргизскаго уѣзда.

Вслѣдствіе устраненія отъ этого дѣла волостного съѣзда и аульнаго схода выборныхъ, при сборахъ не производится никакой раскладки и каждая кибитка уплачиваетъ именно ту цифру, которая постановлена въ приговорѣ, какъ одинъ изъ множителей для опредѣленія потребной суммы.

Согласно § 209 «Положенія», киргизамъ предоставляется право устанавливать особые сборы съ благотворительными цѣлями и для общественной пользы. Понятно, что при производствѣ сборовъ долженъ господствовать тотъ же принципъ, какъ и при взиманіи податей. Это видно еще изъ того обстоятельства, что въ единственномъ случаѣ, когда законъ говоритъ про замѣну повинностей денежнымъ сборомъ (§ 207), онъ требуетъ раскладки.

Самый механизмъ сбора первобытенъ до послѣдней степени. Волостной управитель является въ аулъ и тре-

¹⁾ Для проходившихъ въ Туркестанскій край войскъ, а именно: 14 и 15 Туркестанскихъ батальоновъ, партіи ссыльныхъ уральцевъ, 1 и 2 Оренбургскихъ батальоновъ, 1-ой батареи Оренбургскаго казачьяго войска и 2-хъ казачьихъ сотенъ было выставлено иргизскими киргизами въ 1875 году 373 кибитки и 23.611 пудовъ топлива, а въ 1876 году—400 кибитокъ и 23.458 пудовъ топлива.

буетъ съ киргизовъ извѣстную цифру съ каждаго кибитковладѣльца, и взамѣнъ того не дастъ квитанцій. Собранныя деньги не вносятся въ инуровую книгу, не обставляются необходимыми формальностями и, при случаѣ, сдаются уѣздному начальнику.

Вслѣдствіе всего сказаннаго, волостнымъ управителямъ предоставляется широкое поле производить сборы съ тѣхъ лицъ, съ какихъ они пожелаютъ, въ тѣхъ размѣрахъ, которые имъ понравятся, даже дѣлать такіе сборы, которые не оправдываются приговорами. При такомъ положеніи вещей волостные управители—учрежденіе, требующее и не въ однихъ только денежныхъ дѣлахъ самаго тщательнаго контроля—стали злоупотреблять своею властью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Само собою разумѣется, что это не касалось богатыхъ и вліятельныхъ людей и что всѣ ихъ усилія направлялись на запутываніе и затемненіе дѣла относительно и безъ того темной массы киргизовъ. И чѣмъ ограниченнѣе и бѣднѣе киргизъ, чѣмъ онъ менѣе можетъ подняться до возможности рассчитать, что именно слѣдуетъ съ него по раскладкѣ общей суммы сбора, тѣмъ онъ болѣе вѣрная и безотвѣтная жертва волостного. Оттого злоупотребленія въ сферѣ повинностей и сборовъ падаютъ исключительно на бѣднѣйшій и болѣе запуганный классъ киргизовъ. Оттого же ничтожныя натуральныя повинности и сборы ложатся на массу киргизовъ тяжелымъ бременемъ.

Я могу привести нѣсколько случаевъ наглаго произвола волостныхъ управителей по взиманію сборовъ. Въ Иргизскомъ уѣздѣ нѣкоторыя волости платятъ по 25 коп. съ кибитки на поставку у почтоваго тракта особыхъ маяковъ. Изъ моихъ разспросовъ оказалось, однако, что одинъ волостной управитель собралъ на маяки по 50 коп. съ кибитки. Первый сказавшій мнѣ это былъ пастухъ, едва имѣющій нѣсколько головъ

скота, да еще пасущій скотъ Иргизскаго укрѣпленія, въ которомъ имѣетъ постоянное пребываніе уѣздный начальникъ.

Въ другихъ мѣстахъ волостной управитель взималъ въ чегынъ съ киргизовъ-земледѣльцевъ по чашкѣ проса съ каждой кибитки, въ третьихъ—по фунту рыбы и т. д., и все это дѣлалось безбоязненно, съ обидною увѣренностью, что уѣздная администрація не сможетъ или не сѣмѣетъ положить конецъ всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ.

Мнѣ кажется, что для того наступило уже время.

Что нужно дѣлать по вопросу о повинностяхъ и сборахъ.

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ будто бы уѣзднымъ начальникамъ неудобно вмѣшиваться въ порядокъ взиманія сборовъ, потому только что послѣдніе имѣютъ характеръ земскій, иногда даже частный.

Хаотическій произволъ по сбору средствъ для хановъ и на общія нужды, существовавшій въ степи до окончательнаго водворенія тамъ русскихъ, послѣ уничтоженія ханской власти, былъ замѣненъ правильно установленными податями въ пользу государства и повинностями для удовлетворенія общественныхъ нуждъ. За этимъ первымъ опытомъ послѣдовалъ другой, болѣе рѣшительный, который опредѣленъ нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ.

Въ киргизской жизни были только слабые прецеденты, чтобы на нихъ построить податную систему, потому, не задѣвая какихъ либо древнихъ основъ степной жизни, русская власть имѣла возможность организовать дѣло совершенно на-ново. При этомъ мѣстныя власти могли дѣйствовать не стѣсняясь ничѣмъ; могли, какъ на листѣ чистой бумаги, написать все, что угодно, лишь бы знать писать и сознавать, что именно нужно писать.

Понятно, что при исполненіи законовъ по взиманію податей и повинностей, уѣзднымъ начальникамъ приходилось вести борьбу не съ законными взглядами народа, который не могъ имѣть никакихъ убѣжденій о совершенно для него новомъ дѣлѣ, а съ разнузданностью мѣстныхъ властей, съ преданіями о томъ, какъ производились съ народа сборы въ ханскія времена. Народъ же, хотя и былъ подготовленъ, чтобы принять произволъ своихъ властей за законныя требованія, но, вѣроятно, захотѣлъ бы отстаивать свои права, если бы зналъ ихъ и еслибы они были обставлены надежными гарантіями.

Казалось бы, что порядки, введенные нашею властью по сбору податей и повинностей, эти чисто «русскіе» порядки, должны были заставить администрацію стремиться изъ всѣхъ силъ, чтобы они были вполне безупречны. Для того необходимо было организовать на твердыхъ основаніяхъ порядокъ раскладки податей и повинностей, равно какъ систему взиманія того и другого и парализовать всякій невѣрный шагъ сборщика, а тѣмъ болѣе злоупотребленія или произволъ. При этомъ казалось также полезнымъ поселить въ киргизахъ сознательное пониманіе сколько и какимъ порядкомъ должны они платить и гдѣ должны искать защиту отъ произвола своихъ властей. Къ несчастію, ничего подобнаго сдѣлано не было.

Со времени введенія въ дѣйствіе новаго «Положенія» прошло девять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ Тургайская администрація поступала совершенно иначе. Обнаруживая склонность къ вмѣшательству въ киргизскую жизнь тамъ, гдѣ это вредно или бесполезно, она оставалась равнодушною зрительницею произвола, основаннаго на тѣхъ русскихъ законахъ, точное исполненіе которыхъ было бы полезно киргизамъ и воспитало въ нихъ чувства законности, правды и уваженія къ правительству.

Кочеваніе киргизовъ, ихъ организація, народный судъ, ихъ обычное право, все это возбуждало желаніе облагодѣтельствовать киргизовъ административнымъ вмѣшательствомъ, но то же желаніе *оказалось нснужнымъ въ вопросъ, созданномъ не киргизскою исторією и далекимъ прошлымъ, а русскими законами и въ недавнее время. Тѣ порядки казались дикими и невозможными, а хаосъ въ дѣль взиманія повинностей и сборовъ не возбудилъ ничьего негодованія.*

Въ настоящее время у насъ все-таки остается еще нѣсколько средствъ къ исправленію этого дѣла. Они заключаются: 1) въ тщательной организаціи всего дѣла о повинностяхъ и въ запрещеніи производить какіе бы то ни было сборы иначе, какъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей; 2) въ возможномъ уравниеніи повинностей между киргизами каждаго уѣзда и всей области и 3) въ направленіи сборовъ не на гадательныя, а на дѣйствительныя нужды киргизовъ.

Организація дѣла о повинностяхъ и сборахъ. 1) Не могу скрыть, что при ревизіи области уѣздные начальники были почти совершенно незнакомы съ порядкомъ отбыванія въ ихъ уѣздахъ натуральныхъ повинностей и взиманіемъ сборовъ. Потому прежде всего я рекомендовалъ бы имъ изучить во всей подробности это важное дѣло. Для этого они должны пользоваться каждымъ случаемъ, особенно свиданіемъ съ волостными и посѣщеніемъ ауловъ, и стараться узнать какія именно отбываются повинности, какъ исполняется самый нарядъ и въ какую сумму нужно оцѣнивать всѣ натуральныя повинности. Что же касается до сборовъ, то нужно узнать какъ именно волостные управители производятъ раскладку по ауламъ и кибитковладѣльцамъ, какъ и въ какіе сроки производится сборъ, существуютъ ли гдѣ-

нибудь книги, въ которыхъ записывается сборъ, выдаются ли плательщикамъ квитанціи и т. д.

Когда уѣздные начальники будутъ знать въ подробности все, что дѣлается у нихъ по повинностямъ и сборамъ, они поймутъ какія необходимо принять мѣры, чтобы парализовать существующее зло. Полагаю, однако, не бесполезнымъ дать имъ нѣсколько совѣтовъ относительно мѣръ, которыми, какъ кажется, можно привести это дѣло въ нѣкоторый порядокъ.

Натуральную повинность нужно стараться замѣнить уравнительнымъ денежнымъ сборомъ. На тотъ же случай, когда этого нельзя будетъ сдѣлать, необходимо поручить комиссіи, составленной изъ представителей, выбранныхъ отъ каждаго аула, произвести раскладку натуральной повинности на аулы по ихъ состояніямъ, мѣстамъ кочеваній и по соображенію съ другими мѣстными условіями. Часть натуральной повинности (по количеству и времени отбыванія), которая упадетъ на извѣстный аулъ, должна быть разложена кибитковладѣльцами между собой, причемъ принимается въ соображеніе благосостояніе каждаго. Люди совершенно бѣдные наряжаются либо только лично (безъ лошади и инструментовъ), либо даже совершенно освобождаются отъ наряда. На этомъ основаніи составляются нарядные списки, которые утверждаются уѣзными начальниками и возвращаются въ аулы, причемъ необходимо стараться, чтобы каждый киргизъ зналъ сколько разъ въ году его могутъ призвать къ отбыванію повинностей и въ какое время.

Нарядъ по отбыванію натуральной повинности не можетъ быть произведенъ иначе, какъ послѣ выдачи аульнымъ старшиной квитанціи наряженному лицу, съ означеніемъ въ ней—кто наряженъ, когда и на какой срокъ сдѣланъ нарядъ и по чьему распоряженію. Съ этою цѣлью мною уже сдѣлано распоряженіе объ от-

сылкѣ въ каждый уѣздъ достаточнаго количества талонныхъ книгъ, съ вырѣзными квитанціями. Хотя желательно, чтобы надписи на талонахъ и квитанціяхъ дѣлались по-русски, но, имѣя въ виду, что киргизовъ, знающихъ русскую грамоту мало, а между тѣмъ многіе изъ нихъ пишутъ и еще болѣе читаютъ по-своему, и что для достиженія пользы отъ выдачи квитанцій необходимо, чтобы лицо, ее получающее, знало вѣрно ли въ ней все прописано,—можно разрѣшить дѣлать эти надписи по-киргизски.

Нарядные списки должны повѣряться уѣздными начальниками при всякомъ удобномъ случаѣ, что нужно дѣлать публично, и тутъ же разбирать справедливость каждой жалобы. Если кто-нибудь обжалуетъ неправильность самой раскладки, то было бы желательно, чтобы уѣздный начальникъ уменьшалъ нарядъ или даже совершенно отъ него освобождалъ тѣхъ лицъ, несостоятельность которыхъ такова, что дѣлаетъ исполненіе наряда затруднительнымъ или даже невозможнымъ. Въ подобныхъ случаяхъ уѣздному начальнику придется сдѣлать личное распоряженіе объ исполненіи снятаго съ бѣднаго киргиза наряда богатыми людьми, при чемъ нельзя, конечно, исключать изъ числа ихъ волостныхъ управителей или аульныхъ старшинъ.

Затѣмъ всякій нарядъ, сдѣланный несогласно нарядной книгѣ и неочищенный квитанціею, было бы полезно признавать злоупотребленіемъ.

Къ натуральной повинности нужно отнести: выставку лошадей и юртъ подъ проѣзжихъ, исправленіе почтовыхъ трактовъ и кочевыхъ путей, выставку юртъ и топлива подъ экстренно проходящія войска и, какъ оно на практикѣ дѣлается, нарядъ лошадей подъ проѣздъ волостныхъ, аульныхъ и ихъ чабаровъ.

Что касается денежныхъ сборовъ на общественныя надобности взамѣнъ натуральной повинности, то, по

утвержденіи военнымъ губернаторомъ приговоровъ, сборы должны быть разложены на аулы особыми выборными, по одному отъ каждаго аула. Раскладка эта повѣряется въ уѣздномъ правленіи на основаніи имѣющихся тамъ статистическихъ данныхъ, если нужно исправляется и утверждается уѣзднымъ начальникомъ. Послѣ того раскладка въ аулахъ на отдѣльныхъ личностей производится всѣми кибитковладѣльцами пропорціонально состоянію съ тѣмъ, чтобы они опредѣлили и срокъ, когда сборъ долженъ быть внесенъ. Совершенно бѣдные люди избавляются отъ уплаты по сборамъ. Аульная раскладка повѣряется и утверждается уѣздными управленіями. Эта раскладка вносится въ аульную книгу сборовъ, въ которой противъ фамиліи каждаго лица должна быть проставлена цифра взноса, на него наложеннаго по раскладкѣ. Книга подписывается всѣми кибитковладѣльцами. Самый сборъ производится аульными старшинами, при чемъ, въ обмѣнъ причитающихся денегъ, они выдаютъ каждому плательщику соотвѣтственную квитанцію. Порядокъ выдачи квитанцій и разбора жалобъ на невѣрность раскладки можно сохранить тотъ же, какъ при отбываніи натуральной повинности.

Я изложилъ все здѣсь сказанное, чтобы облегчить уѣзднымъ начальникамъ начальный трудъ по составленію проекта организаціи повинностей и сборовъ. Поручаю каждому уѣздному начальнику выработать полный проектъ объ этомъ дѣлѣ, при чемъ прошу не стѣсняться моимъ мнѣніемъ и имѣть въ виду только дѣло и возможность примѣнять этотъ проектъ на практикѣ. Проектъ долженъ быть совершенно законченъ къ нашему осеннему засѣданію.

Возможное уравненіе натуральной повинности. 2) Въ засѣданіяхъ, бывшихъ въ октябрѣ прошлаго года, мы

пришли къ убѣжденію, что необходимо предложить киргизамъ уравнивать нѣкоторыя повинности.

Обязательство выставять лошадей падаетъ почти исключительно на киргизовъ, ближе другихъ кочующихъ у тѣхъ не почтовыхъ дорогъ, которыя служатъ для проѣзда по нимъ чиновъ администраціи. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Илецкомъ уѣздѣ, частые проѣзды заставили киргизовъ держать постоянную гоньбу между Илецкою Защитою и Акъ-тюбе, но тяжкое бремя по содержанію значительной линіи ложится исключительно всего на нѣсколько волостей.

Дорожная повинность въ области почти исключительно исполняется киргизами Илецкаго и Иргизскаго уѣздовъ.

По произведеннымъ уѣздными начальниками расчетамъ, денежный сборъ въ размѣрѣ около 25 копѣекъ съ кибитки будетъ достаточенъ, чтобы имѣть постоянно нанятыхъ лошадей для проѣзда командируемыхъ въ степь чиновниковъ. Въ счетъ той же суммы, какъ было говорено, можно будетъ нанимать у попутныхъ киргизовъ кибитки или содержать ихъ на чаще всего посѣщаемыхъ трактахъ. Сознавая также, какъ тяжела киргизамъ подводная повинность въ натурѣ, мы постановили, за упомянутымъ выше денежнымъ сборомъ, прекратить совершенно обязательную выставку лошадей. Нельзя однако думать, чтобы не представился случай, когда придется, въ подспорье постоянно нанятымъ лошадямъ потребовать еще новыхъ выставокъ натурою. Это можетъ случиться при поѣздкахъ въ степь его императорскаго высочества великаго князя Николая Константиновича и г. генераль-губернатора. Но понятно, что даже въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ будетъ не совсѣмъ удобно требовать отъ киргизовъ еще и въ натурѣ то, что будетъ оплачиваться денежнымъ сборомъ.

Въ соотношеніи съ этимъ, считаю своевременнымъ обратить вниманіе уѣздныхъ начальниковъ на неправильное съ ихъ стороны примѣненіе закона о земскихъ повинностяхъ относительно прикочевывающихъ въ Тургайскую область киргизовъ изъ другихъ областей.

По смыслу законовъ, киргизы обязаны вносить государственныя подати своимъ территоріальнымъ властямъ, т. е. начальству, которому подвѣдомственна мѣстность, гдѣ находятся ихъ зимовки. Но законы, которыми мы руководствуемся *относительно отбыванія натуральныхъ повинностей* и нѣкоторыхъ видовъ сборовъ, говорятъ просто, что киргизы обязаны выполнять то-то, не упоминая гдѣ, иначе говоря вездѣ, гдѣ они кочуютъ. Какъ бы поясняя это, параграфъ 204 «Положенія» совершенно ясно требуетъ, чтобы киргизы исправляли арычные мосты, гати, спуски и подъемы на почтовыхъ дорогахъ *въ мѣстахъ ихъ кочеванія*.

Помимо прямого указанія закона, было бы впрочемъ и несправедливо избавлять отъ нѣкоторыхъ повинностей киргизовъ, прикочевывающихъ въ Тургайскую область. Каждое лѣто они являются на свои постоянныя мѣста, пользуются территоріею Тургайской области для нагула своего скота и вслѣдствіе своего кочеванія въ ея предѣлахъ удваиваютъ, такъ сказать, труды администраціи. Поѣздки чиновниковъ уѣздной администраціи въ степь становятся тѣмъ чаще, чѣмъ больше прикочевываетъ киргизовъ, и это зависитъ отъ умноженія и усложненія дѣлъ не только относящихся къ пришлецамъ, подчиненнымъ мѣстной администраціи въ полицейскомъ отношеніи, но и отъ столкновеній и ссоръ ихъ съ постоянными жителями области. Понятно, что отягчать за это исключительно тургайскихъ киргизовъ было бы по крайней мѣрѣ несправедливо. Пользуясь землею и администраціею области, прикочевывающіе на

лѣто киргизы обязаны принимать хотя нѣкоторое участіе и въ тяготахъ, лежащихъ на населеніи области.

Освободить отъ отбыванія повинностей прикочевывающихъ киргизовъ было бы еще несправедливо и потому, что лѣтнее время они проводятъ въ Тургайской области, зимою же возвращаются къ себѣ, гдѣ опять-таки фактически свободны отъ нѣкоторыхъ видовъ повинностей, напримѣръ отъ подводной.

До сихъ поръ уѣздные начальники почему то не требовали отъ прикочевывающихъ въ ихъ уѣзды киргизовъ отбыванія натуральной повинности. Оттого весьма часто выходило, что лошади и кибитки тургайскихъ киргизовъ пригонялись подъ проѣздъ чиновниковъ изъ-за сотни и болѣе верстъ, а по линіи проѣзда стояли многочисленныя аулы прикочевывавшихъ съ юга киргизовъ. Нельзя не замѣтить, что это увеличиваетъ тяготу тургайскихъ киргизовъ, а въ то же время несогласно ни съ законами, ни съ справедливостью.

Соображая все вышеизложенное, предлагаю уѣзднымъ начальникамъ въ тѣхъ экстренныхъ случаяхъ, когда въ помощь лошадямъ, которыя будутъ постоянно наняты, потребуется прибѣгнуть еще и къ натуральной повинности, вѣзывать лошадей и кибитки отъ тѣхъ киргизовъ, которые прикочевываютъ на лѣто въ предѣлы Тургайской области изъ *другихъ областей*.

Натуральная дорожная повинность, какъ сказано выше, отбывается киргизами тѣхъ уѣздовъ, сквозь которые протекаетъ почтовый трактъ, т. е. илецкими и иргизскими. Въ октябрьскихъ засѣданіяхъ мы пришли къ убѣжденію въ необходимости уравнивать эту повинность по всей области, а для того рѣшили предложить киргизамъ уплачивать ежегодно по 10 коп. съ кибитки. Если это можно будетъ сдѣлать, то положеніе илецкихъ и иргизскихъ киргизовъ очень облегчится, хотя въ теченіе 1878 года имъ все-таки придется отбывать эту повин-

ность и натурою и сборами, на прежнемъ основаніи, до фактическаго сбора денегъ со всей области.

Порядокъ найма лошадей подъ гоньбу и исправленіе почтовыхъ путей средствами, которыя будутъ даны киргизами взаимнъ натуральной повинности, опредѣлится особо.

Дѣйствительныя нужды киргизовъ. 3) Очень желательно, чтобы деньги, которыя киргизы собираютъ по приговорамъ на *общественныя* надобности, имѣли своею цѣлью дѣйствительныя и настоятельныя ихъ потребности. Позволю себѣ указать на нѣкоторыя цѣли, которыя они въ этомъ случаѣ могли бы имѣть въ виду.

Извѣстно, что киргизы очень способны, смышлены и обладаютъ всѣми качествами, дѣлающими желательнымъ и возможнымъ ихъ развитіе въ будущемъ. Хотя они и мусульмане, но ихъ организмъ не подточень тѣми пороками мусульманства, которые по причинамъ, не зависящимъ, впрочемъ, отъ корана, рано или поздно, но неотразимо погубятъ всѣ народы, исповѣдующіе исламъ. Они не поборники рабства, въ общемъ враги многоженства и не фанатики.

До водворенія русской власти въ степи, въ киргизскихъ аулахъ находилось много рабовъ, у султанскихъ же родовъ были цѣлыя семьи и поколѣнія такъ называемыхъ «теленгутовъ», состоящихъ отъ нихъ въ крѣпостной зависимости. У киргизовъ, живущихъ близъ китайской границы и въ предгоріяхъ Тянь-Шаня, я видѣлъ еще въ аулахъ рабовъ, но ихъ жизнь ничѣмъ не отличалась отъ жизни другихъ киргизовъ, кромѣ большей близости между владѣльцемъ и его рабомъ. Уничтоженіе рабства едва ли было замѣчено кѣмъ-либо въ степи, кромѣ султановъ, которые дѣйствительно потеряли довольно много отъ теленгутовъ, составлявшихъ и ихъ свиту и ихъ работниковъ, и, наконецъ, слѣпыхъ

исполнителей ихъ порученій. Что касается до другихъ киргизовъ, то, несмотря на уничтоженіе рабства, бывшіе господа остались съ освобожденными рабами въ прежнихъ выгодныхъ обѣихъ сторонамъ отношенійхъ.

Полигамія дѣйствуетъ на народы безнравственнымъ и отупляющимъ образомъ; подрывая у мужчинъ физическія и нравственныя силы, она въ то же время рождаетъ жену и мать до самой низкой степени. Киргизка ведетъ все хозяйство семьи, даже работаетъ болѣе мужа, оттого на нее смотрятъ какъ на равноправнаго съ мужчиной члена общества. Цѣлый день у киргизской женщины заняты такъ дѣятельно, что ей некогда обратиться въ ту ничего не дѣлающую самку, которая представляется идеаломъ женщины у большинства развращенныхъ мусульманскихъ народовъ. Да и самый складъ трезвой, будничной жизни киргизовъ не позволяетъ этого. Вслѣдствіе того, киргизскія дѣти не представляются тѣми тупыми и апатичными созданіями, которыя, за воспитаніемъ въ серали, неспособны къ воспринятію чего-либо живого.

Вѣроятно оттого киргизы остались способными, любознательными и незараженными тѣмъ религіознымъ фанатизмомъ, который есть вѣрный признакъ бездарности и неспособности къ дальнѣйшему развитію.

Если несчастныя обстоятельства не собьютъ киргизовъ съ ихъ трезваго пути, то они не вымрутъ, какъ это будетъ со всѣми народами, пораженными полигаміей, потому ихъ развитіе не только возможно, но и весьма желательно. Успѣхъ, съ которымъ занимаются киргизскія дѣти въ Троицкой и Оренбургской гимназіяхъ, непрерывныя просьбы объ опредѣленіи туда дѣтей, хотя вакансіи, назначенныя въ этихъ гимназіяхъ для киргизовъ, уже заняты—все это заставляетъ думать, что они поняли важность общечеловѣческаго образованія.

Изъ стремленія киргизовъ къ образованію вытекають впрочемъ и затрудненія, которыя тормозятъ дальнѣйшее развитіе этого благого дѣла. Во-первыхъ киргизы, поступающіе въ Оренбургскую гимназію, состоятъ не менѣе года въ гимназическомъ пансіонѣ, гдѣ учатся русскому языку; а во-вторыхъ, въ гимназіяхъ слишкомъ мало вакансій для киргизскихъ интерновъ ¹⁾.

Киргизскія дѣти не могутъ получать въ аулахъ никакой подготовки и, поступая разомъ въ гимназію (за неимѣніемъ для нихъ другихъ подготовительныхъ школъ), должны работать самымъ усиленнымъ образомъ, чтобы не отстать отъ своихъ товарищей русскаго происхожденія. Съ другой стороны, киргизскія дѣти могутъ быть только интернами, по неимѣнію у ихъ родителей знакомыхъ въ Троицкѣ и Оренбургѣ, а также по ненахожденію въ нихъ пансіоновъ или другихъ подходящихъ заведеній.

Соображая все сказанное, я полагалъ бы крайне полезнымъ завести при каждомъ уѣздномъ управленіи пріютъ для киргизскихъ дѣтей, который могъ бы служить русско-киргизскою первоначальной школой, какъ это опредѣлено § 262 «Положенія». Я просилъ бы уѣздныхъ начальниковъ передать это вліятельнымъ киргизамъ и предложить имъ установить разъ навсегда сборъ въ размѣрѣ хоть 10 коп. съ кибитки на содержаніе при уѣздныхъ управленіяхъ первоначальныхъ школъ-пріютовъ.

Точно также я считалъ бы полезнымъ, если киргизы найдутъ это удобнымъ, ассигновать ежегодно около 6 копѣекъ съ кибитки на увеличеніе числа вакансій интерновъ для киргизскихъ дѣтей при Троицкой и Оренбургской гимназіяхъ.

Помощью этихъ пожертвованій каждый уѣздъ по-

¹⁾ При Троицкой гимназіи пансіона не существуетъ.

лучилъ бы нѣкоторыя образовательныя средства въ слѣдующихъ размѣрахъ:

У ѣ з д ы.	Р у б л и. На школы- пріюты.	На гимна- зіи.	Число ин- терновъ въ гимназ.
Илецкій	1469	831	3
Николаевскій. . .	1831	1098	3
Тургайскій . . .	1238	743	2
Иргизскій. . . .	1419	852	3
Итого	5947	3574	11

Тогда можно бы было имѣть по одной школѣ-пріюту въ каждомъ уѣздѣ, изъ которыхъ лучшіе воспитанники могли бы отправляться въ гимназіи. Если при гимназіяхъ нельзя бы было увеличить число интерновъ, то пришлось бы устроить либо въ Оренбургѣ, либо въ Троицкѣ особый пансіонъ для гимназистовъ-киргизовъ Тургайской области.

Вторая настоящая потребность киргизской жизни заключается въ борьбѣ съ волками, опустошающими степныя стада съ страшнымъ постоянствомъ.

Количество скота, истребленнаго волками въ Тургайской области за два года, 1874 и 1875, было:

лошадей	16.380
жеребятъ	25.800
верблюдовъ. . . .	3.600
рогатаго скота. . .	5.350
телятъ.	5.250
овецъ	67.000
Итого.	123.480

Свѣдѣній объ опустошеніяхъ, произведенныхъ волками въ послѣдніе годы, не существуетъ. Принимая половину приведеннаго числа за ежегодную убыль, получимъ:

Роды скота.	Число скота въ области.	Число зарѣ- заннаго вол- ками скота.	Процентное отношеніе убыли.
Лошадей 8.190 } . .	674.007	21.090	3,1
Жеребятъ 12.900 }			
Верблюдовъ	130.042	1.800	1,4
Рогат. скота 2.675 } . .	267,613	5.300	2,0
Телятъ 2.625 }			
Овецъ	1.526.889	33.500	2,2
Итого	2.598.551 ¹⁾	61.690	2,4

Такимъ образомъ волки съѣдаютъ ежегодно одну сороковую долю всего имущества кочевого населенія Тургайской области. Но это еще не обнаруживаетъ всего зла. Богатые киргизы, имѣющіе наемныхъ пастуховъ, страдаютъ гораздо меньше, чѣмъ бѣдные, которые не могутъ надлежащимъ образомъ окарауливать своихъ стадъ. Затѣмъ нападенія волковъ имѣютъ иногда характеръ поголовнаго истребленія стадъ, особенно овечьихъ, почему отдѣльные лица теряютъ иногда въ одну ночь большую часть своего имущества.

Во время моего объѣзда области, въ ночь съ 1-го на 2-е августа прошлаго года, близъ станицы Николаевской (Николаевского уѣзда), въ которой я ночевалъ, волки напали на стадо, состоящее изъ 344 головъ овецъ. Изъ нихъ въ самое короткое время 157 штукъ было зарѣзано наповалъ, 60 переранено такъ, что изъ нихъ вскорѣ пало 54, 23 пропало безъ вѣсти, затѣмъ 104 штуки, оставшіяся безъ поврежденія, найдены частію вмѣстѣ съ пораненными, а частію убѣжавшими за 7—12 верстъ.

Киргизы терпятъ разореніе, жалуются на волковъ, но не могутъ принять никакихъ мѣръ къ ихъ истребленію. Степные же волки живутъ исключительно на счетъ киргизскихъ стадъ, кочуютъ вмѣстѣ съ ними и оставляютъ немедленно извѣстную часть степи, какъ

¹⁾ Въ томъ числѣ не показано 92.610 штукъ ковъ.

только киргизы укочевываютъ оттуда. Страшные убытки, наносимые киргизамъ волками, въ дѣйствительности гораздо болѣе приведенныхъ выше цифръ. Поборотъ этотъ истинный бичъ есть дѣло администраціи, если послѣдняя не видитъ у населенія достаточно инициативы, чтобы приняться самому за дѣло. Въ этомъ случаѣ можно бы было примѣнить средства, рекомендованныя земствамъ циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во всякомъ случаѣ поручаю уѣзднымъ начальникамъ предложить киргизамъ составить необходимую сумму на борьбу съ волками и для того пожертвовать около 5 коп. съ каждой кибитки. Если киргизы найдутъ для себя полезнымъ пожертвовать эту сумму, то своевременно будутъ указаны средства и способы къ истребленію волковъ.

Точно также я считаю чрезвычайно полезнымъ изыскать средства къ образованію ссудныхъ кассъ вездѣ, гдѣ онѣ не существуютъ. На бывшихъ засѣданіяхъ было высказано, что въ 1878 году на образованіе кассъ предполагается взимать по 7 коп. съ кибитки только въ Тургайскомъ уѣздѣ, согласно вступившему объ этомъ ходатайству киргизовъ. Въ Иргизскомъ уѣздѣ ссудныхъ кассъ вовсе не имѣется.

То же самое я сказалъ бы относительно извѣстныхъ натуральныхъ обязательствъ по вопросу объ общественныхъ запасахъ сѣна. Не будучи, однако, знакомъ съ положеніемъ въ области какъ ссудныхъ кассъ, такъ и запасовъ общественнаго сѣна, я ограничусь покуда просьбой собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія по обоимъ этимъ вопросамъ, съ тѣмъ, чтобы они могли быть вполне уяснены на засѣданіяхъ, имѣющихъ быть осенью настоящаго года.

Сумма всѣхъ сборовъ взаменъ натуральныхъ повинностей и на общественныя надобности (1878—1880). Согласно всего

вышеизложеннаго, сборы на земскія повинности и на общественныя надобности могутъ выразиться слѣдующею таблицею:

У ѣ з д ы.	Взамѣнъ натуральн. повин.: подвод. дорож.		На общественныя надобности: на школы, на гимназ. ссуд. на истр. волковъ.				Всего сборъ съ кибит.
	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.	коп.
Илецкій . . .	25	10	10	6	—	5	56
Николаевскій .	25	10	10	6	—	5	56
Тургайскій . .	25	10	10	6	7	5	63
Иргизскій . .	25	10	10	6	—	5	56

Если сюда присоединить расходы по содержанію мѣстнаго управленія, что большею частью представляетъ цифру въ 50 к. съ кибитки, то этимъ исчерпываются расходы по *всѣмъ обыкновеннымъ натуральнымъ повинностямъ, а равно сборамъ земскимъ и на общественныя надобности.*

Покуда этими расходами, сколько кажется, будутъ покрыты всѣ настоятельныѣйшія нужды киргизовъ, причемъ придется платить отъ 1 руб. 20 коп. до полутора рублей съ кибитки.

Если явятся новыя потребности или если придется обратиться къ общественной благотворительности киргизовъ, то, конечно, общая цифра чегына увеличится, какъ она увеличивалась и до сихъ поръ. Такимъ образомъ въ прошломъ году киргизы Тургайской области пожертвовали на расходы Оренбургскаго отдѣла общества Краснаго Креста 7.514 руб. 16 коп. Изъ этого числа уважаемый Нурфеизъ Байгаринъ (Илецкаго уѣзда, Акъ-Тюбинской волости) пожертвовалъ одинъ 1000 руб. Кромѣ того, пожертвовано киргизами Илецкаго уѣзда 20 кибитокъ, 10 джуламеекъ и Николаевского—5 кибитокъ для помѣщенія раненыхъ ¹⁾.

¹⁾ Представляющихъ, по мѣстнымъ наименьшимъ цѣнамъ, стоимость около 3.500 руб.

Въ случаѣ нужды, я опять обращусь къ киргизамъ Тургайской области съ просьбою помочь раненымъ, которые своею «дорогою» кровію окупили окончаніе побѣдоносной войны. Можетъ быть, придется также обратить вниманіе киргизовъ и на другія настоятельныя нужды, удовлетвореніе которыхъ потребуетъ увеличенія чегына, но до сихъ поръ еще не видно такой надобности. До тѣхъ же поръ, покуда фактически не будетъ доказана *необходимость* новыхъ расходовъ, я не считаю нужнымъ ни устанавливать новые сборы, ни усиливать тѣ, о которыхъ было говорено выше ¹⁾).

¹⁾ «Временная инструкция уѣзднымъ начальникамъ Тургайской области» помѣщается нами въ приложеніи II къ этому тому.—*Ред.*

Р з я к е т ъ

1869 годъ.

По мусульманскому праву уплата зякета, вмѣстѣ съ омовеніемъ, молитвою, постомъ и путешествіемъ въ Мекку, составляютъ пять главныхъ обязанностей каждаго правовѣрнаго.

Зякетъ есть первая подать, которой были обложены мусульмане. Основаніе ей было положено еще Магометомъ, который нѣсколько разъ упоминаетъ о ней въ коранѣ, подъ именемъ *Омиль*. Изъ денегъ, уплоченныхъ въ зякетъ первыми послѣдователями ислама, Магометъ образовалъ кассу на содержаніе боевыхъ своихъ подвижниковъ. Тогда, какъ и теперь, зякетъ платился охотно, потому что уплата этой подати очищаетъ отъ зла и грѣха имущество, съ котораго она внесена, и призываетъ на плательщика благословеніе Божіе.

Въ первые годы мусульманства общественная касса составлялась исключительно изъ зякета. Когда же побѣды друзей и товарищей Магомета распространили власть мусульманъ на окрестныя страны, когда появилась необходимость въ новыхъ расходахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открылись источники другихъ доходовъ, зякетъ пересталъ употребляться на расходы по содержанію армій и обратился въ образованіе фонда для богоугодныхъ дѣлъ, предписываемыхъ кораномъ каждому мусульманскому правительству.

Эта подать, предназначенная на расходы только по потребностямъ, какъ говорятъ мусульмане, «божіихъ путей», существуетъ теперь во всѣхъ мусульманскихъ государствахъ, и всякій правовѣрный почтетъ величайшимъ грѣхомъ скрыть слѣдующій съ него зякетъ.

При этомъ нельзя, однако, не замѣтить, что зякетъ, какъ всякій догматъ мусульманской вѣры, толкуется разнообразно многочисленными сектаторами мусульманства. Еще при своей жизни, Магометъ предсказалъ, что исламизмъ долженъ распасться на 73 раскола. Теперь ихъ существуетъ уже весьма значительное количество. Одни различаются между собою догматами вѣры; другіе—внѣшними обрядами; третьи, наконецъ,—предметами практическаго ученія вѣры и гражданскаго правовѣдѣнія, основаннаго, впрочемъ, все на томъ же и единственномъ началѣ всѣхъ сторонъ мусульманской вѣры—коранѣ.

Расколъ начался чрезъ нѣсколько лѣтъ по смерти пророка вслѣдствіе того, что суры или стихи корана читались и понимались различно. Въ рукахъ родственниковъ и друзей Магомета явились разные списки корана, рѣзко различающіеся другъ отъ друга. Халифъ Омаръ предпринялъ исправленіе списковъ корана и издалъ его на корейшитскомъ нарѣчій, а прежніе списки, неясные или невѣрные, уничтожилъ въ 30 году гиджры, т. е. въ 650 году нашей эры.

Но затѣмъ, въ первыхъ столѣтіяхъ мусульманской эры, составились уже дополненія къ корану: *хедисъ*, или собраніе изустныхъ наставленій пророка; *иджемо-уметъ*, или собраніе рѣшеній первыхъ 4 халифовъ и ихъ толкованія корана; *кιάсъ-мяскуль*, или рѣшенія главнѣйшихъ духовныхъ лицъ и халифовъ (кромѣ первыхъ четырехъ) на основаніи корана и изустныхъ наставленій пророка. Одни мусульмане вѣ эти три книги, вмѣстѣ съ кораномъ, положили въ основаніе своего права; другіе от-

вергають иджемо-уметь, а изъ преданій (хедисъ) вѣрятъ только нѣкоторымъ. Первые называютъ себя сунни; вторые—ши'е.

Суниты, къ которымъ исключительно принадлежатъ жители Туркестанскаго края, раздѣляются на четыре толка: *Ханафіе* или *Аземи*, *Шафіе*, *Мелеки* и *Хенбель*. У каждаго изъ этихъ толковъ свое право, часто весьма рѣзко отличающееся отъ права другого толка. Чтобы уяснить себѣ еще болѣе какую путаницу представляетъ сложное мусульманское законовѣдѣніе, необходимо припомнить, что духовенство (улемы) имѣетъ право, въ случаѣ юридическаго затрудненія, постановлять фатьву, т. е. частное соборное постановленіе, обязательно для всѣхъ мусульманъ ¹⁾. Потому свести всѣ данныя по изученію зякета въ одно цѣлое, и тѣмъ болѣе по источникамъ, писаннымъ на европейскихъ языкахъ, крайне трудно.

Вотъ вкратцѣ какъ мусульманское право опредѣляетъ зякетъ, одинаково у сектъ и толковъ. Различія въ толкованіяхъ большею частью мною отброшены.

Зякетъ, по приказанію Божію, обязателенъ для каждаго свободнаго и взрослого человѣка. Лицо, платящее зякетъ, должно быть совершеннолѣтнее, въ полномъ

¹⁾ Посредствомъ фатьвы мусульманскія правительства и правовѣрные обыкновенно обходятъ шаріатъ. Лицо, желающее нарушить законъ, не навлекая на себя порицанія и не выходя изъ предѣловъ строгой законности, проситъ обыкновенно извѣстнаго муфтія приискать въ хедисахъ, иджемо-уметь или кіясъ-маскулъ случай, когда, при аналогическихъ обстоятельствахъ, былъ нарушенъ буквальный смыслъ шаріата какимъ-либо святымъ лицомъ. Найдя подобный случай, муфтіи выписываетъ его, что называется составить *ривоядъ*. Затѣмъ, ривоядъ подносится собранію кадіевъ и у него испрашивается согласіе на то, что цитированный случай дѣйствительно былъ, что онъ легаленъ и что, слѣдовательно, имъ можно руководствоваться. Когда кадіи приложатъ къ ривояду печати, онъ становится *фатьвою*, т. е. сепаратнымъ постановленіемъ, имѣющимъ силу закона. При обилии разнообразныхъ случаевъ, которые можно почерпнуть какъ изъ жизни имамовъ, такъ и изъ многотомныхъ толкованій на коранъ, существуетъ всегда возможность обойти шаріатъ. Этого нельзя забывать тѣмъ, которые желаютъ бороться съ кораномъ.

разумѣ и въ правѣ располагать своимъ имуществомъ. Впрочемъ, уплата зякета обязательна только для состоятельныхъ лицъ. Цифра, выражающая предѣльное количество имущества, необлагаемаго зякетомъ, называется *ниссобъ*. Послѣдній опредѣляется различно для разныхъ предметовъ; среднимъ же числомъ полагается въ 200 *дирхемъ*, что составляетъ 120 или 130 франковъ.

Зякетъ платится только разъ въ годъ, который, какъ срокъ для внесенія этой подати, по мусульманскому праву, называется *хауль*. Такимъ образомъ уплата зякета обусловливается ниссобомъ и хаулемъ.

Зякету не подвергаются жилые дома, одежда, хозяйственная утварь, домашнія животныя, оружіе и книги. Освобождаются также отъ уплаты зякета цѣнности, имѣющія неопредѣленный характеръ, каковы: невѣрные долги, бѣглые рабы, равно какъ неправильно нажитое состояніе. Впрочемъ, долги, хотя и не уплаченные, но признанные кредиторами, должны очищаться зякетомъ.

Зякетъ бываетъ нѣсколькихъ родовъ:

- 1) Зякетъ *воджибъ*—обязательный для всѣхъ.
- 2) Зякетъ *суннетъ*—совѣтуемый Богомъ.
- 3) Зякетъ *фитръ*—раздача милостыни, и
- 4) *Хюмсъ*.

1. Зякетъ воджибъ.

Зякетъ воджибъ платится съ собственности, приобрѣтенной законнымъ и справедливымъ образомъ. Взимать его могутъ султанъ или имамъ. Что же касается не мусульманъ, то правовѣрнымъ разрѣшается уплачивать имъ зякетъ только въ томъ случаѣ, если они содѣйствуютъ мусульманамъ въ войнахъ съ ихъ врагами.

Зякетъ воджибъ предназначается, *de jure*, бѣднымъ, несостоятельнымъ должникамъ, для выкупа послѣднихъ изъ тюремъ, неимущимъ чужеземцамъ, на выкупъ не-

вольниковъ, на сооруженіе мечетей, богоугодныхъ заведеній, училищъ, мостовъ и т. д.

Большинство мусульманъ полагаетъ, что зякетъ долженъ вѣдаться съ девяти предметовъ: 1) съ золота, 2) серебра, 3) пшеницы, 4) ячменя, 5) финиковъ, 6) изюма, 7) верблюдовъ, 8) быковъ и 9) овецъ.

Съ золота и серебра вѣдается зякетъ воджибъ только когда то и другое обращается въ видѣ звонкой монеты, приносящей доходъ. Ниссобъ, т. е. сумма, ниже которой не вѣдается зякета, полагается въ 200 дирхемовъ или 5 унцій съ серебра, и въ 20 *мискаловъ* (мискаль равняется по вѣсу одному дирхему съ половиною)—съ золота.

Для пшеницы и фруктовъ ниссобъ полагается въ 300 *со'э* ¹⁾.

Зякетъ съ произведеній земли составляетъ предметъ обширнымъ разногласій у мусульманскихъ юристовъ.

Имамъ Ханафіе, толку котораго придерживаются жители Туркестанскаго генераль-губернаторства, полагаетъ, что зякетъ должно платить въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части со всѣхъ растительныхъ продуктовъ (исключая бамбука, кустарниковъ и травы). Съ произведеній же земли, орошенной искусственно, онъ полагаетъ вѣдать $\frac{1}{20}$ урожая. Если на одномъ и томъ же участкѣ земля орошается искусственно и естественно, то размѣръ зякета обуславливается главнымъ способомъ орошенія. Съ еретиковъ и христіанъ должно вѣдать двойную десятину. Это правило, впрочемъ, остается неизмѣннымъ при вѣданіи зякета со всякаго рода имуществъ.

Для яснаго пониманія того различія, которое существуетъ между зякетомъ съ поземельныхъ продуктовъ и хераджемъ, необходимо не забывать, что первый равняется $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{20}$ части урожая, а второй $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{2}$ урожая.

¹⁾ Каждое *со'э* имѣетъ 1,170 дирхемовъ, а дирхемъ 48 ячменныхъ веренъ, т. е. ниссобъ пшеницы равняется 56,160 зернамъ.

Мусульманское законодательство опредѣляетъ довольно точно, какія земли подлежатъ уплатѣ зякета или десятины, какія—хераджа ¹⁾).

1) Всѣ мусульманскія земли могутъ принадлежать къ одной изъ слѣдующихъ четырехъ категорій:

1) Земли, обработанныя мусульманами. Съ этихъ земель, къ которымъ, согласно строгихъ толкованій, принадлежитъ только Аравія, полагается взимать зякетъ или десятину.

2) Земли, принадлежащія жителямъ, обращеннымъ въ мусульманство изъ какой-либо другой вѣры. Ханафіе полагаетъ, что необходимо предоставить имаму право обкладывать земли этой категоріи десятиной или хераджемъ. Впрочемъ, если земли, принадлежащія новообращеннымъ мусульманамъ, причислены уже разъ къ числу платящихъ хераджъ, то онѣ не могутъ уже болѣе слѣдаться десятинными; изъ десятинныхъ же земли могутъ быть обращены въ хераджныя (напримѣръ, въ томъ случаѣ, если мусульманскія земли перейдутъ въ руки ино-вѣрцевъ). Земли нынѣшняго Туркестанскаго генералъ-губернаторства еще при первыхъ имамахъ обложены хераджемъ.

3) Земли, отнятыя у невѣрныхъ силою оружія. Ханафіе полагаетъ, что имамъ имѣетъ право раздѣлить эти земли между побѣдителями или обратить ихъ въ вакуфъ, т. е. въ духовное имущество. Само собою разумѣется, что тогда эти земли платятъ не хераджъ, а десятину.

4) Земли, оставленныя мусульманами-побѣдителями въ пользованіе у невѣрныхъ, на основаніи особыхъ капитуляцій, заключенныхъ съ ними. Тогда арендный херадж платится мусульманамъ, которые, по истеченіи каждаго года, должны вносить десятину за землю, отнятую у невѣрныхъ и оставленную въ ихъ постоянномъ пользованіи.

Съ четвероногихъ животныхъ ниссобъ полагается въ 5 верблюдовъ, 30 быковъ и 40 овецъ. Зякетъ взимается съ животныхъ въ томъ случаѣ, если они вовсе не работали хозяину въ теченіе времени хаулъ и пропитывались въ полѣ, а не на счетъ хозяина. Размѣръ зякета опредѣляется особеннымъ для каждаго животнаго подробнымъ расчетомъ. Сборщики зякета должны требовать животныхъ, платимыхъ въ зякетъ, среднихъ качествъ.

Вопросъ объ уплатѣ зякета съ лошадей есть вопросъ спорный у мусульманскихъ юристовъ. Основываясь на словахъ пророка, что мусульмане не должны вносить зякетъ за ихъ лошадей и рабовъ, послѣдователи толка имама Ханафіе не признаютъ зякета съ лошадей; другіе же толкователи распространяютъ освобожденіе отъ зякета только на боевыхъ коней.

Не лишнее здѣсь замѣтить, что мусульманское законодательство предугадало возможность подчиненія невѣрными правовѣрныхъ. При этомъ одни толкователи шаріата говорятъ, что, по освобожденіи изъ-подъ ига, мусульманская власть не имѣетъ уже права брать новаго зякета со стадъ, такъ какъ эта власть не сдумѣла защитить мусульманъ отъ невѣрныхъ; право же взимать зякетъ принадлежитъ султану или имаму, подъ условіемъ обороны отъ невѣрныхъ. Другіе сектаторы, впрочемъ, говорятъ, что освободившіеся мусульмане должны платить зякетъ со стадъ и второй разъ, такъ какъ зякетъ не есть подать, а средство для вспомо- ществованія бѣднымъ.

2. Зякетъ суннетъ.

Зякетъ суннетъ не обязательенъ, но совѣтуется какъ богоугодное дѣло, за которое мусульманинъ въ будущей жизни получить сугубое вознагражденіе. Зякетъ суннетъ платится: съ коней, кобылъ, металловъ, не находящихся въ оборотѣ, съ четвероногихъ животныхъ, не обложенныхъ зякетомъ воджибомъ, съ доходовъ отъ найма имуществъ, съ хлѣба и овощей, съ которыхъ не платится зякетъ воджибъ, съ товаровъ, которыми производится торгъ, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при уплатѣ зякета воджибъ существуетъ сомнѣніе въ количествѣ ниссобъ и времени хауль. Размѣръ уплаты тотъ же, какъ при зякетѣ воджибъ.

3. Зякетъ фитръ.

Зякетъ фитръ дается по окончаніи тридцати-дневнаго поста Рамазанъ, въ первый день мѣсяца Шевваль. Зякетъ фитръ обязательенъ для каждаго мусульманина, могущаго содержать себя въ теченіе года. Этотъ видъ зякета платится не однимъ главою семьи, какъ предъидущіе, но всѣми членами семейства, не исключая и невольниковъ. Зякетъ фитръ полагается къ уплатѣ со всѣхъ съѣстныхъ припасовъ такимъ образомъ, чтобы въ сложности составилъ одинъ батманъ ¹⁾. Дань эта уплачивается бѣднымъ людямъ изъ духовныхъ и всѣмъ неимущимъ, которымъ полагается зякетъ воджибъ.

4. Хюмъсь.

Хюмъсь есть зякетъ, платимый въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ части съ военной добычи, съ доходовъ, получаемыхъ отъ раз-

¹⁾ Подъ батманомъ разумѣется въ Сыръ-дарьинской области мѣра въ девять съ половиной пудовъ.

работки рудниковъ, съ лова жемчуговъ и коралловъ, со всего имущества, въ которомъ законно пріобрѣтенная часть смѣшалась съ незаконно и несправедливо пріобрѣтенною, и съ прибыли, получаемой отъ оборотовъ и ремеслъ всякаго рода, по отчисленіи отъ нихъ суммы, необходимой на содержаніе пріобрѣтателя. Уплатѣ хюмса подлежитъ также всякій мусульманинъ, продавшій свою землю невѣрному. Въ этомъ случаѣ онъ можетъ выплатить разъ навсегда $\frac{1}{5}$ часть съ продажной цѣны или вносить ежегодно $\frac{1}{5}$ часть того дохода, который покупатель получаетъ отъ продажной земли.

Впрочемъ, хюмсъ, по многимъ статьямъ, оспаривается мусульманами суннитами, которые, главнымъ образомъ, полагаютъ эту подать обязательною только во время войны и думаютъ, что нужно вносить хюмсъ только съ добычи (основываясь на коранѣ, на сурѣ VIII, гдѣ говорится о добычѣ). Шіиты же считаютъ обязательными всѣ правила хюмса и исполняютъ ихъ и въ мирное время.

Таковы, въ общихъ чертахъ, положенія мусульманскаго права о зякетѣ, подати по преимуществу духовной, чего намъ никакъ нельзя забывать. Чисто религиозный ея характеръ можетъ легко стать опаснымъ оружіемъ въ рукахъ каждаго вліятельнаго фанатика, который, опираясь на шаріатъ, имѣетъ юридическое право требовать, чтобы мусульмане платили зякетъ ему, какъ имаму, призванному изгнать изъ страны невѣрныхъ притѣснителей. Такъ дѣйствовали Шамиль на Кавказѣ и Абдель-Кадеръ въ Алжирѣ, жестоко наказывавшіе, при всякомъ случаѣ, тѣхъ мусульманъ, которые, будучи поставлены обстоятельствами въ необходимость держать сторону христіанъ, отказывались высылать, хотя бы тайно, имамамъ слѣдующій съ нихъ зякетъ. Въ результатѣ христіанскіе сборщики взымали подати неудачно, когда, въ то же время, кассы има-

мовъ были наполняемы суммами, присылаемыми со всѣхъ сторонъ мусульманами ¹⁾. Теоретическое знаніе постановленій о зякетѣ не можетъ, впрочемъ, принести надлежащей пользы при взиманіи зякета въ Сыръ-дарьинской области. Это зависитъ отъ множества причинъ.

Всѣ страны, исповѣдающія мусульманство, суть члены одной и той же религіозной общины, подчиненной однороднымъ законамъ административнымъ, финансовымъ и политическимъ. Но вслѣдствіе обширности власти духовной и свѣтской, предоставленной мусульманскими законами султану; вслѣдствіе того, что религія выдала каждому мусульманина, такъ сказать, головою верховному духовному лицу страны и въ тоже время ея полновластному властителю, примѣненіе мусульманскихъ законовъ въ жизни зависитъ всецѣло отъ послѣдняго. Къ тому нельзя не замѣтить, что законы Магомета разсчитаны на постоянное фанатическое возбужденіе. При обыкновенныхъ же обстоятельствахъ полное примѣненіе шаріата и уплата всѣхъ податей, требуемыхъ съ мусульманъ, ведутъ народъ только къ полнѣйшему нищенству. Оттого на практикѣ въ магометанскихъ государствахъ рѣдко когда взимаются всѣ виды податей, которыми шаріатъ обложилъ мусульманъ. Съ другой стороны, ничто не можетъ помѣшать каждому владыкѣ мусульманскаго народа потребовать отъ своихъ подданныхъ возстановленія во всей чистотѣ шаріата, т. е. полной уплаты всѣхъ податей. Искривленіе мусульманскихъ за-

¹⁾ То же самое повторяется въ Индіи. Ахунъ (верховное духовное лицо) племени момендовъ, живущихъ въ горахъ восточнаго Авганистана (недалеко къ сѣверу отъ Пешавара) и постоянно воюющихъ съ англичанами, требуетъ ежегодной уплаты зякета отъ индійцевъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, находящихся подъ властью англичанъ. Требованія ахуна исполняются точно и англичане не могутъ изыскать средства, чтобы положить конецъ отсылкѣ зякета момендамъ. Бывшія по этому поводу слѣдствія обнаружили, что зякетъ ахуну платился и такими мусульманами-индусами, которые стоятъ высоко по своему матеріальному или служебному положенію. Въ результатѣ англійскія власти принуждены теперь не замѣчать сборовъ, производящихся съ цѣлью ихъ изгнанія изъ Индіи.

коновъ зависѣло отъ того, что наслѣдіе Магомета раздроблено на множество владѣній, управляемыхъ государями, непременно производящими свою династію отъ фамиліи пророка и считающими себя султанами и имамами своихъ поданныхъ. Примѣняя къ себѣ все сказанное въ коранѣ объ этихъ двухъ лицахъ и ревниво охраняя жизнь своихъ подданныхъ въ духѣ регламентацій, подробно изложенныхъ въ шаріатѣ на всякій данный случай, мусульманскіе деспоты, въ то же время, измѣняли финансовое управленіе страною какъ имъ было удобнѣе. Отсюда и проистекаетъ различіе въ примѣненіи правилъ шаріата о зякетѣ, различіе, обусловливаемое произволомъ хановъ, своеобразнымъ развитіемъ разныхъ мусульманскихъ государствъ и несходствомъ толковъ, въ нихъ исповѣдуемыхъ.

Сказанное особенно вѣрно по отношенію къ Средней Азіи. Здѣсь съ давнихъ поръ существуетъ положеніе дѣлъ, напоминающее время кулачнаго права въ Западной Европѣ. Каждый князекъ въ предѣлахъ владѣній, которыя онъ считаетъ своими, устанавливаетъ новыя подати и отмѣняетъ старыя, по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ одинъ ташкентскій купецъ, шедшій съ караваномъ изъ Индіи въ Ташкентъ, въ пору борьбы въ Авганистанѣ между дѣтьми Достъ-Магомета, рассказывалъ мнѣ, что караванъ-баши, по дорогѣ изъ Пешавара до Карши, заплатилъ зякетъ 18 разъ по требованіямъ разныхъ князьковъ и разбойниковъ, считающихъ себя независимыми. И самый размѣръ по уплатѣ зякета опредѣляется владѣтелями Средней Азіи иногда произвольно и возрастаетъ до 5 и даже 10⁰/₀ со стоимости провозимыхъ товаровъ. Вслѣдствіе сказаннаго теоретическое изученіе зякета не объяснило бы, какимъ образомъ онъ сбирался при кокандскомъ и бухарскомъ владычествахъ въ странахъ, завоеванныхъ русскими съ 1864 года. Единственнымъ путемъ для узнанія размѣра

закета и порядка его взиманія въ Ташкентѣ и другихъ городахъ бывшей Туркестанской области могли служить разспросы. Вотъ результатъ этихъ разспросовъ, тщательно произведенныхъ въ срединѣ 1866 года:

Порядокъ взиманія закета и податей, на которыя онъ раздробился, при кокандскомъ владычествѣ и при русскихъ до 1868 года.

Для сбора закета въ главнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ кокандскаго ханства существовали закетчи, чиновники, назначавшіеся бекомъ или ханомъ, обыкновенно по уплатѣ ими значительной суммы денегъ. При закетчи состоялъ секретарь, мирза-башъ, тоже назначавшійся высшими властями, которому поручался тайный контроль надъ первымъ. Кромѣ него, штатъ закетчи состоялъ изъ большого числа досмотрщиковъ, содержащихъ имъ на свой счетъ по всѣмъ сколько-нибудь важнымъ караваннымъ путямъ.

При кокандскомъ владычествѣ, въ городахъ, нынѣ занятыхъ русскими, закеть взимался:

1) Съ торговыхъ капиталовъ. Раньше чѣмъ выслать свой караванъ за городъ, каждый купецъ обязанъ былъ объявить закетчи, что онъ отправляетъ столько-то верблюдовъ, такого-то товара, туда-то. Закетчи посылалъ своего чиновника въ караванъ-сарай, гдѣ сложенъ товаръ, указанный купцомъ. Посланный осматривалъ товаръ только снаружи, не растюковывая его и за тѣмъ объявлялъ купцу, сколько слѣдуетъ закета, полагая $2\frac{1}{2}\%$ со стоимости товаровъ ¹⁾. Кромѣ того, закетчи собиралъ въ свою пользу по 20 копѣекъ (по одному кокану) съ

¹⁾ Вѣсъ товара, поднимаемаго верблюдомъ, обыкновенно равняется 16 пудамъ, но такъ какъ разный товаръ имѣетъ разный вѣсъ, то опытный глазъ по объему тюковъ и наружному ихъ виду легко отличаетъ какимъ товаромъ навьючены верблюды.

каждаго верблюда за написаніе пропускнаго ярлыка. По выдачѣ квитанціи на уплаченный зякетъ или ярлыка, купецъ имѣлъ право безошлинной торговли въ теченіе одного года на очищенную зякетомъ сумму, по всему пространству кокандскаго ханства.

Зякетъ съ суммы, на которую торговалъ купецъ, брался только разъ въ годъ; если бы однако цѣнность товаровъ, привезенныхъ или вывезенныхъ имъ откуда-нибудь въ теченіе года, превзошла бы сумму, очищенную за этотъ годъ зякетомъ, то $2\frac{1}{2}\%$ взыскивалось со всей разности между цѣнностью этихъ товаровъ и суммою, за которую уплаченъ зякетъ. Такимъ образомъ, общее правило при взиманіи зякета состоитъ въ томъ, что купецъ имѣетъ право одновременно отправить товаръ на сумму, которая получится отъ помноженія цифры зякета, имъ уплаченной, на 40. Купецъ, приходящій съ караваномъ, не очищеннымъ еще зякетомъ, обязанъ былъ остановить его за воротами города и дать знать зякетчи или его чиновнику о своемъ прибытіи. При ввозѣ товаровъ, зякетчи обыкновенно ихъ растюковывалъ на томъ основаніи, чтобы точнѣе повѣрить купцовъ, уплатившихъ уже зякетъ и осмотрѣть пришедшіе изъ-за границы товары.

Зякетъ, взыскиваемый съ товаровъ, принадлежащихъ евреямъ и христіанамъ, вдвое выше обыкновеннаго, т. е. 5% .

Такимъ порядкомъ взимался зякетъ, какъ съ тѣхъ товаровъ, которые шли изъ одного кокандскаго города въ другой, такъ и съ тѣхъ, которые приходили изъ-за границы. Также точно взимается и въ настоящее время зякетъ въ Бухарѣ, Кокандѣ и Хивѣ. Оттого караванамъ, приходящимъ изъ сосѣдняго ханства въ другое, приходится уплачивать зякетъ два раза: разъ на своей родинѣ, а другой въ томъ государствѣ, въ которое онъ пришелъ. Если бы караванъ только проходилъ чрезъ

территорію какого-либо государства, не желая въ немъ расторгиваться, то все-таки владѣлецъ товара былъ обязанъ очистить его уплатою установленнаго зякета. Слѣдовательно, караванъ, идущій издалека, заплатитъ въ Средней Азіи столько разъ зякетъ, сколько онъ пройдетъ независимыхъ государствъ. Но и при томъ должно было соблюдаться правило, что купецъ, уплатившій зякетъ въ какомъ-либо государствѣ, имѣлъ право беспошлинной торговли на очищенную сумму въ теченіе года на всемъ пространствѣ этого государства.

2) Зякетъ собирався при кокандскомъ владычествѣ съ гуртовъ скота, при прогонѣ ихъ на продажу. Въ зякетъ вносили владѣльцы гуртовъ $\frac{1}{40}$ долю стоимости каждой головы скота.

3) Съ золота и серебра, считая по 1 тилля съ 40; 100 тилля приблизительно равняются 75 полуимперіаламъ. Впрочемъ, они неопредѣленной пробы и, кажется, несовершенно одного вѣса.

4) Со стадъ киргизовъ, приписанныхъ къ городамъ. Для того зякетчи посылалъ отъ времени до времени своихъ чиновниковъ въ аулы, и послѣдніе забирали въ зякетъ сороковую голову скота.

Зякетъ не собирався съ товаровъ или барановъ, если цѣнность ихъ не превышала 40 тилля. Съ золота и серебра онъ тоже не собирався, если провозимая сумма не свыше 20 тилля.

Зякетъ не учитывался кокандскимъ правительствомъ, и вся полученная сумма полностью оставалась въ распоряженіи зякетчи. Изъ сбора зякетчи посылалъ неопредѣленныя суммы хану и беку и долженъ былъ немедленно исполнять ихъ денежныя требованія, подъ опасеніемъ потерять свое мѣсто. На зякетчи лежала, главнымъ образомъ, обязанность снабжать войска оружіемъ, мѣдью и желѣзомъ.

Годовой сборъ зякета въ Ташкентѣ простирався, по

показаніямъ лицъ, бывшихъ зякетчіями при кокандскомъ владычествѣ, отъ 60.000—80.000 тилля въ годъ.

Съ осѣдлыхъ туземцевъ новозанятой части Туркестанской области, кромѣ зякета, производился еще другой совершенно произвольный денежный сборъ, извѣстный подъ именемъ ханской подати, которая взималась не въ опредѣленные сроки, а по особымъ приказаніямъ хана или бека. Размѣръ этой подати тоже не былъ опредѣленъ, а зависѣлъ отъ большей или меньшей нужды въ деньгахъ, испытываемой правительствомъ. Ханская подать взималась съ городовъ и селеній аксакалами и ихъ помощниками—тугачами, со всевозможными несправедливостями и притѣсненіями.

Кромѣ того, при кокандскомъ владычествѣ, со всѣхъ базаровъ въ городахъ и селеніяхъ взыскивался, такъ называемый, базарный сборъ, и много другихъ произвольно наложенныхъ податей и сборовъ. Право сборовъ принадлежало откупщикамъ, которые брали извѣстную сумму со всѣхъ предметовъ, обложенныхъ податями.

Послѣ взятія города Туркестана войсками Оренбургскаго вѣдомства генераль-адъютантъ Безакъ, согласно представленію генераль-маіора Веревкина, ходатайствовалъ объ оставленіи въ силѣ всѣхъ податей, существовавшихъ при кокандскомъ владычествѣ. На ходатайство это послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Приступая 1 января 1865 года къ обложенію податями новозавоеванныхъ странъ, начальникъ Новококандской линіи, генераль-маіоръ Черняевъ, долженъ былъ руководствоваться Высочайшею волею, причемъ размѣры податей и способъ взиманія предоставлено было опредѣлить ему, генералу Черняеву, по соображенію съ мѣстными условіями.

Впрочемъ, съ перваго появленія нашего въ Средней Азіи, все вниманіе мѣстной администраціи поглощалось политическими интересами, такъ что она не могла обра-

тить вниманія, надлежащимъ образомъ, на внутреннее управленіе краемъ и на вѣрный сборъ слѣдующихъ къ поступленію податей. Къ тому присоединились еще мѣстныя затрудненія. Наблюденіе по сбору зякета было возложено на управляющихъ туземнымъ населеніемъ, которымъ въ помощь были приданы зякетчи. Въ Ташкентѣ, вслѣдствіе значительности торговыхъ оборотовъ, управляющій туземнымъ населеніемъ не могъ, непосредственно, слѣдить за сборомъ зякета, такъ что взиманіе его было возложено на особаго чиновника. Ташкентскій зякетчи былъ отданъ въ распоряженіе этого чиновника, а послѣдній, въ свою очередь, былъ подчиненъ управляющему туземнымъ населеніемъ. Такимъ образомъ, съ утвержденіемъ въ новозанятыхъ странахъ русской власти, роль зякетчи сейчасъ же измѣнилась: изъ откупщика доходовъ, онъ обратился въ оцѣнщика товаровъ, приходящихъ и уходящихъ каравановъ. Слѣдовательно, интересы зякетчи стали въ разрѣзъ съ правительственными требованіями, и его личная выгода побуждала его не открывать нашей власти имена купцовъ, не оплатившихъ зякетомъ привезенный ими товаръ, а при оцѣнкѣ товаровъ, онъ заинтересованъ былъ держать сторону владѣльцевъ каравановъ, отъ которыхъ могъ получить вознагражденіе. Вслѣдствіе этого, наша власть въ Туркестанской области, по отношенію къ сбору зякета, потеряла, такъ сказать, подъ ногами почву и стала въ совершенно изолированное положеніе. Къ тому нужно присоединить еще наше незнакомство съ краемъ, торговыми путями и недостаточность органовъ по взиманію зякета. Съ теченіемъ времени контроль за поступленіями зякета сдѣлался труденъ для управляющихъ туземнымъ населеніемъ въ такой же точно степени, въ какой военному губернатору стало трудно контролировать самихъ управляющихъ; отъ того поступленія зякета стали случайны, неправильны и неравномѣрны. Такимъ образомъ,

сборъ зякета въ г. Ташкентѣ, имѣющемъ до 20.000,000 годового оборота, составилъ всего 25,595 руб. въ 1865 году, въ томъ числѣ сборъ съ прогоняемаго скота 6,868 р.; въ Ходжентѣ же, имѣющемъ значеніе транзитнаго пункта между Кокандомъ и Бухарою, собрано въ 2½ мѣсяца зякета 13.141 руб., безъ сбора со скота, что составитъ въ годъ втрое болѣе Ташкентскаго сбора ¹⁾.

Наша власть, незнакомая со свойствами средне-азіатскихъ сборовъ и немогущая положиться на показанія туземцевъ, при взысканіи зякета, должна была дѣлать значительныя ошибки.

Торговая дѣятельность Ташкента, главнымъ образомъ, заключается въ перепродажѣ русскихъ товаровъ въ Кокандское ханство и Китайскій Туркестанъ и на оборотъ въ отправкѣ средне-азіатскихъ товаровъ въ Россію. Ближайшіе города Кокандскаго ханства, Кокандъ и Наманганъ, лежатъ въ семи дняхъ пути отъ Ташкента, такъ что между послѣднимъ городомъ и вышесказанными идетъ самая дѣятельная торговля. Ташкентскіе купцы, торгующіе съ Кокандскимъ ханствомъ, могутъ, вслѣдствіе близости главныхъ городовъ, обернуть свой капиталъ болѣе 20 разъ въ годъ; потому кокандскія власти собирали иногда съ такихъ купцовъ зякетъ въ теченіе года два раза. Основываясь на этомъ, въ іюлѣ 1865 года было предписано управляющему туземнымъ населеніемъ Ташкентскаго раіона собирать зякетъ каждый разъ при выходѣ каравана изъ города и при входѣ въ него ²⁾. Это приказаніе повліяло невыгодно на вывозъ русскихъ товаровъ изъ Ташкента. Дѣйствительно, допуская, что

¹⁾ Нужно замѣтить, что караваны между Бухарою и Ташкентомъ въ теченіе лѣта и осени 1865 г. ходили меньше прежняго. Но торговое движеніе не прекращалось, что видно изъ возвышенія откупной цѣны на Чиназскую переправу. Цѣна за эту переправу съ 70 рублей первоначальной платы, вносимой откупщиками, возвысилась до 230 руб. за іюль и до 509 руб. за августъ 1865 года.

²⁾ На Ходжентъ и другіе города Туркестанской области упомянутое приказаніе не было распространено.

ташкентскіе купцы, торгующіе съ Кокандскимъ ханствомъ, могутъ обернуть свой капиталъ тахітумъ 20 разъ въ годъ и, полагая, что каждый разъ, при вывозѣ русскихъ товаровъ и при привозѣ средне-азіятскихъ, они принуждены будутъ уплачивать по $2\frac{1}{2}\%$, выйдетъ, что въ теченіе года они должны будутъ внести весь свой капиталъ, за исключеніемъ приобрѣтенныхъ барышей. Оттого, со времени этого распоряженія, вывозъ русскихъ товаровъ изъ Ташкента значительно ослабѣлъ.

Всего въ 1867 году собрано зякета, по бывшей Сырдарьинской области 123.112 руб. $24\frac{1}{4}$ к., въ томъ числѣ съ Ташкентскаго района 46.795 р. $90\frac{3}{4}$ к.

Что касается до другихъ сборовъ, на которые въ Кокандскомъ ханствѣ разбился зякетъ, то, сейчасъ же послѣ ознакомленія со средне-азіятскою системою взиманія податей, генераль Черняевъ почелъ невозможнымъ удержать ихъ въ силѣ, тѣмъ болѣе, что кокандскія власти, не обращая вниманія на благосостояніе своихъ подчиненныхъ, старались только извлекать изъ народа доходы всевозможными путями. Такимъ образомъ, съ первыхъ же дней русскаго владычества, наша власть отказалась взимать грубѣйшія изъ кокандскихъ податей, а именно: *саванъ-зякетъ* (подать за право владѣнія верблюдами), *садмукъ-зякетъ* (подать за право владѣнія баранами), *сборъ съ ремесленныхъ учрежденій* и *съ коша* (подать съ земледѣльческихъ орудій и сохи, запряженной парюю воловъ).

Послѣ назначенія генерала Романовскаго, администрація Туркестанской области стала употреблять всѣ усилія къ открытію податей, взимавшихся при кокандскомъ владычествѣ и упущенныхъ изъ вида нашею властью. Эти мѣры, несмотря на возстановленіе нѣкоторыхъ сборовъ, не послужили, впрочемъ, къ увеличенію государственнаго дохода, такъ какъ количество податей и сборовъ, полученныхъ въ 1866 году (со странъ, за-

нятыхъ еще генераломъ Черняевымъ) не превзошло доходовъ, поступившихъ въ казну въ теченіе 1865 года, т. е. при генералѣ Черняевѣ.

Степная коммисія, которой было предписано проектировать основанія новаго законодательства для нашихъ средне-азіятскихъ владѣній, послѣ старательнаго изученія финансоваго положенія страны и способовъ взиманія податей и сборовъ, полагала въ составленномъ ею положеніи оставить въ дѣйствиі только три главныя подати и уничтожить всѣ второстепенные сборы.

Сборы, предположенные проектомъ положенія по устройству Туркестанскаго генерала-губернаторства къ уничтоженію, слѣдующіе:

1) базарный, 2) вѣсовой, 3) соляной, 4) угольный, 5) подводный и 6) свадебный (никахъ).

1) *Базарнымъ сборомъ* называлась плата, взимаемая съ пригоняемыхъ на продажу на базаръ животныхъ, по слѣдующей таксѣ: а) съ барана 5 копѣекъ съ головы, б) съ лошади и рогатой скотины—10 копѣекъ и в) съ верблюда—20 копѣекъ. Въ большей части осѣдлыхъ поселеній, гдѣ производился этотъ сборъ, онъ отданъ былъ съ торговъ откупщикамъ, которые имѣли своихъ сборщиковъ и объѣзчиковъ какъ на базарѣ, такъ и у заставъ. Въ Ташкентѣ же, Ходжентѣ и Джизакѣ базарный сборъ производился администраціею, для чего въ Ташкентѣ, напримѣръ, имѣлись на жалованьѣ казны: 8 сборщиковъ, 8 помощниковъ ихъ, 1 разсылный (тотъ же персоналъ употреблялся для взиманія караваннаго сбора, т. е. зякета) и 25 казаковъ.

2) *Вѣсовымъ* назывался сборъ въ $\frac{1}{4}$ копѣйки, установленный ко взысканію съ каждаго пуда хлѣба, привозимаго на продажу на базаръ. Съ перваго взгляда, вѣсовой сборъ кажется необременительнымъ для народа но, въ существѣ, онъ ложился на него тяжелымъ бременемъ. Это зависѣло отъ того, что ни одинъ откуп-

щикъ никогда не исполнялъ контрактныхъ условій, а услѣдить за подобнымъ неисполненіемъ было невозможно. Люди откупщика, вмѣсто того, чтобы производить сборы при вѣсахъ, встрѣчали каждаго верблюда далеко за городомъ, останавливали его и требовали вѣсовую таксу въ совершенно произвольномъ размѣрѣ. Кромѣ того, откупщики брали повсемѣстно плату не съ одного хлѣба, но со всего, что можно вѣшать, напр.: съ орѣховъ, кореньевъ, красильныхъ веществъ и т. д.

3) *Соляной* и 4) *угольный сборы* взымались по 20 коп. съ верблюда, навьюченного солью или углемъ. Соль привозится въ Ташкентъ большею частью лѣтомъ, когда ее можно выламывать изъ соляныхъ озеръ. Уголь же обжигается киргизами въ горахъ зимою и тогда же привозится ими въ городъ. Соль и уголь составляютъ предметы первой потребности для каждаго сартовскаго поселенія; уголь потому, что уложенный въ жаровни и накрытый одѣялами, онъ замѣняетъ печи въ сартовскихъ жилищахъ. Къ тому нужно замѣтить, что уголь продается въ Ташкентѣ по 25—30 копѣекъ за капъ (мѣшокъ) и что такихъ каповъ на верблюда помѣщается три или четыре. Слѣдовательно, киргизы платили болѣе 30% стоимости угля, привозимаго ими изъ за 100 верстъ, рѣдко ближе.

Соляной и угольный сборы, сколько мнѣ извѣстно, существовали только въ Ташкентѣ.

5) *Подводнымъ* назывался сборъ, взымавшійся съ каждаго: лошади, верблюда или арбы, прибывающихъ къ городскимъ воротамъ съ вьюкомъ. Подводный сборъ былъ опредѣленъ въ 10 копѣекъ съ каждой вьючной лошади и въ 20 копѣекъ—съ верблюда или арбы. Такому сбору подвергалась каждая кладь, слѣдовательно цѣнные предметы, наравнѣ съ дровами, камышемъ, соломой и т. д.

6) *Свадебнымъ сборомъ* называлась пошлина, взыма-

шаяся въ пользу казны, за право выйти замужъ,—по 2 рубля съ каждой дѣвушки и по 1 руб. съ каждой вдовы.

Свадебный сборъ существовалъ только въ Ташкентскомъ районѣ.

Порядокъ взиманія этихъ сборовъ былъ чрезвычайно разнообразенъ; за 1865—1866 и 1867 года этимъ самымъ сборамъ были подвергнуты только тѣ города и селенія, которые расположены вблизи мѣстопробыванія русской власти. Это можно видѣть изъ слѣдующаго перечня.

Въ 1867 году.

а) Съ откупа были отданы сборы: вѣсовой и базарный.

1) Въ Туркестанѣ, вмѣстѣ съ переправою черезъ Сыръ-дарью у Учъ-Каюка 9,000 р. — к.

Города Туркестанскаго района: Корнакъ и Иканъ не были обложены этими сборами.

2) Въ Аулие-ата за. 3,390 р. — к.

3) » Чемкентѣ. 8,527 » 50 »

Вмѣстѣ съ Чемкентскимъ базаромъ отданы базары близълежащихъ городовъ: Манкента, Карабулака и Сайрама. Города же: Султарабадъ, Ялгалыкъ и Кара-Муртъ не были обложены базарнымъ и вѣсовымъ сборами ¹⁾.

4) Ура-Тюбе. 3,000 р. — к.

Всѣ осѣдлыя поселенія ура-тюбинскаго района не были обложены этими сборами. Въ то время, какъ въ Ура-Тюбе считается до 3,000 домовъ, въ приписанныхъ къ нему кишлакахъ полагаютъ до 6,000 домовъ.

¹⁾ Или объ этомъ вездѣ умалчивалось.

б) *Съ откупа былъ отданъ отдѣльно высовой сборъ.*

Въ Казалинскѣ за	555 р. — к.
» Кара-Тюбѣ »	303 » 25 »
» Перовскѣ »	700 » — »
» Ташкентѣ »	4,542 » — »

Всѣ осѣдлыя поселенія къ сѣверу отъ Чирчика не были обложены ни базарнымъ, ни вѣсовымъ сборами.

Въ Зачирчикскомъ краѣ.	2,660 р. — к.
» Зааминѣ	450 » — »

Осѣдлыя поселенія зааминскаго раіона не были обложены ни базарнымъ, ни вѣсовымъ сборами.

Всего въ зааминскомъ раіонѣ считается 400 дворовъ.

в) *Съ откупа былъ отданъ отдѣльно базарный сборъ.*

Въ Зачирчикскомъ краѣ.	8,000 р. — к.
--------------------------------	---------------

г) *Базарный сборъ вѣсился администраціею.*

Въ Ташкентѣ даль дохода за 1867 г. 10,132 р. — к.

д) *Базарный и вѣсовой сборы вѣсались администраціею.*

Въ Ходжентѣ дали по 1 октября 1867 года	3,244 р. 40 к.
--	----------------

Осѣдлыя поселенія ходжентскаго раіона, въ числѣ 2,000 дворовъ, не обложены этими сборами. Въ самомъ Ходжентѣ 4,000 дворовъ.

Въ Джизакѣ, дали по 1 октября 1867 г. дохода	3,226 р. 8 к.
---	---------------

Осѣдлыя поселенія джизакскаго раіона не были обложены этими сборами. Теперь ихъ немного: при бухарскомъ же владычествѣ джизакскому раіону принадлежало 9,000 дворовъ.

Всего по вѣсовому и базарному сборамъ получено казною въ 1867 году . 63,740 р. 33 к.

Независимо отъ того въ Ташкентѣ производились и другіе сборы. Количество всѣхъ вообще сборовъ въ Ташкентѣ за 1867 годъ выразится слѣдующею таблицей:

(Расходы на содержаніе администраціи по сборамъ здѣсь не считаются, такъ что цифры представляютъ валовой доходъ).

Мѣсяцы 1867 года.	Базарный сборъ. руб. коп.	Вѣсовой сборъ.	Соляной сборъ. руб. коп.	Угольный сборъ. руб. коп.	Подводн. сборъ. руб. коп.	Свадебн. сборъ.
Январь . . .	171 10	Отдано откупщику за 4,542 руб. въ годъ. Въ мѣсяцъ ко вносу причитается 378 руб. 50 коп.	— —	225 —	542 —	Отдано откупщику за 2,000 руб. въ годъ. Въ мѣсяцъ ко вносу причитается 166 руб. 66 ³ / ₄ коп.
Февраль . . .	148 85		4 —	135 —	393 10	
Мартъ . . .	650 5		6 90	51 10	833 90	
Апрѣль . . .	1,390 30		23 40	87 —	1,609 10	
Май . . .	1,406 80		7 —	75 80	561 —	
Іюнь . . .	1,023 —		1 40	79 —	396 —	
Іюль . . .	1,052 35		26 —	196 60	662 30	
Августъ . . .	1,151 80		187 80	135 40	487 10	
Сентябрь . . .	950 40		261 20	163 10	1,166 90	
Октябрь . . .	972 30		257 20	402 20	1,040 10	
Ноябрь . . .	792 80		105 —	733 —	722 40	
Декабрь . . .	422 75		3 80	584 —	748 10	
Итого. . .	10,132 05	4,542 —	883 70	2,867 20	9,167 60 ¹⁾	2,000 —
А всего сборовъ 22,592 р. 55 к.						

Изъ перечня и таблицы видно, что во взиманіи поименованныхъ сборовъ не было ни равномѣрности, ни однообразія. То, что взималось съ однихъ осѣдлыхъ поселеній, не взималось съ другихъ. Одни города и мѣстечки, по преимуществу тѣ, въ которыхъ живутъ русскіе, платили много, другіе—ничего. У однихъ всѣ сборы производились администраціею, у другихъ—подрядчиками, у третьихъ, наконецъ, сборы взимались и администраціею, и подрядчиками. Я уже не говорю про существо самыхъ податей, изъ которыхъ каждая прямо ложилась на предметы первоначальнаго потребленія. Даже въ Европѣ, откупная система сборовъ, хотя и принятая только какъ хозяйственная мѣра, находящаяся

¹⁾ Подводный сборъ взимался и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ.

въ распоряженіи магистратуръ и подъ контролемъ всѣхъ горожанъ, ложится крайне тяжело на бѣднѣйшій классъ. Тутъ же, гдѣ привычка къ насилію и злоупотребленіямъ съ одной стороны и равнодушіе въ перенесеніи произвола съ другой—такъ обыкновенны, подобные сборы давали поводъ къ беспорядочной, неуловимой и неподдающейся контролю эксплуатаціи народа.

Все это должно было произвести свое дѣйствіе и привести къ тѣмъ цифрамъ, которыхъ нельзя комментировать. Напримѣръ: какое заключеніе можно было вывести изъ того, что Туркестанскій и Ташкентскій базары давали почти одну цифру, а Ходжентскій въ три раза меньшую, когда въ Туркестанѣ 4,000 жителей, въ Ходжентѣ—въ десять, а въ Ташкентѣ—въ двадцать разъ большее населеніе?

Такъ называемая степная коммисія, посланная въ киргизскія степи и бывшую Туркестанскую область для опредѣленія началъ по управленію нашими среднеазиатскими владѣніями, имѣя въ виду все вышеизложенное, предположила измѣнить способъ взиманія податей, существовавшихъ въ бывшихъ кокандскихъ и бухарскихъ владѣніяхъ. Прежде всего эта коммисія не могла не обратить вниманія на то, что зякетъ въ принципѣ долженъ вѣдаться со всякаго имущества, а не съ однихъ каравановъ съ товарами; эта мысль поднималась уже нѣсколько разъ и бывшими кокандскими государами. Такимъ образомъ около полувѣка тому назадъ Мадали-Ханъ сдѣлалъ попытку заставить своихъ подданныхъ уплачивать ежегодно $\frac{1}{40}$ часть со всего движимаго и недвижимаго имущества, но по слабости Мадали-Хана, на практикѣ, попытка эта не имѣла успѣха. Съ другой стороны разнообразные сборы, существовавшіе при кокандцахъ въ Сыръ-дарьинской области, суть ничто иное какъ искаженные развѣтвленія общей мусульманской подати зякета.

Полагая невозможнымъ удержать зякетъ въ той формѣ, которая существовала въ бывшей Туркестанской области, и соображая вышесказанныя обстоятельства, степная коммисія полагала, что за освобожденіемъ отъ базарнаго и другихъ сборовъ, туземцы, безо всякаго для себя обремененія, могутъ вносить $2\frac{1}{2}\%$ съ торговаго капитала, въ какой бы формѣ онъ ни выражался. Это казалось тѣмъ болѣе справедливымъ, что взамѣнъ кокандскихъ чиновниковъ, русское правительство давало туземцамъ широкое самоуправленіе и полное обезпеченіе жизни и имущества.

При этомъ признано необходимымъ принять слѣдующія основанія: 1) русскіе чиновники непосредственно не должны вмѣшиваться въ дѣло взиманія зякета; 2) сборъ зякета поручить коллегіальному учрежденію, составленному изъ выборныхъ отъ народа и 3) дать правительству возможность контролировать дѣйствія выборныхъ, изъ которыхъ предположено образовать общественныя хозяйственныя управленія.

Взиманіе зякета съ внутренней торговли должно было производиться по объявленіямъ о торговыхъ капиталахъ, подаваемымъ въ общественныя хозяйственныя управленія; но послѣднимъ предоставлено право повѣрять купческія объявленія осмотромъ караванъ-сараевъ, складовъ, лавокъ и оцѣнкою въ нихъ товаровъ. При этомъ нужно замѣтить, что среднеазіятецъ проводитъ большую часть своей жизни на базарѣ, такъ что даже въ такомъ городѣ, какъ Ташкентъ, жители весьма хорошо и подробно знаютъ обороты каждаго торговца.

Число членовъ въ хозяйственныхъ управленіяхъ городовъ по проекту «Положенія» зависитъ отъ числа въ послѣднихъ кварталовъ, слѣдовательно, въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ составъ этихъ управленій долженъ былъ быть многочисленный, чѣмъ и предполагалось облегчить собираніе свѣдѣній о торговыхъ

капиталахъ. Каждый объявленный капиталъ, за исключеніемъ, опредѣленнымъ § 296 проекта «Положенія», вносить $\frac{1}{2}\%$ зякета въ то хозяйственное управленіе, которое вѣдаетъ мѣстомъ его жительства. Уплатившій установленный торговый сборъ получаетъ квитанцію, дающую ему право беспошлинной торговли на капитальную сумму по всей Имперіи. Члены хозяйственныхъ управленій заинтересованы въ добросовѣстномъ исполненіи ими своего долга по сбору зякета, предоставленіемъ имъ, въ видѣ содержанія, 5% со всего сбора (считая въ томъ числѣ и торговые сборы съ иностранныхъ среднеазіатскихъ купцовъ). По усмотрѣнію главнаго начальника края, это содержаніе можетъ быть усилено до 10% .

По контрольнымъ листамъ, остающимся въ книгахъ cadaго хозяйственнаго управленія, уѣздный начальникъ можетъ знать количество капитала, объявленнаго каждымъ торговцемъ изъ осѣдлыхъ туземцевъ Сырдарьинской области. По сравненію этого капитала съ дѣйствительными торговыми оборотами торговца и количествомъ товаровъ, въ принадлежащихъ ему лавкахъ, уѣздный начальникъ получаетъ возможность нѣкотораго контроля, во всякомъ случаѣ болѣе точнаго, чѣмъ тотъ, которымъ онъ бы пользовался при удержаніи прежняго порядка взиманія зякета.

Вслѣдствіе проектированной системы сбора зякета полагалось достигнуть всѣхъ выгодъ, къ которымъ стремилась коммисія при опредѣленіи способа взиманія какъ зякета, такъ и всѣхъ другихъ податей. Отдѣляя право сбора податей отъ административной власти и предоставляя послѣдней только контролированіе источниковъ поступленій, коммисія думала возвысить русскую власть, особенно въ глазахъ туземцевъ.

Вѣдѣнію этихъ же общественныхъ управленій, которыхъ положено имѣть не менѣе одного на уѣздъ,

поручены и сборы съ иностранныхъ купцовъ, торгующихъ въ бывшихъ кокандскихъ и бухарскихъ городахъ и отошедшихъ въ составъ Сыръ-дарьинской области. Размѣръ зякета опредѣленъ въ $2\frac{1}{2}\%$ со стоимости каравановъ. Иностранцевъ же и туземцевъ, торгующихъ на бывшей Сыръ-дарьинской линіи, именно въ уѣздахъ Казалинскомъ и Перовскомъ, въ Семирѣченской области и другихъ частяхъ Имперіи предположено подчинить общему положенію о торговлѣ по свидѣтельствамъ внутри Россіи для русскихъ купцовъ; послѣднимъ же сохранить тѣ льготы, съ которыми они нынѣ торгуютъ въ пограничныхъ областяхъ и киргизской степи.

Зякетъ съ иностранныхъ азіятскихъ купцовъ, торгующихъ въ верхней, осѣдлой части Сыръ-дарьинской области, предположенъ комисіею въ видѣ нѣскольکو различномъ отъ зякетнаго сбора съ туземцевъ. Они платятъ зякетъ въ видѣ $2\frac{1}{2}\%$ съ капитала, на который торгуютъ въ продолженіе года, сколько бы разъ ни былъ обороченъ капиталъ въ это время, а съ иностранцевъ зякетъ взимается въ видѣ того же процента со стоимости товара каждаго каравана, приходящаго изъ-за границы, или, другими словами, съ каждаго оборота капитала.

Зякетъ, примѣненный къ проекту «Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-дарьинской областяхъ».

Въ началѣ 1868 года было приступлено къ организаціи края на основаніи проекта «Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-дарьинской областяхъ». Послѣ большихъ диспутовъ и усилій, членамъ Ташкентской организаціонной комисіи удалось достигнуть того, что улемы постановили фатъву, согласно которой новыя основанія, предположенныя проектомъ «Положе-

нія», были признаны согласными съ требованіями и духомъ мусульманской вѣры. Хотя генераль-губернаторъ игнорировалъ эту сдѣлку съ ташкентскимъ духовенствомъ, тѣмъ не менѣе фатьва, составленная улемами и подтверждающая, съ мусульманской точки зрѣнія, легальность нашихъ мѣропріятій въ Средней Азіи, обезпечивала успѣхъ реформы въ Ташкентѣ. Туземцы, живущіе въ другихъ пунктахъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, ожидали, какъ ташкентцы отнесутся къ реформѣ, чтобы примкнуть къ нимъ, а потому фатьва, постановленная въ Ташкентѣ, гарантировала мѣстнымъ властямъ, что реформа пройдетъ во всемъ краѣ безъ усложненій. Такимъ образомъ измѣненія, проектированныя для взиманія податей, въ томъ числѣ и зякета, могли вступить въ свою силу.

Все, что будетъ далѣе говоритья, относится до одного Ташкента, но въ большей или меньшей степени оно примѣнимо и ко всѣмъ мѣстностямъ Туркестанскаго генераль-губернаторства.

Для образованія хозяйственнаго управленія были приглашены избиратели по одному отъ каждаго пятидесяти домовъ и выборы произошли крайне удачно. Всего членовъ въ управленіе выбрано 20, которые, согласно проекта «Положенія», избрали своимъ предсѣдателемъ выходца изъ Россіи, татарина Шарафей-бая. Вслѣдъ за тѣмъ генераль-губернаторъ объявилъ городу объ уничтоженіи всѣхъ сборовъ и податей, за исключеніемъ хераджа, танапа, зякета и сборовъ на земскія надобности. Члены общественнаго управленія, испросивъ тоже не официально отъ улемовъ фатьву, въ которой было сказано, что новопроектированныя подати согласны съ духомъ корана, приступили весьма ревностно ко взиманію податей. По первымъ же пріемамъ этого управленія можно было предложить, что количество зякета, которое поступитъ въ доходъ казны, превзойдетъ цифру

закета за 1867 г. по крайней мѣрѣ второе, и опытъ подтвердилъ это.

Тѣмъ не менѣе ближайшее знакомство со способомъ взиманія закета на новыхъ основаніяхъ доказало, что русскія власти, избавившись отъ однихъ затрудненій, на практикѣ встрѣтились со множествомъ другихъ, не менѣе сложныхъ, чѣмъ тѣ, которыя первоначально казались намъ существеннѣйшими. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о всѣхъ аномаліяхъ и затрудненіяхъ, вытекающихъ изъ существа самаго закета, необходимо разсмотрѣть его хотя самымъ поверхностнымъ образомъ.

Какъ нѣсколько разъ сказано выше, закетъ взимается только разъ въ годъ со всякаго имущества, слѣдовательно и съ купеческаго капитала. Это составляетъ условіе *sine qua non* для закета.

Раіонъ дѣятельности ташкентскихъ купцовъ очерчивается линіею, проведенною отъ Нижняго къ Тобольску, по Иртышу, джунгарскимъ городамъ, къ Урумчи, отсюда на югъ по южнымъ кашгарскимъ городамъ, къ Бадакшану по Аму-дарьѣ, Оренбургу и къ Самарѣ. На очерченномъ пространствѣ лежатъ пункты, отстоящіе отъ Ташкента на разныхъ временахъ караваннаго пути. Такимъ образомъ караванъ отправленный изъ Ташкента въ Нижній, обернется только разъ въ годъ; въ Петропавловскъ, Семипалатинскъ и Кульджу разъ въ четыре мѣсяца; въ Троицкъ—въ пять или шесть мѣсяцевъ; въ Наманганъ и Кокандъ—разъ въ двѣ недѣли, въ Бухару въ 40 дней. Разстоянія, разсчитывая на дни караваннаго пути, обусловливаютъ быстроту, съ которою въ торговлѣ оборачивается купеческій капиталъ, слѣдовательно играютъ большую роль при взиманіи закета. Такимъ образомъ, если купецъ послалъ караванъ въ Нижній, то стоимостъ его товаровъ, туда отправленныхъ, выражаетъ капиталъ, который не обернется ранѣе года. Значитъ, если, въ теченіе того же года,

имъ будетъ посланъ еще другой караванъ, куда бы ни было, то онъ подлежитъ уплатѣ зякета, несмотря на то, что караванъ, посланный въ Нижній тѣмъ же купцемъ, уже очищенъ зякетомъ. Съ другой стороны, купецъ можетъ обернуть между Ташкентомъ и Коканомъ одинъ и тотъ же капиталъ 27 разъ въ теченіи года, уплативъ на него зякетъ только одинъ разъ. За тѣмъ при каждомъ приходѣ каравана изъ Коканда или отпращиваніи изъ Ташкента, купцу придется доплачивать дополнительный зякетъ съ барышей, полученныхъ отъ оборотовъ. Эти необходимыя соображенія весьма усложняютъ взиманіе зякета. Положеніе дѣлъ становится гораздо сложнѣе при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Ташкентскій купецъ отправилъ въ началѣ года караванъ въ 10,000 руб. въ Наманганъ; затѣмъ черезъ двѣ недѣли—другой, положимъ, въ 15,000 въ Нижній, а еще черезъ мѣсяцъ одинъ караванъ въ Петропавловскъ въ 10,000, другой въ Бухару въ 8,000 и третій въ Кокандъ въ 3,000 руб. Расчетъ по взиманію зякета въ приведенномъ случаѣ, т. е. когда купецъ посылаетъ свои товары въ разныя стороны, становится до высшей степени сложнымъ. При этомъ нужно сообразить, что наманганскій караванъ можетъ прійти къ мѣсту своего назначенія черезъ двѣ недѣли; нижегородскій—черезъ шесть мѣсяцевъ; петропавловскій—черезъ 2 мѣсяца; бухарскій—черезъ 20 дней; нужно помнить, что каждый оплаченный зякетомъ караванъ можетъ обернуться между извѣстными пунктами безъ уплаты новаго зякета, съ капитальной суммы, только определенное число разъ, т. е. имѣть въ виду, что если въ Нижній пошелъ одинъ оплаченный зякетомъ караванъ, то всякій другой, посланный въ теченіе того же года, отъ того же купца, подлежитъ новой оплатѣ зякетомъ; что петропавловскій караванъ имѣетъ право обернуться безъ новой оплаты три раза въ годъ, бухарскій—десять разъ, а кокандскій

и наманганскій 27 разъ. Все это ведетъ къ величайшей путаницѣ, а слѣдовательно къ возможности для хозяйственнаго управленія дѣлать почти безконтрольно все, что ему угодно.

Приведенный расчетъ по оборотамъ каравановъ представляетъ тахіишм скорости, съ которою можетъ оборачиваться капиталъ между Ташкентомъ съ одной стороны и пунктами, съ которыми онъ ведетъ торговлю—съ другой. Хотя на практикѣ такая быстрота оборотовъ едва-ли возможна, но, основываясь на томъ, что она невозможна, каждый купецъ получаетъ легальное право обманывать администрацію. Такимъ образомъ купцу, оплатившему зякетомъ извѣстное количество товаровъ, посланныхъ въ Кокандъ, конечно, никто не можетъ помѣшать отправлять подъ своимъ именемъ товаръ, принадлежащій другому лицу, если только этотъ купецъ не хочетъ или не можетъ обернуть очищенный зякетомъ капиталъ 27 разъ въ теченіе одного года. Такъ же точно могутъ купцы русскаго происхожденія отправлять подъ своимъ именемъ товары, принадлежащіе туземцамъ, ради избавленія ихъ отъ зякета.

Вопросъ о болѣе прочной организаціи двухъ съ половиной процентной подати весьма озабочивалъ мѣстную администрацію; чтобы получить возможность контролировать дѣйствія общественныхъ управленій, генералъ-губернаторъ приказалъ составить однообразную форму книгъ по взиманію зякета. Вмѣсто продолжительныхъ объясненій, привожу примѣрный листъ такой книги (таблица А).

ТАБЛИЦА ЛИТ. А.

Замѣчанія къ формѣ зякетныхъ книгъ.

1) Владѣлецъ каждаго каравана или его прикащикъ, передъ приходомъ въ городъ или селеніе, гдѣ желаетъ расторговаться, обязанъ предъявить полученный имъ ярлыкъ (купонъ) въ Общественное хозяйственное управленіе, къ которому приписаны этотъ городъ или село.

2) Ярлыкъ служитъ для повѣрки уплаченнаго зякета, цифра котораго на немъ значится.—Въ томъ случаѣ, если цѣнность товара въ караванѣ превышаетъ цифру оборотнаго капитала, очищеннаго зякетомъ,—Общественное хозяйственное управленіе обязано удостоверить своею надписью на ярлыкъ этотъ фактъ, но не взыскивая добавочнаго зякета, сообщить объ этомъ въ то хозяйственное управленіе, гдѣ числится капиталъ купца—владѣльца каравана, и гдѣ ведется общая отчетность зякета.

3) При веденіи указаннымъ способомъ отчета о зякетѣ, единственная возможность обмана состоитъ въ минованіи городовъ и въ распродажѣ товаровъ въ степи, что, впрочемъ, устранить весьма легко.

4) Контролировать купцовъ и общественныя управленія предлагаемымъ способомъ возможно, рассчитывая на тахітисъ оборотовъ, которые могутъ дѣлать караваны между какими либо двумя пунктами.

№ 1-й.				Отпускъ каравановъ.				
Ташкентскій купецъ NN объявилъ въ 1868 году первоначальный капиталъ въ 10000 руб. сер. (Тоже на туземномъ языкѣ). Съ объявленнаго капитала уплачено зякета 250 руб. сер. (3 января). (Тоже на туземномъ языкѣ). Дополнительный зякетъ.				№	Мѣсяцъ и число.	Куда отпушено и какой товаръ.	Сумма.	
							руб.	к.
				1	Янв. 3	Въ Кокандъ. (Желѣзо).	5000	—
				2	Янв. 4	Въ Кокандъ. (Кожи).	5000	—
				3	Янв. 5	Въ Кокандъ. (Чугунъ).	5000	—
				4	Март. 1	Въ Троицкъ. (Хлопокъ).	10000	—
				5	Март. 4	Въ Троицкъ. (Шелкъ).	6000	—
				6	Юня. 2	Въ Кокандъ. (Красный товаръ).	5000	—
				7	Дек. 10	Въ Кокандъ. (Красный товаръ).	18000	—
				8	Дек. 11	Въ Кокандъ. (Красный товаръ).	12000	—

Мѣсяцъ и число.	Съ чего поступило.	Сумма.	
		руб.	к.
Янв. 5	Съ каравана № 3 причитається съ суммы 5000 р. сер. Всего торг. капит. 15000 р. сереб.	125	—
Март. 5	Съ каравана № 5 причитається съ суммы 1000 р. сер. Всего капит. 1600 руб. с.	25	—
Юня 2	Съ каравана № 6 причитається съ суммы 5000 р. сер. Всего капит. 21000 руб. с.	125	—
Дек. 11	Съ каравана № 8 причитається съ суммы 9000 р. сер. Всего капит. 30000 руб. с.	225	—
Дек. 30	Оказалось въ лавкѣ лишняго товару на сумму 3000 р. сер. съ коей причитається. Всего капит. 33000 руб. с.	75	—
Итого.		575	—
(Тоже на туземн. языкѣ).			

№ 1-й.

Отрѣзывается изъ книги и вы-
дается плательщику, по § 304 «Поло-
женія».

Записывается то же самое, что и
на лѣвой половинѣ первой страницы.

Отрѣзанный купонъ долженъ находиться при
каждомъ отходящемъ караванѣ.

Пишется по-русски и на туземномъ языкѣ.

1868 г. Января 3.

Ташкентскаго торговца NN, уплатившаго
№ зякетъ съ суммы 10000 руб. сер.

1 Караванъ слѣдуетъ въ Кокандъ съ желѣзомъ
на 10-ти вербл. тов. на сум. 5000 руб. сер.

1868 г. Января 4.

№
2

на сумму 5000 руб. сер.

1868 г. Января 5.

№
3

съ суммы 15000 руб. сер.
на сумму 5000 руб. сер.

1868 г. Марта 1.

№
4

съ суммы 15000 руб. сер.
на сумму 10000 руб. сер.

1868 г. Марта 4.

№
5

съ суммы 16000 руб. сер.
на сумму 6000 руб. сер.

1868 г. Юня 2.

№
6

съ суммы 21000 руб. сер.
на сумму 5000 руб. сер.

1868 г. Декабря 10.

№
7

съ суммы 21000 руб. сер.
на сумму 18000 руб. сер.

1868 г. Декабря 11.

8

съ суммы 30000 руб. сер.
на сумму 12000 руб. сер.

Если присмотрѣться со вниманіемъ къ этой таблицѣ, то окажется, что затрудненія по сбору зякета уничтожаются и самый точный учетъ каждого купца въ концѣ года становится возможенъ, имѣя въ виду только знаніе числа дней пути до пунктовъ, куда отправились караваны. Эта же форма даетъ возможность контролировать дѣйствія хозяйственныхъ общественныхъ управленій. Но веденіе подобной книги оказалось слишкомъ сложнымъ для туземцевъ и намѣреніе администраціи разбилося о невозможность растолковать членамъ Ташкентскаго общественнаго управленія предположеннаго способа веденія книгъ. Такимъ образомъ эта попытка не имѣла покуда результатовъ.

Другой видъ зякета былъ проектированъ степною комиссіею ко взиманію съ капиталовъ, обращающихся на базарахъ и долженъ былъ взиматься съ каждого торговца, если его годовой сборъ превосходитъ 40 тиллей. Сборъ этого зякета, какъ сказано выше, былъ тоже порученъ общественнымъ управленіямъ.

Прежде всего на практикѣ натолкнулись на вопросъ: какимъ образомъ отдѣлить, хотя бы въ ташкентскихъ лавкахъ, оплаченный уже купцемъ товаръ (напр., пришедшій изъ Нижняго или Коканда) отъ товара, подлежащаго еще уплатѣ зякета. Затѣмъ, если дѣйствія общественнаго управленія трудно контролируются по отношенію къ сборамъ съ каравановъ, то администраціи еще труднѣе повѣрить, въ какой степени вѣрна оцѣнка товаровъ, находящихся въ лавкахъ и караванъ-сараяхъ. Ко времени отъѣзда Туркестанскаго генераль-губернатора въ Петербургъ, Ташкентское общественное управленіе только приступило къ сбору зякета съ торговцевъ. Хотя результатъ его дѣйствій въ этомъ отношеніи мнѣ неизвѣстенъ, но полагаю, что цифра внутренняго зякета въ Сыръ-дарьинской области должна быть весьма незначительна.

Наконецъ, третій видъ зякета—съ каравановъ, принадлежащихъ иностраннымъ купцамъ, предположено взимать въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ части съ каждаго приходящаго въ Туркестанскій край каравана. Такой обременительный для иностранныхъ азіятъ способъ взиманія зякета мотивировался желаніемъ дать преимущества уроженцамъ Туркестанскаго края, которые обязаны вносить зякетъ съ оборотнаго капитала всего разъ въ годъ. И въ этомъ случаѣ явилось много усложненій. Въ теченіе 1868 года генераль-адъютантъ Кауфманъ заключилъ торговые договоры съ Кокандомъ, Бухарою и приступилъ къ переговорамъ о заключеніи торговаго же трактата съ Кашгаромъ. Въ текстѣ всѣхъ договоровъ говорится, что русскіе купцы пользуются въ ханствахъ тѣми же правами, какими пользуются кокандцы, бухарцы и кашгарцы въ русскихъ предѣлахъ. Этотъ пунктъ, совершенно справедливый самъ по себѣ, можетъ быть для насъ особенно выгоденъ только въ томъ случаѣ, если иностранцы будутъ пользоваться большою свободою въ русскихъ владѣніяхъ. Такимъ образомъ возможность торговыхъ обязательствъ съ независимыми среднеазіатскими ханствами, не предусмотрѣнная составителями проекта въ 1867 году, предполагаетъ необходимость измѣненія правилъ о взиманіи зякета съ товаровъ, принадлежащихъ иностраннымъ купцамъ.

Если, слѣдовательно, общій духъ законодательства направленъ къ тому, чтобы иностранные купцы были поставлены въ неблагопріятныя, по сравненію съ туземными, условія, то въ частностяхъ положеніе противорѣчитъ себѣ и даетъ большія права бухарцамъ и хивинцамъ, чѣмъ жителямъ Сыръ-дарьинской области. Въ §§ 313, 314 и 315 говорится, что иностранные азіатскіе купцы подчиняются всѣмъ налогамъ по торговлѣ, которые взимаются съ русскихъ поданныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они будутъ расторговываться. Поэтому

иностранцы, привозящіе товары въ Сыръ-дарьинскую область, обязаны, наравнѣ съ туземцами, платить зякетъ въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ стоимости ихъ товаровъ; тѣ же иностранные азіятскіе купцы, которые станутъ отправлять свои товары въ Семирѣченскую область и другія части Имперіи, обязаны брать только торговые свидѣтельства и платить прочіе сборы и повинности, которые въ тѣхъ мѣстностяхъ несутъ русскіе купцы. Вслѣдствіе этихъ положеній, изъ всѣхъ жителей Средней Азіи, туземцы Сыръ-дарьинской области оказались поставленными въ самое невыгодное положеніе по отношенію къ торговымъ дѣламъ съ русскими рынками. Дѣйствительно, въ то время, когда бухарскіе и хивинскіе караваны получили право проходить безпошлинно отъ нашей границы до Оренбурга, Самары, Нижняго и Ирбита, жители Сыръ-дарьинской области обязаны очистить посылаемый ими туда товаръ пошлиною въ $2\frac{1}{2}\%$ со стоимости каравановъ. Имѣя въ виду заявленія мѣстныхъ властей на счетъ несправедливости этого закона по отношенію къ туземнымъ русскимъ подданнымъ, вслѣдствіе чего товаръ, отправляемый послѣдними, не можетъ бороться на русскихъ рынкахъ съ товарами бухарцевъ, и, опасаясь, чтобы подобными мѣропріятіями мы не подорвали бы нарождающуюся торговлю Сыръ-дарьинской области, Туркестанскій генералъ-губернаторъ былъ принужденъ отмѣнить права, предоставленныя бухарцамъ и хивинцамъ, въ ущербъ туземцамъ. Такимъ образомъ весною 1868 года онъ сдѣлалъ распоряженіе о сравненіи правъ бухарцевъ и хивинцевъ съ жителями Сыръ-дарьинской области и о взиманіи зякета съ каравановъ, принадлежащихъ иностранцамъ во время слѣдованія ихъ въ Россію, черезъ территорію Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Это распоряженіе породило многочисленныя жалобы со стороны оренбургскихъ купцевъ (отзывъ Оренбургскаго генералъ-губернатора

къ министру финансовъ отъ 6 февраля 1869 г. за № 867); Туркестанскій генераль-губернаторъ, соглашаясь, что его распоряженіе должно было стѣснить торговлю бухарцевъ, потому что оно и имѣло это стѣсненіе своею цѣлю, считаетъ тѣмъ не менѣе совершенно необходимымъ продолжить сборъ зякета съ иностранцевъ впредь до того времени, пока явится возможность измѣнить законодательство по взиманію зякета и для жителей Сыръ-дарьинской области.

Тѣ же невыгодныя для туземцевъ Туркестанскаго края стороны зякета заставили генерала Кауфмана дать предписаніе губернатору Семирѣченской области взискивать $\frac{1}{40}$ часть стоимости со всѣхъ каравановъ, проходящихъ изъ китайскаго Туркестана (Кашгара или Джитышара) въ Кульджу и бывшія провинціи Западнаго Китая. Кашгарскіе же караваны, которые распродаютъ свой товаръ въ Семирѣченской области, на основаніи буквального смысла проекта «Положенія», зякетомъ не обкладываются, а отъ владѣтелей ихъ, покуда, требуется только, чтобы они брали торговые свидѣтельства. Впрочемъ, мѣстныя власти находятъ уже такой порядокъ неудобнымъ.

При необычайной дешевизнѣ въ Джитышарѣ хлопка, грубая бумажная матерія, извѣстная въ торговлѣ подъ именемъ бязи и выдѣлываемая въ большомъ количествѣ всѣми осѣдлыми жителями Джитышара, можетъ запрудить всю восточную часть киргизской степи. Само собою разумѣется, что усиленіе сбыта среди нашихъ кочевниковъ кашгарской бязи будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе ввоза въ киргизскія степи ситцевъ русскихъ фабрикъ и бязи ташкентскаго и ходжентскаго производствъ. Последнее тѣмъ болѣе вѣроятно, что туземцы Сыръ-дарьинской области нашими законодательными мѣрами и тутъ, какъ по отношенію къ Бухарѣ, поставлены въ необходимость продавать

свою бязь дороже кашгарской на $2\frac{1}{2}\%$. Вслѣдствіе того уже появляются требованія мѣстныхъ властей объ обложеніи кашгарскихъ произведеній, наравнѣ съ издѣліями Сыръ-дарьинской области, пошлиною въ $\frac{1}{40}$ часть ихъ стоимости.

Вообще говоря, та или другая система взиманія зякета въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ можетъ имѣть большое вліяніе на всю нашу торговлю въ Средней Азіи.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ, Россія сдѣлала большіе шаги къ тому, чтобы овладѣть среднеазіятскою торговлею. Правительство содѣйствовало тому, освободивъ отъ пошлины азіятское сырье при проходѣ его черезъ бывшія Оренбургскую и Сибирскую таможенные линіи. Вслѣдъ затѣмъ, наше купечество, основавъ свои конторы въ Бухарѣ, Ташкентѣ и Кокандѣ, отодвинуло, такъ сказать, среднеазіятцевъ отъ Нижняго до нашихъ границъ и обратило киргизскую степь въ нашъ внутренній рынокъ. Количество вывоза нашихъ товаровъ стало именно съ тѣхъ поръ увеличиваться съ каждымъ годомъ, а ввозъ азіятскихъ товаровъ—ограничиваться все болѣе и болѣе однимъ сырьемъ. Такимъ образомъ активное положеніе нашего купечества въ Средней Азіи и облегченіе доставки сырья на русскій рынокъ должны быть предметомъ главныхъ заботъ администраціи Туркестанскаго генераль-губернаторства.

Но основныя свойства зякета и особенныя условія новопріобрѣтеннаго края таковы, что администраціи крайне трудно удовлетворить этимъ требованіямъ нашей торговли.

Если, согласно буквального смысла проекта «Положенія», пропускать беспошлинно въ Нижній и Москву всѣ иностранные караваны и обкладывать ихъ пошлиною въ томъ случаѣ, если они вздумаютъ расторговываться въ Туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ, то

этимъ будетъ поощряться самая невыгодная для насъ система торговли съ Азіею—пассивная для русскаго рынка. Подобнымъ мѣропріятіемъ мы станемъ содѣйствовать вновь водворенію азіатскихъ товаровъ въ киргизской степи и на нашемъ востокѣ. Здѣсь, благодаря грубымъ вкусамъ, азіатскіе товары, опираясь на покровительство нашихъ законовъ, успѣютъ опять пріобрѣсти себѣ значительный кругъ потребителей, хотя они и стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже нашихъ произведеній. Кромѣ того, если пропускать въ Россію иностранные караваны безпошлинно, а вѣзти зякетъ съ товаровъ, принадлежащихъ жителямъ Сыръ-дарьинской области, то послѣдніе передъ лицомъ русскихъ законовъ станутъ пользоваться меньшими правами, чѣмъ чужеземцы, что положительно нельзя допускать по многимъ политическимъ причинамъ.

На этихъ соображеніяхъ иностранные товары были обложены пошлиною въ $\frac{1}{40}$ часть ихъ стоимости при проходѣ ихъ черезъ Туркестанское генераль-губернаторство. Это распоряженіе, вызванное дѣйствительными потребностями нашей торговли, имѣетъ, однако, свои невыгодныя стороны, потому что взиманіе зякета со всѣхъ иностранныхъ товаровъ ведетъ къ возвышенію цѣны сырья на московской биржѣ. Не взимать же пошлины съ бухарскихъ хлопка и шелка-сырца было невозможно по сравненію съ положеніемъ дѣлъ въ Сыръ-дарьинской области, гдѣ сырье, отправляемое въ Россію, находится еще въ болѣе неблагопріятномъ положеніи. Хлопокъ, напримѣръ, обложенъ тамъ танапною податью, которая уплачивается ранѣе, чѣмъ собранный хлопокъ переходитъ на базаръ. Затѣмъ, при отправленіи его на русскій рынокъ, онъ оплачивается опять зякетомъ уже какъ товаръ, что не можетъ не вліять на возвышеніе цѣны Сыръ-дарьинскаго хлопка въ Москвѣ.

Ко всѣмъ недостаткамъ, вытекающимъ изъ свойствъ

зякета, необходимо присовокупить еще одинъ: туземцы Сыръ-дарьинской области обложены зякетомъ, который они обязаны уплачивать какими бы товарами они ни торговали; такимъ образомъ, если туземецъ получить русскій товаръ съ Нижегородской ярмарки, то за право торговать имъ въ Сыръ-дарьинской области онъ платитъ значительную пошлину, которая становится еще выше, если русскія произведенія будутъ отправлены на продажу въ независимыя ханства. Подобная аномалія, какъ обложеніе пошлиною издѣлій собственныхъ фабрикъ, есть слѣдствіе желанія, вызваннаго осторожностью и неполнымъ знаніемъ мѣстныхъ условій Туркестанскаго края, удержать въ одномъ и томъ же Государствѣ двѣ податныя системы, основанныя на діаметрально противоположныхъ основаніяхъ. Хотя пишущій эти строки и самъ былъ въ составѣ Коммисіи, проектировавшей положеніе для Туркестанскаго генераль-губернаторства, тѣмъ не менѣе онъ считаетъ своимъ долгомъ сознаться въ своей прошлой ошибкѣ.

Изо всего сказаннаго въ настоящей запискѣ о зякетѣ вытекаютъ слѣдующія положенія:

1) Эта подать, какъ имѣющая чисто религіозный характеръ, а потому сложившаяся такъ, что плательщикъ можетъ повѣряться только собственною совѣстью, едва ли можетъ быть рачіонально организована, пока мы будемъ стоять, по отношенію къ ней, на точкѣ зрѣнія мусульманской юриспруденціи.

2) Органы по взиманію зякета такъ, какъ онъ предположенъ проектомъ «Положенія», поставлены въ положеніе, недопускающее возможности руководить ихъ дѣйствіями и тѣмъ не менѣе ихъ контролировать. Всякій же другой способъ взиманія непремѣнно предполагаетъ либо насиліе со стороны сборщиковъ, либо произволъ со стороны плательщиковъ.

3) Зякетъ, какъ подать, весьма тяжелъ для платель-

щиковъ, и если богатые могутъ откупаться отъ нея, то бѣднымъ, вѣроятно, придется уплачивать зякетъ полностью, а эта несправедливая неравномѣрность одинаково вредна и для правительственнаго кредита и для развитія народнаго благосостоянія.

4) Внутренній зякетъ съ капиталовъ, обращающихся на базарахъ и въ лавкахъ, едва ли дастъ сколько-нибудь значительную цифру, по большей трудности заставить общественныя управленія взыскивать зякетъ со всѣхъ лицъ, которыя обязаны его уплачивать. Можно опасаться, что законъ о внутреннемъ зякетѣ останется мертвою буквою, такъ какъ примѣненіе его къ дѣлу находится всецѣло въ рукахъ туземныхъ властей, а не русской администраціи.

5) Зякетъ, налагаемый на туземцевъ въ Сыръ-дарьинской области и на вывозимые ими въ Россію товары, особенно на сырье, весьма сильно затрудняетъ развитіе мѣстныхъ торговли и благосостоянія.

6) Зякетъ, налагаемый на иностранныхъ купцовъ, при распродажѣ ихъ товаровъ въ Сыръ-дарьинской области, подвергаетъ одной и той же пошлинѣ безразлично и сырье и мануфактурныя издѣлія.

7) Зякетъ, какъ онъ проектированъ положеніемъ объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-дарьинской областяхъ, даетъ на русскихъ рынкахъ предпочтеніе иностраннымъ товарамъ и сырию надъ произведеніями Туркестанскаго края.

8) Для уравниенія правъ туземцевъ Сыръ-дарьинской области съ правами хивинцевъ, бухарцевъ, кокандцевъ и кангарцевъ, необходимо было обложить зякетомъ иностранные товары, направляющіеся въ Россію, при проходѣ ихъ черезъ территорію Туркестанскаго генералъ-губернаторства, т. е. содѣйствовать возвышенію цѣны на сырье.

9) Вслѣдствіе зякета, который уплачивается жите-

лями Сыръ-дарьинской области, русскіе товары, которые туземцы продають въ этой области или отправляютъ въ сосѣднія ханства, обложены весьма высокою пошлиною.

Всѣ эти недостатки не могутъ быть уничтожены однимъ исправленіемъ подробностей зякета, потому что они вытекають изъ самыхъ свойствъ этой подати. При исправленіи на практикѣ его недостатковъ, администраціи Туркестанскаго края приходилось обыкновенно выбирать изъ нѣсколькихъ, весьма неудовлетворительныхъ, рѣшеній одно менѣе дурное, но все таки неудовлетворительное. Вопросъ о зякетѣ такъ и останется для мѣстной администраціи неразрѣшимой дилеммой до тѣхъ поръ, пока она будетъ принуждена удовлетворять европейскія требованія Россіи азіатскою духовною податью.

Основываясь на сказанномъ, казалось бы цѣлесообразнымъ и согласнымъ съ нуждами нашихъ мануфактуръ измѣнить зякетъ соотвѣтственно съ нашими законами, т. е.

1) Освободить сырье отъ уплаты зякета, иностранное, точно также какъ вывозимое изъ Туркестанскаго генераль-губернаторства.

2) Туземныхъ купцовъ, ведущихъ заграничную торговлю, обязать брать свидѣтельства і гильдіи.

3) Внутренній зякетъ замѣнить торговыми свидѣтельствами, причемъ необходимо раздѣлить лавки и караванъ-сарай на разряды и установить особую плату за каждый разрядъ.

4) Издѣлія западно-европейскихъ или остъ-индскихъ фабрикъ запретить совершенно къ ввозу изъ сосѣднихъ ханствъ, и

5) Обложить иностранные караваны, приходящіе въ Туркестанское генераль-губернаторство съ азіатскими издѣліями, зякетомъ въ $\frac{1}{40}$ стоимости и, для упрощенія счетовъ, взыскивать этотъ зякетъ съ каждаго приходящаго каравана.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что подобное измѣненіе зякета значительно уменьшить въ первое время цифру доходовъ Туркестанскаго генераль-губернаторства, тѣмъ не менѣе мѣстная администрація, основываясь на всемъ сказанномъ, полагаетъ совершенно необходимымъ видоизмѣнить эту подать и именно на только что приведенныхъ основаніяхъ.

Если бы и Министерство Финансовъ сочло возможнымъ произвести это измѣненіе, то казалось бы необходимымъ, чтобы министръ финансовъ официально извѣстилъ бы объ этомъ Туркестанскаго генераль-губернатора. По выработкѣ на мѣстѣ новаго проекта взиманія зякета (какъ слѣдуетъ называть всѣ пошлины и подати съ туземныхъ капиталовъ въ генераль-губернаторствѣ) онъ могъ бы ввести его въ дѣйствіе либо вдругъ, либо постепенно измѣняя прежнюю систему взиманія и въ то время, которое сочтетъ онъ для того наиболѣе благопріятнымъ. Затѣмъ новыя правила о зякетѣ, по испытаніи ихъ двухлѣтнимъ опытомъ, могли бы быть представлены на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, вмѣстѣ съ остальными частями проекта «Положенія по управленію въ Семирѣченской и Сырдарьинской областяхъ».

Генераль-Маіоръ *Гейнсъ*.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.